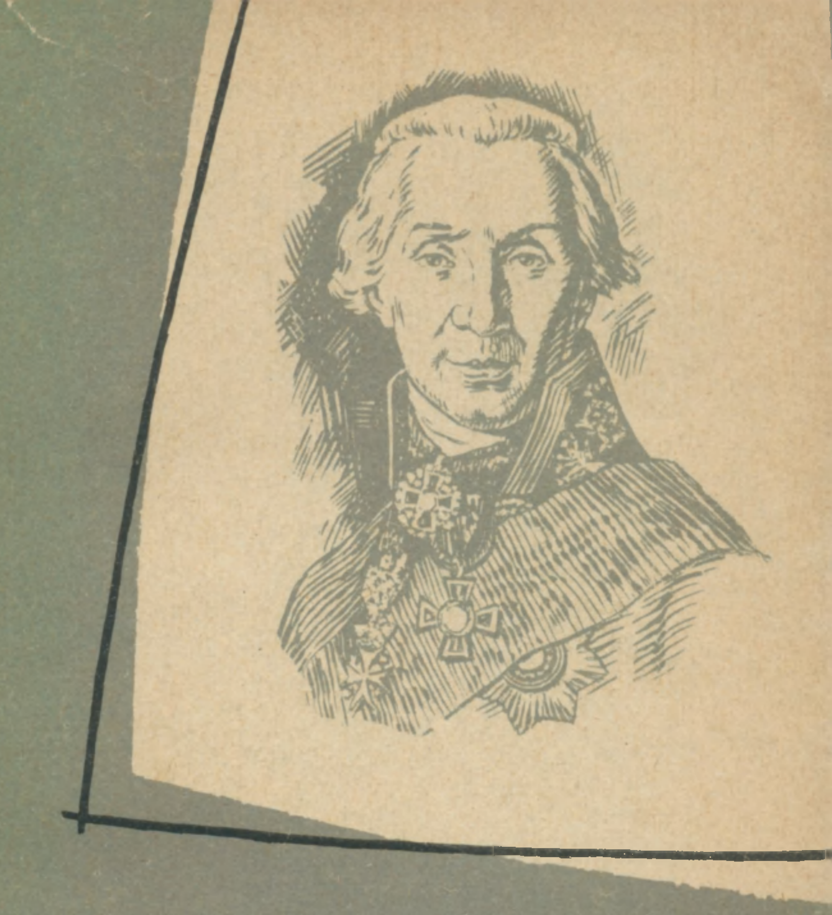
БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

В. Западов

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

Г. Р. Державин.

С портрета работы С. Тончи. 1801 г.

В. ЗАПАДОВ

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ

Доктору
Аннелизе Лаух
с глубоким уважением
автор.
Вл. Западов
30/VI-1967 г.
Ленинград.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОСВЕЩЕНИЕ"
Москва—Ленинград 1965

Мы имеем в Державине *великого, гениального русского* поэта, который был верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II.

В. Г. Белинский.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Будущий поэт родился в небольшой деревушке близ Казани 3 июля 1743 г.[1] Первенец майора Романа Николаевича Державина, он родился настолько маленьким, хилым и тощим, что родители прибегнули к старинному народному средству: младенца обмазывали тестом и клали в нежаркую русскую печь. В этом примитивном «инкубаторе» мальчик лежал подолгу, часами.

Ребенок выжил и был назван Гаврилой. Рос мальчик живым, бойким, смышленым. Уже на пятом году жизни он выучился начаткам грамоты. Первой его учительницей была мать, женщина сама почти неграмотная, но понимавшая значение образования. Научив сына тому немногому, что она знала — умению читать по складам, Фекла Андреевна поручила дальнейшее обучение дьячку церкви города Ставрополя на Волге, где в это время служил Роман Николаевич. Через два года отца Державина перевели в Оренбург, и здесь семилетний Гаврила предстал перед губернатором.

Дело было в том, что по тогдашним порядкам малолетние сыновья дворян (их называли «недорослями») обязаны были по достижении семилетнего возраста проходить первый государственный экза-

[1] Даты везде по старому стилю.

мен — «первый смотр», как тогда говорили. На этом «смотре» недоросль должен был «объявить», сколько ему лет, чему он уже учился, кто его предки и сколько крепостных крестьян у его родителей. Через пять лет, на «втором смотре», он должен был доказать, что «совершенно читать и чисто писать умеет». После этого мальчик мог оставаться дома только в том случае, если родители давали расписку, что обучат сына какому-нибудь иностранному языку, арифметике, геометрии и закону божьему. В 15 лет юношу следовало доставить в Петербург или в Москву на новый смотр, и его либо определяли в какое-либо государственное училище, либо отпускали домой с обязательством, что он выучится географии, истории и военно-инженерному делу. Наконец, по указу Петра I в 20 лет каждый дворянин определялся в военную службу рядовым солдатом.

Таков был установленный порядок. Однако знатные и богатые дворяне старались обходить указ и записывали ребенка в военную службу иногда при самом его рождении. Мальчик еще сосал соску и забавлялся игрушками, а ему уже присваивались первые чины, и к моменту вступления в службу он становился офицером.

Именно такой была служебная карьера Петруши Гринева, героя «Капитанской дочки» Пушкина. Еще в пеленках он, по ходатайству влиятельного князя Б., был записан сержантом в гвардейский полк, до 16 лет проказничал и повесничал дома, а на семнадцатом году в офицерском чине попал в Белогорскую крепость.

Роман Державин не имел ни влиятельных покровителей, ни денег, чтобы дать взятку тому, от кого зависела запись в полковой список, и его сыну суждено было начинать службу солдатом. По этой же причине отцу Державина трудно было бы пригласить для обучения сына домашних учителей (школ в Оренбурге тогда не было), но помогла случайность: некий немец, по имени Иосиф Розе, ссыльный каторжник, завел в городе школу для дворянских детей.

Конечно, только отсутствие настоящих учителей позволило Розе стать преподавателем. Он был круглым невеждой. Своих учеников он учил только разго-

варивать и читать по-немецки и заставлял переписывать и зазубривать наизусть немецкие спряжения и склонения, которые сам списывал из учебника.

К такому-то «учителю» попал маленький Державин. В довольно короткий срок — в два-три года он научился говорить, читать и писать по-немецки, а еще больше пристрастился к рисованию. У него не было ни учителя, ни даже красок, но все стены своей комнаты мальчик оклеил картинками, которые сам перерисовывал пером с плохоньких печатных рисунков и раскрашивал чернилами и охрой.

В октябре 1753 г. отец Державина, взяв с собой Гаврилу, отправился в Москву хлопотать об отставке. Заодно он хотел, съездив в Петербург, определить сына либо в Сухопутный шляхетный кадетский корпус (так называлось учебное заведение для дворянских детей), либо в артиллерию, так как там мальчика должны были обучить математике, инженерному делу и т. п. Старые знакомые предлагали записать Гаврилу Державина в гвардию, но отец воспротивился этому: он хотел, чтобы его сын учился.

Дела задержали подполковника Державина в Москве, в Петербург он не попал и уехал в Казань, думая в следующем году отвезти сына в столицу, но в ноябре 1754 г. умер, оставив вдову с двумя детьми. Ее бедственным положением воспользовались богатые помещики-соседи и захватили бо́льшую часть земельных угодий Державиных. Надо было судиться, но не хватало ни сил, ни денег.

Державин впоследствии вспоминал об этом времени: «Мать, чтоб какое где-нибудь отыскать правосудие, должна была с малыми своими сыновьями ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по нескольку часов, дожидаясь их выходу; но когда выходили, то не хотел никто выслушать ее порядочно; но все с жестокосердием проходили мимо, и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами, в крайней горести и печали».

Одиннадцатилетний мальчик смотрел и запоминал. С этих пор на всю жизнь он возненавидел взяточничество, корыстолюбие, беззаконие, и много лет спустя, будучи уже в больших чинах, Державин не мог

оставаться равнодушным, видя притеснения, которым подвергаются вдовы и сироты.

Все же Фекла Андреевна не забывала завета покойного мужа: дать детям образование — и пригласила для них учителей математики — сначала гарнизонного солдата, а потом артиллерийского унтер-офицера. Итак, первыми учителями Державина были дьячок, немец-невежда и гарнизонный солдат — те же самые фигуры, которые четверть века спустя Д. И. Фонвизин дал в наставники Митрофану.

В 1757 г. мать отвезла Гаврилу на очередной смотр с тем, чтобы потом отдать его в кадетский корпус. Но так как с выдачей нужных бумаг канцелярские чиновники тянули, пришлось возвращаться в Казань. А в следующем году надобность в поездке в столицу отпала: в Казани открылась гимназия.

В России первой половины XVIII века учебных заведений было мало, и, по ходатайству попечителя Московского университета И. И. Шувалова, императрица Елизавета Петровна разрешила открыть в Казани гимназию с двумя отделениями: одним — для детей дворян и другим — для детей «разночинцев» (купцов, мещан и т. д.). Казанская гимназия была подчинена Московскому университету, который прислал для нее первых учителей и директора, учебные пособия, учебники и т. п. Директором был назначен М. И. Веревкин, человек образованный, известный переводчик с разных языков, а позднее — и автор драматических произведений.

В январе 1759 г. новая гимназия была торжественно открыта. В числе тридцати первых учеников ее были и два брата Державины — Гаврила и Андрей.

Главной целью обучения в гимназии было дать ученикам начатки общего образования и, главное, подготовить их к светской жизни. Поэтому, кроме арифметики, геометрии, инженерного дела, истории и географии, здесь обучали рисованию, музыке, танцам и фехтованию. Особенное внимание было уделено иностранным языкам — латинскому, немецкому, французскому. Зато русского языка в первый учебный год вовсе не было: не нашлось учителя. Со следующего года обучать гимназистов русскому языку взялся учитель латинского языка, но и от него уче-

ники узнали немного. Да и другим предметам учили неважно: преподаватели были плохие, учебников не хватало.

Гаврила Державин учился охотно и старательно. Правда, математика ему не очень давалась, но зато он шел в числе первых по «предметам, касающимся воображения»: музыке, рисованию, литературе. Когда после окончания первого учебного года по приказанию Шувалова в газете «Московские ведомости» были напечатаны имена девяти лучших учеников казанской гимназии, то в числе прочих, отмеченных «за свою прилежность, успехи и доброе поведение», мы встречаем и имя Державина.

Помимо обязательных занятий в гимназии, Державин много читал и жадно смотрел трагедии Сумарокова и комедии Мольера, которые ставились гимназистами.

Зимой 1759—1760 гг. Веревкин, будучи в Москве, представил попечителю Московского университета Шувалову (он считался и попечителем казанской гимназии) чертежи, карты и рисунки Казанской губернии, выполненные лучшими учениками. Вельможе работы гимназистов очень понравились, и он приказал этих учеников записать в разные гвардейские полки, а Державина, в соответствии с его собственным желанием, чертежником с унтер-офицерским чином (как тогда говорили, «кондукто́ром») в Инженерный корпус.

Известие об этом поощрении вызвало большую радость в гимназии. Награжденные стали носить мундиры своих полков, Державину была сшита «кондукто́рская» форма, и, так как тогда инженерная и артиллерийская специальности были очень близкими, он во время гимназических праздников исполнял обязанности артиллериста: стрелял из пушки, пускал фейерверки и т. д.

Способный и энергичный юноша вскоре стал помощником Веревкина в экспедициях. Целью экспедиции 1760 г. было составление плана города Чебоксары. Пока остальные ученики во главе с директором гимназии обмеряли улицы, кварталы, дворы, площади, Державин занимался наиболее ответственным

делом — чертил самый план. Чертеж этот был настолько велик, что во всем городе не нашлось подходящего по размеру помещения, и Державин работал на чердаке большого купеческого дома. Впрочем, работа окончена не была, и план на телеге был доставлен в Казань в незавершенном виде.

Новая экспедиция была предпринята Веревкиным в 1761 г.

Между Камой и Волгой в X—XV веках существовало Болгарское царство, некогда крупный центр высокоразвитых ремесел и торговли. Его древняя столица — город Бóлгары (или Бóлгар) находилась недалеко от современной Казани. Болгары были разрушены еще в XV веке, но часть построек была цела и в XVIII столетии.

Экспедиция должна была снять план древнего города, описать сохранившиеся дома и развалины, списать надписи с гробниц, провести археологические раскопки. Через несколько дней после начала работ Веревкин уехал, оставив Державина за старшего. Лишь глубокой осенью экспедиция вернулась в Казань. План древнего города, зарисовки сохранившихся зданий, описание развалин, кувшины и другая утварь, множество различных украшений: кольца, браслеты, ожерелья, серьги, — наконец, богатая коллекция старинных монет — медных, серебряных, золотых — таковы были результаты этой одной из первых археологических экспедиций в России.

Кувшины, украшения и монеты Веревкин оставил у себя, а планы и рисунки приказал переделать набело, чтобы потом представить все материалы Шувалову. Но в первых числах января 1762 г. Веревкин срочно выехал в Петербург в связи со смертью императрицы Елизаветы Петровны. Материалы экспедиции остались на хранении у Державина.

А вскоре и самому Державину нежданно-негаданно пришел вызов из Петербурга. По-видимому, произошла какая-то путаница, и вместо Инженерного корпуса Державин был записан солдатом лейб-гвардии Преображенского полка. Согласно паспорту, выданному в 1761 г. в полковой канцелярии, он был отпущен для продолжения учения до начала 1762 г., следовательно, уже опоздал явиться в полк к сроку.

Державин был очень огорчен. Для службы в гвардии нужны были немалые средства, а их-то у Державиных и не было. Главное же — приходилось распроститься с мыслями о дальнейшем учении и карьере военного инженера, о чем мечтал покойный отец и что совпадало с желанием самого юноши.

Веревкин помочь не мог: вследствие доноса гимназических учителей он был уволен со службы и в Казань не вернулся. Новый же директор гимназии Державина не знал и вступиться за него не мог.

Пришлось ехать, не закончив гимназического курса. Кое-как, частью из своих скудных средств, частью заняв у родственников, Фекла Андреевна собрала сто рублей для сына, да еще дала старинный рубль петровской чеканки. Этот рубль, материнское благословение, Державин берег как величайшую драгоценность и сохранил до конца дней своих.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК

Державин явился в Преображенский полк с трехмесячным опозданием. В полковой канцелярии его подвергли допросу, но выяснилось, что в просрочке он не виновен, и его зачислили рядовым третьей роты старейшего русского гвардейского полка.

В то время рядовые-дворяне обычно жили на частных квартирах. У солдата Державина не было ни родственников в Петербурге, ни средств, чтобы нанять квартиру, и жить ему пришлось в казарме вместе с двумя холостыми и тремя женатыми солдатами из крестьян.

К нему, как и к другим новичкам, был приставлен специальный унтер-офицер, обучавший его ружейным приемам и «фрунтовой» службе. Одновременно Державин должен был вместе со всеми солдатами участвовать в учениях и парадах, до которых тогдашний император Петр III был великий охотник, стоять в карауле, ходить за провиантом, выполнять различные «черные» работы: разгребать снег, чистить каналы и т. д.

Разыскав в одно из первых увольнений Веревкина, Державин передал ему материалы болгарской экспедиции. Веревкин представил молодого солдата И. И. Шувалову. Вельможа принял Державина приветливо и, обратив внимание на его рисунки и чертежи, направил юношу в Академию художеств к выдающемуся граверу Е. П. Чемесову. Чемесов, которому рисунки Державина тоже понравились, обещал помочь в занятиях рисованием и науками.

Однако у молодого солдата для регулярных занятий литературой, рисованием, музыкой просто не оставалось времени, да это и невозможно было в усло-

виях казармы. Читать книги и писать стихи Державин мог только по ночам.

Часто видя его с книгой или с пером в руках, товарищи по казарме, а затем и другие солдаты стали обращаться к Державину с просьбой написать письмо: сами они были почти все неграмотны. А в благодарность за это они выполняли за Державина разные работы, стояли в карауле и т. п. Державин в короткое время приобрел расположение солдат. Уже через два месяца он был выбран солдатским казначеем, ему были поручены артельные деньги и заготовление продовольствия и амуниции, необходимых для похода против Дании, который был объявлен Петром III.

Внука Петра I, с одной стороны, и внучатого племянника Карла XII — с другой, князя захудалого герцогства Голштинского с детства готовили к шведскому престолу и усиленно прививали ему ненависть к сокрушительнице шведского могущества — России. Так как у императрицы Елизаветы Петровны не было детей, она вызвала племянника в Петербург. Здесь Карл-Петр-Ульрих Голштинский был окрещен в православие под именем Петра Федоровича и объявлен наследником российского престола. Между тем по личным своим качествам он не был способен править не только что Россией или Швецией, но даже и маленькой Голштинией. Взрослый ребенок, остановившийся в своем развитии, на четвертом десятке лет всерьез предававшийся куклам и игре в деревянные солдатики, неуч, поразивший невежеством императрицу Елизавету, солдафон, объявивший себя подмастерьем прусского короля Фридриха II, в пользу которого он шпионил в России, Петр III в короткий срок восстановил против себя почти все слои русского общества.

Вступив на русский престол в конце декабря 1761 г., Петр III свел на нет все победы русских в Семилетней войне, объявив о мире с Пруссией и отказавшись в пользу Фридриха от всех завоеваний — даже от тех, которые сам Фридрих согласен был оставить за Россией. Бесславно окончив войну, Петр III затеял совершенно не нужный России поход

против Дании, намереваясь русскими руками возвратить Голштинии отнятый у нее Шлезвиг.

Особенно роптала гвардия. Утомительная шагистика на прусский манер, которой должны были заниматься все — от солдата до фельдмаршала; неудобные прусские мундиры[1]; замена русских начальников голштинцами, назначение офицерами безграмотных голштинских лакеев и сапожников; образование — параллельно русской — специальной голштинской гвардии, которую император противопоставлял русским гвардейцам; наконец, угроза вообще расформировать русскую гвардию — все это привело к образованию многочисленных групп недовольных и заговорщиков.

Отдельные группы постепенно объединились вокруг братьев Орловых. Старший из них, Григорий, капитан артиллерии, любимец жены Петра III — Екатерины Алексеевны, стал руководителем заговора. Всеми действиями заговорщиков тайно управляла жена императора, в чью пользу и хотели устроить переворот гвардейские офицеры. Накануне переворота Екатерина насчитывала на своей стороне 40 офицеров и 10 000 солдат лейб-гвардии. Сочувствовали заговорщикам многие лица из высшей знати и духовенства.

Объявление о походе в Данию переполнило чашу терпения. Заговорщики решили арестовать Петра III при проводах гвардии в поход, объявить его неспособным управлять страной и провозгласить Екатерину самодержавной императрицей.

События были ускорены случайным арестом участника заговора капитана Преображенского полка Пассека. Испугавшись, что под пыткой он выдаст остальных, заговорщики решили действовать немедленно. Алексей Орлов на рассвете 28 июня 1762 г. ворвался в спальню Екатерины в Петергофе, поднял ее с постели и привез в Петербург в Измайловский полк. Солдаты по барабанному бою сбежались на площадь и во главе с Екатериной и командиром пол-

---

[1] Державин, например, как преображенец, вместо просторного темно-зеленого кафтана, введенного Петром I, «щеголял» в кургузом мундирчике, узком камзоле и тесных штанах канареечного цвета; на голове около ушей у него, как грибы, торчали завитые крупные локоны — букли, густо вымазанные сальной помадой, а на затылке красовалась толстая коса, выгнутая дугой,

ка двинулись в Семеновский полк. С измайловцами и семеновцами Екатерина отправилась к Казанскому собору, где ее встретила конная гвардия. Во время молебна она была провозглашена самодержавной императрицей; затем гвардия направилась к Зимнему дворцу. Сюда вскоре прибежал Преображенский полк, а также и некоторые армейские части. Здесь же собрались члены высших правительственных органов: светского — Сената и духовного — Синода. Войска, Сенат и Синод принесли присягу новой императрице.

Было разрешено носить старую форму, и многие тут же, на площади перед дворцом, сбрасывали ненавистные кургузые мундиры и надевали темно-зеленые кафтаны. Прусскую форму швыряли на землю и затаптывали в грязь.

Один из офицеров сорвал с себя нагрудный знак, пожалованный Петром III, и бросил своим солдатам, думая, что те обратят его в деньги. Солдаты, действительно, с жадностью подхватили золотой знак, но надели его на шею собаке. Украшенного подобным образом пса гоняли с яростным гиканьем.

Пока солдаты так развлекались, на совещании во дворце было решено двинуться на Петергоф, где находился Петр III. Вечером 28 июня четырнадцатитысячная армия выступила в поход. Впереди в гвардейском мундире и в офицерской шляпе, украшенной, как и шляпы гвардейцев, дубовой ветвью, на коне ехала Екатерина. На следующий день Петр III отрекся от престола (спустя неделю он был убит), а Екатерина с войсками вернулась в город.

Державин был в самой гуще событий, принимал участие во всех действиях Преображенского полка, но происходящее мало его трогало. Новичок в столице, редко выходивший из казармы, он не сочувствовал ни Петру III, ни Екатерине, да и мысли его заняты были другим: накануне переворота у него из-под подушки украли доверенные ему ротой деньги. Товарищи-солдаты приняли живейшее участие в поисках, вор и деньги были скоро обнаружены.

В начале июля Екатерина II объявила о том, что ее коронация состоится в сентябре. Этот торжественный обряд «венчания на царство», во время которого императрица должна была возложить на себя импе-

раторскую корону, по обычаю должен был происходить в древней столице России — Москве, в Успенском соборе Кремля. Для участия в церемонии в Москву прибыли двор и гвардия, правительство и знать. Сама коронация состоялась 22 сентября, а официальные торжества продолжались полгода. Все это время в Москве был и Державин.

Здесь он узнал, что И. И. Шувалов после коронационных празднеств собирается ехать за границу. Державин явился к своему бывшему начальнику и подал прошение, в котором просил Шувалова взять его с собой для пополнения образования. Вельможа просьбу тут же прочел и велел Державину прийти в другой раз за ответом.

Но этому замыслу не суждено было исполниться: вмешалась тетка Державина, фанатично религиозная женщина старого покроя. Считая заграничные путешествия источником ереси и разврата, а Шувалова — отступником от веры и богохульником, она дала племяннику страшный нагоняй и крепко-накрепко запретила ходить к Шувалову, угрожая гневом матери. Скрепя сердце Державин вынужден был подчиниться.

Оставаясь рядовым солдатом, Державин часто должен был по вечерам разносить офицерам приказы на следующий день. А так как офицеры жили в разных концах Москвы, то возвращался в казарму он далеко за полночь. Такие ночные путешествия были в то время отнюдь не безопасны: однажды на него напали собаки, и Державину пришлось обороняться от них тесаком.

В Москве произошел с ним довольно любопытный случай. Державин явился с приказом к офицеру своей роты князю Ф. А. Козловскому, поэту и переводчику, который жил у известного в то время писателя В. И. Майкова. Солдата провели в кабинет хозяина, где Козловский читал Майкову какую-то трагедию. Отдав приказ, Державин остановился в дверях, заинтересовавшись звучными стихами.

— Поди, братец служивый, с богом, — сказал Козловский, прерывая чтение. — Что тебе здесь попусту зевать? Ведь ты в этом ничего не смыслишь.

Этот случай лишний раз напомнил Державину о

его солдатском звании. Между тем на гвардейцев в начале нового царствования сыпались награды — лишь было бы кому замолвить слово. У Державина такого покровителя не было, и он решил прямо обратиться к майору своего полка Алексею Орлову, который с воцарением Екатерины стал видным вельможей.

Подивившись смелости рядового гвардейца, Орлов выхлопотал ему первый унтер-офицерский чин, и в мае 1763 г. Державин был произведен в капралы. Захотев показаться матери в новом чине, он отпросился в отпуск в Казань, а по возвращении в полк стал опять жить в казарме, но уже с дворянами, которым недостаток средств также не позволял снять частную квартиру.

Стихотворные упражнения Державина нравились его полковым товарищам; но стихи же были и причиной служебных неприятностей. Его куплеты-шутки в адрес каждого из гвардейских полков быстро стали известны и пелись в армии даже много лет спустя. Однажды один из офицеров по ошибке вытащил из кармана стихи Державина, в которых высмеивался полковой секретарь, и подал их вместо приказа. Обиженный секретарь аккуратно стал вычеркивать имя Державина из списков о производстве в очередной чин. Четыре года поэт оставался капралом. Следующий унтер-офицерский чин — каптенармуса Державин получил только в 1767 г., когда полковым секретарем был назначен другой офицер.

Занимается Державин и серьезной поэзией. По книге В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» он получает представление об основах поэтической техники — размерах, рифмах и т. д. Он переложил в стихи первые три части политического романа «Похождения Телемака» французского писателя Фенелона. Познакомившись с Тредиаковским, Державин показал ему свой труд и удостоился благосклонного отзыва.

Подавляющее большинство из написанного Державиным в первое десятилетие его поэтической деятельности до нас не дошло. И вот почему. В марте 1770 г. Державин возвращался в Петербург из очередного отпуска. В Москве в это время начиналась

эпидемия чумы, и на всех дорогах близ Петербурга были устроены специальные карантинные заставы, на которых все проезжающие в столицу должны были в течение двух недель окуривать и проветривать свои вещи. На одной из таких застав, в Тосно, задержали и Державина. Денег у него не было, жить две недели ему было не на что, и он стал упрашивать пропустить его, так как у него не имелось вещей, которые нуждались бы в дезинфекции. Карантинный начальник указал ему на большой сундук, набитый рукописями. Чтобы не задерживаться, поэт при солдатах сжег этот сундук со всем содержимым.

Кое-что из написанного Державин потом восстановил, записав по памяти заново. По этим стихам мы и можем судить о том, что и как писал поэт в начале творческого пути. Он то пытался подражать любовной лирике Сумарокова, то рабски копировал высокие оды Ломоносова, то отрекался и от того, и от другого и пробовал писать самостоятельно, но во всех случаях стихи Державина были одинаково посредственны. Однако именно тогда Державин овладел поэтической техникой, рифмовкой, что сыграло большую роль на следующих этапах его творчества.

В 1771 г. Державин был произведен в фельдфебели и переведен в шестнадцатую роту. Служил он, как всегда, усердно, и, когда полк должен был идти в летний лагерь, командир роты, вовсе не знавший строевой службы, полностью положился на нового фельдфебеля. В новой роте Державин также снискал доверие сослуживцев, которые поручили ему ротную офицерскую кассу (хотя сам он офицером еще не был).

К новому году собрание ротных командиров и офицеров полка рекомендовало присвоить Державину офицерский чин. Полковой адъютант, хотевший выдвинуть своего брата, наговорил на Державина начальству, и решено было его в гвардейские офицеры не производить под предлогом бедности, а выпустить офицером в армию. Однако знавшие его офицеры стояли на своем: кроме Державина, они никого другого аттестовать не могут. 1 января 1772 г. Державин был произведен в прапорщики, то есть стал офицером после десяти лет службы, 28 лет от роду.

Однообразная строевая служба тяготила поэта, он искал случая выдвинуться, но мешало отсутствие средств. «Бедность была для него, — вспоминал Державин об этом времени, — в самом деле великим препятствием носить звание гвардейского офицера с приличием: особливо так как тогда более даже нежели ныне блеск богатства и знатность предпочитались скромным достоинствам и ревности к службе» [1]. Ехать в армию добровольцем (в это время Россия воевала с Турцией) он не мог по той же причине, а гвардию на войну не посылали.

Но в сентябре 1773 г. в Петербурге узнали о крестьянском восстании, во главе которого стоял Емельян Пугачев.

---

[1] «Записки... , заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина». Все цитаты из них и из объяснений поэта на свои сочинения в дальнейшем берутся в кавычки и даются без дополнительных указаний. Часто Державин говорит о себе в третьем лице: «он», «автор» и т. п.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

В середине XVIII века особенно обострилось основное экономическое противоречие России — противоречие, обусловленное положением двух основных классов: помещиков-дворян — землевладельцев и крестьян — земледельцев.

К началу XVIII столетия оба главных класса несли определенную службу в пользу государства. Дворянин обязан был лично служить в военной или в гражданской службе, за что, кроме денежного жалованья, имел право владеть землей и живущими на ней крестьянами. Все крестьяне должны были отдавать часть своего труда в пользу государства в виде налогов. Те же из крестьян, которые работали на помещичьей земле (крепостные), помимо этого, должны были платить своему господину оброк или отрабатывать барщину.

В течение первой половины XVIII века дворянство постепенно освобождается от обязательной пожизненной государственной службы. Процесс этот был окончательно узаконен «Указом о вольности дворянства» от 18 февраля 1762 г. Однако, избавившись от службы, дворянство сохранило право владения землей и крепостными.

Крестьянство же все более и более закрепощалось. Деревни и даже целые уезды, ранее свободные, становились собственностью дворян, главным образом любимцев Екатерины. Увеличивался экономический гнет, усиливалась и личная зависимость крестьян от помещика. Если раньше крепостные могли хотя бы жаловаться на помещика-деспота, то указом 1767 г. любая жалоба крестьян запрещалась, а жа-

лобщикам грозило наказание кнутом и ссылка на каторгу.

Особенно тяжело приходилось барщинным крестьянам, которые должны были платить своему господину не деньгами (оброком), а обработкой его земли. Законом была разрешена трехдневная барщина, но зачастую крестьяне работали на помещика четыре, пять и даже шесть дней в неделю.

Нелегким было положение и дворовых, то есть крестьян, обслуживающих барский дом. Конечно, такие звери, как Дарья Салтыкова («Салтычиха»), погубившая 140 человек, были редкостью. Но подобных П. А. Румянцеву или тульской помещице-вдове были тысячи. Румянцев, человек военный, составил своеобразный «прейскурант», в котором со скрупулезной точностью определил, какую сумму взыскать с крепостного за ту или иную вину, сколько дать плетей или батогов (палок): розог он не любил, считая их слишком мягким средством наказания. А набожная помещица-вдова очень любила щи с бараниной, и, пока она их ела, перед ней секли кухарку, причем секли не за плохо сваренный обед, а так, для аппетита.

Крайне тяжелым было и положение крестьян, обязанных работать на заводах — государственных или частных. Принудительный труд от зари до зари, по 16—18 часов в день, нищенская плата, неуклонно снижавшаяся, жестокие наказания — вот условия труда на горных заводах Урала и фабриках центральной России.

Еще хуже жилось национальным меньшинствам: марийцам, чувашам, башкирам, татарам, так как к экономическому гнету прибавлялось еще и национальное угнетение.

Крепостное крестьянство не мирилось со своим тяжелым положением. Видя, что дворяне освобождаются от несения обязательной службы, крестьяне ожидали и для себя такого же указа. Распространился даже слух о том, что Петр III издал манифест о раскрепощении крестьян, но господа скрыли его от народа, а самого царя убили. Число волнений в деревнях и на заводах неуклонно росло. Нередки были случаи убийства помещиков и заводчиков. Так, на-

пример, в одной только Московской губернии за пять лет — с 1764 по 1769 г. — было убито 30 помещиков и на пятерых совершено покушение. В 1762—1772 гг. в разных местах Российской империи правительство подавило с помощью войск около 40 крупных волнений крестьян и заводских рабочих.

В разных местах появились самозванные «Петры Федоровичи» — «Петры III». Имя этого царя стало популярным в русском народе (который настоящий Петр III презирал, ненавидел и которого боялся) в связи со слухами об отмене крепостного права.

Крупнейшим из народных восстаний XVIII века была крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева.

Начавшееся в сентябре 1773 г. среди яицкого (уральского) казачества восстание быстро охватило Приуралье и Поволжье. Крепости и городки один за другим сдавались восставшим, горные заводы лили для пугачевцев пушки.

В своих манифестах, написанных от имени Петра III, Пугачев «жаловал» крепостных крестьян «вольностью и свободою..., не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, солеными озерами без покупки и без оброку» и освобождал от «всех прежде чинимых, — от злодеев дворян, мздоимцев и судей — крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев».

Крестьяне толпами сбегались к Пугачеву; на его стороне были городские низы и заводские рабочие; его активно поддерживали раскольники и угнетенные национальности: башкиры, татары, марийцы, калмыки и др. Гнев восставших был направлен против дворян. Только в исключительных случаях помещикам и помещицам удавалось уцелеть (известно, например, что братья Радищева были спасены от расправы пугачевцев своими же крепостными), и за короткий срок восставшие перебили свыше полутора тысяч дворян.

Известие о появлении самозванца поступило в Петербург в конце сентября 1773 г., во время бракосочетания великого князя Павла Петровича (будущего Павла I). Екатерина II не обратила сначала особого

внимания на вести о Пугачеве, но уже через две недели ее ошибка стала явной.

Войск в распоряжении местных властей почти не было, ибо бо́льшая часть армии воевала против турок, а часть находилась в Польше и действовала против конфедератов (противников раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией). Овладев многими крепостями между Яиком (ныне река Урал) и Волгой, армия Пугачева 5 октября осадила Оренбург. Против восставших была направлена воинская команда генерала Кара, но, потерпев несколько поражений, Кар бросил своих солдат и позорно бежал в Москву.

В конце ноября для действий против Пугачева был назначен только что усмиривший польских конфедератов генерал А. И. Бибиков. Ему же было поручено и ведение следственных дел о сообщниках Пугачева. Несколько офицеров, выбранных им из гвардейских полков, должны были составить секретную следственную комиссию. Как уроженца Поволжья, хорошо знакомого с тамошними обстоятельствами, Бибиков избрал и Державина.

25 декабря 1773 г. Державин прибыл в Казань и остановился в доме своей матери. Через несколько дней Бибиков направил его в Самару, и с этого момента целый год почти беспрерывно Державин находился в центральных областях восстания, не раз был на волос от смерти, но из затруднительных положений выходил невредимым.

Главной целью державинской командировки была поимка Пугачева, ибо начальство считало, что после поражения Пугачев должен будет бежать в приволжские поселения, в которых он получил благословение раскольников на восстание.

В свою очередь, пугачевцы обещали 10 000 рублей тому, кто доставил бы предприимчивого и смелого офицера к Пугачеву.

Державин был дворянином и во время крестьянской войны отстаивал интересы своего класса. Однако позиция его была сложной. Убежденный сторонник крепостного права, он в то же время на дворянство смотрел как на первое сословие, обязанное служить отечеству, а не ослаблять его безмерной эксплуата-

цией крепостных. Поэтому он в 1774 г. воевал с пугачевцами, вешавшими дворян, а потом всю жизнь боролся с грабителями-чиновниками, разорявшими народ, и на практике осуществлял то, что советовал Д. И. Фонвизин в теории: брал в опеку имения жестоких помещиков.

Не понимая, что главной причиной восстания было крепостничество, Державин все же сумел увидеть то, чего не увидело большинство его современников. Изучая настроение народа и допрашивая пленных пугачевцев, он понял, что восстание было вызвано не самозванством Пугачева и не «злоумышлением» небольшой кучки его соратников, а лихоимством, взяточничеством местных властей, доходившим до прямого грабежа рядовых казаков, городских низов и крестьян. Хотя правительство еще при императрице Елизавете издало указ против взяточничества, хотя Екатерина II также высказывалась против него, это зло русской жизни, естественное порождение самодержавно-крепостнической системы, не уменьшалось.

Державин выступил против взяточничества, и выступил так резко, как никто.

«Надобно остановить грабительство, или, чтоб сказать яснее, беспрестанное взяточничество, — писал Державин казанскому губернатору Брандту, — которое почти совершенно истощает людей... Сколько я мог приметить, это лихоимство производит наиболее ропота в жителях, потому что всякий, кто имеет с ними малейшее дело, грабит их. Это делает легковерную и неразумную чернь недовольною и, если смею говорить откровенно, это всего более поддерживает язву, которая теперь свирепствует в нашем отечестве».

Однако, будучи человеком своего времени, Державин не понимал того, что «грабительство» является неизбежным результатом, естественным порождением самодержавно-бюрократического строя. Этого не понимали и сами восставшие, которые боролись за «хорошего» царя и «хороших» начальников. Державин также думал, что положение народа можно облегчить правительственными указами и строгим соблюдением законов, не разрушая самодержавно-крепостниче-

ской системы, и в этом сказалась его историческая ограниченность. Против самодержавия и крепостничества в XVIII веке выступил только А. Н. Радищев, великий русский революционер.

Служебное положение Державина было непрочным. Бибиков скоропостижно скончался, и на его место было назначено сразу два человека: П. И. Панин в качестве главнокомандующего и П. С. Потемкин как председатель следственной комиссии. Панин, человек, по словам Державина, «честный и любезный», но отличавшийся «непомерным тщеславием», ненавидел фаворита императрицы Г. А. Потемкина и его двоюродного брата П. С. Потемкина. П. С. Потемкин также терпеть не мог Панина, и Державин оказался между двух огней. К тому же пользовавшийся покровительством Панина саратовский комендант, не пожелавший своевременно возвести укрепления, при расследовании сумел представить дело таким образом, что вину за сдачу города пугачевцам возложили на Державина (хотя именно он требовал укрепить город) и обвинили его чуть ли не в государственной измене.

Державин документально опроверг измышления своих врагов, и Панин скрепя сердце был вынужден признать его правоту. Все же важный вельможа не удержался от упрека простому поручику и свысока «рекомендовал» Державину «убавить пылкость смелости» в рассуждениях и соблюдать почтение «к чинам и заслугам выше вашего настоящего состояния». А в письме к императрице главнокомандующий назвал Державина «ветреным», то есть легкомысленным, и обвинил в сдаче Саратова.

Между тем войско Пугачева потерпело ряд поражений, и богатые казаки, спасая себя, выдали Пугачева коменданту Яицкого городка. Получив приказание П. С. Потемкина, своего непосредственного начальника, вернуться в Казань, Державин по собственной инициативе заехал в Симбирск, где находился тогда Панин. Увидев Державина, знавший его генерал Голицын «чрезвычайно удивился, увидя, что маленький офицер приехал сам собою, так сказать, на вольную страсть, к раздраженному, гордому и полномочному начальнику».

— Да знаете ли вы, — сказал Голицын, — что он недели с две публично за столом более не говорит ничего, как дожидает от государыни повеления повесить вас вместе с Пугачевым.

— Ежели я виноват, то от гнева царского нигде уйти не могу.

— Хорошо, — продолжал Голицын, — но я, вас любя, не советую к нему являться, а поезжайте в Казань к Потемкину и ищите его покровительства.

— Нет, я хочу видеть графа.

Державин смело вошел прямо к Панину. Граф, не ответив на приветствие, гордо спросил, видел ли Державин Пугачева.

— Видел на коне под Петровском.

— Прикажи привесть Емельку, — обратился Панин к одному из офицеров.

«Чрез несколько минут, — вспоминал Державин, — представлен самозванец в тяжких оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном, скверном широком тулупе. Лишь пришел, то и встал пред графом на колени. Лицом он был кругловат, волосы и борода окомелком[1], черные, склоконенные; росту среднего, глаза большие, черные на соловом глазуре, как на бельмах. Отроду 35 или 40 лет...».

В результате объяснения с Паниным Державин совсем было расположил графа в свою пользу, но, не вовремя напомнив о П. С. Потемкине, сам же все испортил. П. С. Потемкина, явившись к нему в Казань, Державин нашел также в сильном раздражении, ибо генерал был недоволен тем, что его подчиненный ездил представляться к Панину. Поэтому Потемкин без особенной необходимости приказал Державину снова ехать под Саратов разыскивать старца Филарета, который когда-то благословил Пугачева принять имя Петра III. В хлопотах перед отъездом Державин простудился и чуть не умер от горячки.

Пока он болел, все офицеры, его товарищи по следственной комиссии, разъехались по своим полкам, сам Потемкин уехал в Москву, но Державин отпущен не был и всю весну 1775 г. пробыл вблизи Саратова. Здесь Державин на досуге снова занялся поэзией, написал несколько стихотворений и перевел с

[1] То есть подстриженные в кружок, круглые.

немецкого прозой четыре оды, сочиненные Фридрихом II. В следующем году эти переводы и четыре своих стихотворения Державин издал в Петербурге отдельной книжкой под заглавием «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае».

Только в конце марта 1775 г. Державин получил приказ вернуться в полк, но весенняя распутица задержала его до лета.

10 июля праздновалось заключение мира с Турцией, двор и гвардия были в Москве. В Москву приехал и Державин. За время его отсутствия в полку появились новые начальники: подполковником был назначен Г. А. Потемкин (полковником всех гвардейских полков считалась сама императрица), майором — близкий к Потемкину Ф. М. Толстой. Холодные отзывы П. С. Потемкина, вероятно, повлияли на отношение нового начальника к Державину, к тому же поэт, не зная о введенных Потемкиным новшествах в строевой службе, командуя караулом во дворце, подал команду по старому уставу.

К неприятностям служебным прибавились материальные затруднения: имение Державина было разорено пугачевцами; приятель поэта, за которого он когда-то поручился в банке, бежал, и банковское взыскание было направлено на поручителя — Державина.

В довершение всего Державин узнал, что у него есть при дворе «страшный гонитель» — П. И. Панин, который у императрицы за столом называл его дерзким, коварным и т. д.

Державин неоднократно обращался к Г. А. Потемкину, но все хлопоты были безрезультатны. Наконец, потеряв терпение, он обратился непосредственно к императрице, прося в награду за заслуги перевести его в армию с чином полковника. Екатерина приказала Потемкину наградить Державина, но тот под влиянием наговоров решил, что Державин к военной службе непригоден, и 15 февраля 1777 г., получив в награду 300 душ крестьян в Белоруссии, Державин был отставлен из военной службы в гражданскую с чином коллежского советника (это гражданский, «статский», чин, равный полковничьему), однако без назначения на службу.

ПЛЕНИРА И ДРУЗЬЯ-ПОЭТЫ

Державин особенно не горевал. К этому времени у него появились некоторые связи в светском обществе, поправились материальные дела. А вскоре через знакомых он попал в дом генерал-прокурора Сената князя А. А. Вяземского и сделался там своим человеком.

В те времена в руках генерал-прокурора были сосредоточены обязанности министра внутренних дел, министра юстиции, государственного казначея, государственного контролера и начальника тайной полиции. Вяземский занимал эту должность с 1764 по 1792 г., в течение почти всего царствования Екатерины II. Г. А. Потемкин (а после его смерти П. А. Зубов), А. А. Вяземский и А. А. Безбородко составляли триумвират, который под руководством императрицы фактически правил Россией.

Будучи с февраля по август 1777 г. не у дел, Державин бóльшую часть времени проводил в доме Вяземских на Малой Садовой, на их екатерингофской даче или в Мурзинке, также принадлежавшей генерал-прокурору. Как рассказывал сам Державин, в течение нескольких лет он был «некоторого рода любимцем сего всеми тогда уважаемого дома. С князем по вечерам для забавы иногда играл в карты; а иногда читал ему книги, большею частию романы, за которыми нередко и чтец и слушатель дремали. Для княгини писал стихи похвальные в честь ее супруга».

Княгиня Вяземская предлагала Державину жениться на ее родственнице Катерине Сергеевне Урусовой, одаренной поэтессе, часто гостившей в доме генерал-прокурора. Державин отделался шуткой:

«Она пишет стихи, да и я мараю; так мы все забудем, вознесемся оба на Парнас[1], что и щей сварить некому будет».

Однажды Державин, узнав о том, что в Сенате есть свободное место, приехал к Вяземскому на дачу и застал его за туалетом; у дверей стояла с прошением в руках бедная старуха. Услышав просьбу поэта о месте в Сенате, Вяземский велел ему взять у просительницы бумагу, прочесть про себя и изложить своими словами. Державин прочел и пересказал, причем князь проверял его по прошению. «Вы получите желаемое место», — сказал генерал-прокурор и в тот же день распорядился об этом. Так Державин стал экзекутором первого департамента Сената. В его обязанности входило наблюдение за порядком и хозяйственные дела.

30 августа 1777 г. в доме своего приятеля О. П. Козодавлева, также экзекутора, Державин увидел Катерину Яковлевну Бастидон, которая сразу обратила на себя его внимание. «В другой раз в театре неожиданно она его изумила». Увидев ее в третий раз, Державин, со свойственной ему быстротой решений, объявил бывшему с ним знакомому, что он женится на этой девушке, если она пойдет за него.

Через день Державин, отправляясь на придворный маскарад, где должна была присутствовать и понравившаяся ему девушка, захватил с собою приятеля для того, чтобы тот посмотрел ее «беспристрастными дружескими глазами». Державин вспоминал потом, что, увидя Катерину Яковлевну с матерью, он в восторге так громко воскликнул: «Вот она!», что «мать и дочь на них пристально посмотрели. Во весь маскарад, следуя по пятам за ними, примечали поведение особливо молодой красавицы и с кем и как обращается. Увидели знакомство степенное и поступь девушки во всяком случае скромную и благородную, так что при малейшем пристальном на нее незнакомом взгляде лицо ее покрывалось милою, розовою стыдливостью. Вздохи уже вырывались из груди улы-

[1] Парнас — горный массив в Греции; согласно древнегреческой мифологии, там обитали боги поэзии — Аполлон и музы. Вознестись на Парнас — заниматься поэзией.

бавшегося экзекутора; а его товарищ, человек простой, впрочем умный и прямодушный, их одобрил».

Здесь же Державин, будто в шутку, поведал о своей любви нескольким приятелям, а один из них на следующий день во время обеда у генерал-прокурора во всеуслышание рассказал о влюбленности поэта. Близкий знакомый родителей девушки П. И. Кирилов после обеда потребовал от Державина прекратить шутки в адрес Катерины Яковлевны.

— Да я не шучу, я поистине смертельно влюблен, — отвечал Державин и просил помочь в сватовстве.

Кирилов согласился и на следующий день, будто случайно, привез Державина в дом Бастидон и представил его матери девушки (отец Катерины Яковлевны умер) и ей самой. Через два часа поэт уехал с твердым убеждением, «что ежели на ней женится, то будет счастливым».

Мать Катерины Яковлевны, узнав о предложении Державина, просила подождать ответа несколько дней, чтобы она, по обычаю того времени, могла навести справки о женихе. Державин, со своей стороны, обратился к своему сослуживцу И. С. Яворскому с просьбой «подкрепить предложение».

Сам же Державин, проезжая мимо дома Бастидон и увидев сидевшую у окна невесту, решился узнать мысли самой Катерины Яковлевны, «почитая для себя недостаточным пользоваться одним согласием матери».

Девушка была одна. Державин, поцеловав ей руку, сел возле нее и спросил, знает ли она о его сватовстве. Катерина Яковлевна ответила, что мать ей говорила об этом. На вопрос Державина, что она думает о браке с ним, девушка отвечала, что это зависит от матери.

— Но если б от вас, могу ли я надеяться? — продолжал допытываться нетерпеливый влюбленный.

— Вы мне не противны.

Державин, бросившись на колени, целовал ее руку. В этот момент вошел приехавший Яворский, удивился и воскликнул:

— Ба, ба! И без меня дело обошлось! Где матушка?

— Она поехала разведывать о Гавриле Романовиче.

— О чем разведывать? Я его знаю, да и вы, как вижу, решились в его пользу, — кажется, дело и сделано.

Приехала мать невесты, отпраздновали помолвку, но на окончательный сговор она согласия не хотела дать без позволения наследника престола.

Дело было в том, что невеста Державина была дочерью португальца Якова Бенедикта Бастидона, любимого камердинера Петра III, который привез его в Россию из Голштинии, а мать ее, Матрена Дмитриевна, была кормилицей наследника. Таким образом, будущий император Павел I был молочным братом Катерины Яковлевны и считался покровителем семьи.

Через несколько дней Державин узнал, что Павел желает его видеть. Наследник принял Державина и Матрену Дмитриевну ласково, обещал дать хорошее приданое невесте, «как скоро в силах будет», но обещание это, кажется, так и осталось невыполненным: Екатерина II ненавидела своего сына и стесняла его в средствах.

Свадьбу сыграли 18 апреля 1778 г. Предчувствие не обмануло Державина: жил он с Катериной Яковлевной очень счастливо, годы их брака были лучшими в личной жизни поэта. Красавица южного типа, Катерина Яковлевна обладала исключительно хорошим характером. Всегда ласковая и веселая, она много читала, пела, рисовала, занималась разными рукоделиями, даже пробовала (правда, неудачно) писать стихи. Особенно искусна она была в вырезании силуэтов, то есть портретов в профиль из черной бумаги. Мужа она любила самозабвенно, и он отвечал ей тем же.

Поэт И. И. Дмитриев, позднее познакомившийся и подружившийся с Державиным, так писал о его жене: «Катерина Яковлевна ... с пригожеством лица соединяла образованный ум и прекрасные качества души, так сказать, любивой и возвышенной. Она пленялась всем изящным и не могла скрывать отвращения своего от всего низкого. Каждое движение души обнаруживалось на миловидном лице ее. По горячей

любви своей к супругу, она с живейшим участием принимала к сердцу все, что ни относилось до его благосостояния. Авторская слава его, успехи, неудовольствия по службе были будто ее собственные».

Державин посвятил Катерине Яковлевне ряд стихотворений, причем называл ее в стихах условным именем Плениры. И, конечно, взаимная любовь и семейное счастье были причиной подъема душевных сил Державина, дали толчок расцвету его поэтического гения. Вскоре после свадьбы Державин создает такие произведения, равных которым в русской литературе еще не было, заново рождается как поэт.

С женитьбой связано и еще одно обстоятельство, очень важное для творчества Державина: знакомство с кружком молодых поэтов, которым суждено было сыграть значительную роль в его жизни.

К моменту «второго поэтического рождения» Державина русская поэзия переживала период ломки старых канонов и напряженных поэтических исканий.

В первой половине XVIII века в России широкое распространение получает литературное направление, которое носит название классицизма. В Западной Европе классицизм господствовал на протяжении двух столетий, а в середине XVIII века рядом с ним складываются новые литературные направления: сентиментализм и несколько позднее — предромантизм.

Особенностью русского литературного процесса была его быстрота. Русский классицизм окончательно сформировался в 40—50-х гг. XVIII века, а уже в 60—70-х гг. в русской литературе зарождаются элементы сентиментализма и предромантизма. Внутри же самого классицизма, точнее — в его прогрессивной сатирической линии появляются реалистические тенденции.

Таким образом, 70—90-е годы XVIII столетия были периодом, когда в русской литературе одновременно существовали элементы четырех литературных направлений, и нередко в творчестве одного писателя сосуществовали различные тенденции: классицистическая и реалистическая (Д. И. Фонвизин), реалистическая и сентиментальная (А. Н. Радищев), классицистическая, сентиментальная, романтическая и реалистическая (Г. Р. Державин).

Катерина Яковлевна Державина.

Портрет работы В. Л. Боровиковского.

Философской основой классицизма был взгляд на природу как на нечто неизменное. Поэтому любое явление природы или общественной жизни рассматривалось как нечто застывшее, раз и навсегда данное, неизменяющееся. Такой способ мышления (он называется метафизическим) возник потому, что перед наукой того времени стояла задача аналитического изучения природы, разделения ее на частности, на определенные классы. Сначала нужно было узнать, что собой представляет данное явление, а потом уже изучать те изменения, которые в нем происходят.

Этот же метод разделения и определенной классификации общественных явлений и человеческой природы лежит в основе литературной теории классицизма. Вся литература строго разделялась на жанры, причем каждому жанру соответствовала раз и навсегда закрепленная за ним тематика, и определенные художественные приемы (правила), и даже то впечатление, которое этот жанр должен был производить на читателя или зрителя.

Так, например, политические темы (долг государя и подданного, обязанности правителя, задачи, стоящие перед государством и его правительством, и т. д.) составляли содержание так называемых «высоких жанров» — оды, эпической поэмы, трагедии. Но если трагедия должна была возбуждать сожаление и ужас, то ода обязана была вызывать восторг и преклонение, а эпопея — удивление и восхищение.

Любовная тематика имела множество своих поэтических жанров (они принадлежали к числу «средних жанров»): идиллия, элегия, любовная песня, сонет, мадригал, послание и т. п., причем идиллия должна была пробуждать нежность, элегия — грусть и т. д.

Сатирические жанры (они относились в большинстве своем к разряду «низких жанров») изображали «низкую» действительность, высмеивали бытовые недостатки и пороки отдельных лиц или сословий. Они должны были вызывать такие чувства, как смех, презрение, ирония, гнев и т. п.

Иначе говоря, согласно классицистической теории, в одном произведении не могли быть соединены прославление, утверждение положительного, хорошего

(это была задача оды) и высмеивание плохого, отсталого, ненужного (это была задача сатирических жанров).

Новая русская поэзия, поэзия классицизма, началась сатирами А. Д. Кантемира, которые открыли собой сатирическое направление в русской литературе. Резкая критика сторонников старины, противников петровских реформ, врагов образования обеспечила успех сатир Кантемира у прогрессивно настроенных читателей и была причиной преследований со стороны правительства. Кантемир был фактически изгнан из России, назначен послом в Лондоне и Париже и умер за границей.

Иное направление дали русской поэзии оды М. В. Ломоносова. В них преобладал положительный элемент: утверждение и восхваление петровских преобразований, прославление России, военных побед русского оружия, культурного и экономического развития страны. Ломоносов был сторонником теории «просвещенного абсолютизма», то есть неограниченной самодержавной власти такого монарха, который заботится о всестороннем развитии своей страны, правит по справедливым законам, активно способствует росту культуры, стремится сделать своих подданных просвещенными, образованными, покровительствует наукам и искусствам. В представлении Ломоносова, таким царем в России был Петр I. Но его преемники — Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна — мало заботились о России, передоверив управление ею корыстным временщикам-фаворитам, часто иностранцам, которые грабили государство и народ, думали только о своих интересах. При Елизавете Петровне в известной мере был положен конец застою, и усилиями самого Ломоносова, которого поддерживал фаворит императрицы И. И. Шувалов, было много сделано для экономического и культурного развития России.

Свою прогрессивную программу в области науки и искусства, литературы и экономики Ломоносов вкладывал в свои оды. В них он часто прибегал к восхвалению императрицы за то, что она якобы уже сделала (то есть должна была, по мнению поэта, сделать);

часто, хваля действительно сделанное, поэт ставил перед правительством новые задачи.

В соответствии с высокими идейно-политическими задачами ломоносовской поэзии оды Ломоносова написаны «высоким стилем», то есть торжественным, приподнятым языком. Поэт строго отбирал слова, не допуская в свои стихи «низкие речения», слова, по его мнению, не соответствующие торжественному тону и высокому содержанию, и обильно вводил заимствованные из древнерусского и церковнославянского языков слова. В разговорной речи такие слова уже не употреблялись, но были понятны каждому образованному человеку. Те же черты характерны для философской оды и оды научно-философской, также впервые созданных Ломоносовым.

Для других литературных жанров Ломоносов ввел «низкий стиль», в котором преобладали слова разговорного языка (этим стилем следовало писать комедии, басни и т. д.), и «средний», промежуточный (его употребляли для любовной лирики, стихотворных дружеских посланий и пр.). «Теория трех штилей» для своего времени имела прогрессивный характер, так как покончила с пестротой литературного языка и препятствовала засорению русского языка иностранными словами.

Младший современник Ломоносова — теоретик русского классицизма А. П. Сумароков писал од значительно меньше, предпочитая излагать свои политические идеалы и требования в трагедиях. В то же время Сумароков был родоначальником многих жанров, посвященных изображению чувств человека, особенно любви, дружбы и т. д. В соответствии с требованиями классицизма чувства человека должны были быть облечены в условную форму, особую для каждого жанра, излагались условным языком. Несмотря на такие ограничения и условности, Сумароков сумел добиться в лирике больших успехов. Особенного мастерства в передаче тончайших оттенков любовного чувства поэт достиг в своих замечательных песнях.

Большое значение для развития русской литературы имели и басни («притчи») Сумарокова, в которых поэт яростно нападал на недостатки тогдашней жизни: некультурность и необразованность рядовых

дворян, горделивость и чванство знатных, произвол и жестокость помещиков, крючкотворство и продажность судей и чиновников. В баснях и сатирах, сатирических журнальных статьях и комедиях Сумароков с честью продолжал сатирическое направление в русской литературе, начатое Кантемиром. К этому же направлению относились сатирические стихотворения Д. И. Фонвизина и его замечательные комедии «Бригадир» и «Недоросль».

Введя в свою сатирическую комедию «Недоросль» широко разработанные положительные образы (Стародум, Правдин, Софья, Милон), Фонвизин пытался соединить в одном произведении критический и утверждающий элементы, которые до этого времени в литературе были разобщены. Но «Недоросль» был написан позднее. А пока что в поэзии отдельно существовали стихи, направленные на утверждение положительного, нужного, прогрессивного, и стихи, обличавшие отдельные недостатки тогдашней жизни.

Под пером подражателей Ломоносова жанр оды в 60—70-е гг. XVIII века выродился, утратив ту главную черту, которая была у Ломоносова: острую прогрессивную направленность, программность. Ломоносовская ода-«рекомендация», ода-«программа» превратилась в чисто хвалебный жанр. В бесчисленных одах подражателей Ломоносова зачастую не было ничего, кроме лести и похвал, обращенных к императрице, ее любимцам и вельможам екатерининского двора.

Тогдашнее тяжелое состояние поэзии остро ощущалось многими талантливыми поэтами, которые пытались, каждый по-своему, изменить характер поэзии, раздвинуть жанровые перегородки, ввести в поэзию просторечие, живой разговорный язык, отойти от классицистических условностей, приблизиться к реальной действительности. В середине 70-х гг. группа молодых людей — в большинстве своем талантливых поэтов — образовала в Петербурге дружеский кружок (по имени Н. А. Львова, главы кружка, его принято называть «львовским»).

Николай Александрович Львов (1752—1803) был человеком необычайно разносторонним. Поэт, драматург, переводчик с французского, итальянского,

латинского, греческого и других языков, дипломат, он превосходно рисовал и великолепно разбирался в живописи, был архитектором и инженером, геологом и строителем, собирал народные русские песни и изучал музыку, отлично знал античную поэзию и современную литературу, был остроумным собеседником и тонким литературным критиком. Львов был теоретиком кружка; от поэзии он требовал прежде всего естественности и простоты, вводил в свои стихи разговорную речь и бытовые детали.

Отдавая должное Ломоносову, которого он называл «богатырем» русской литературы, Львов говорил, что, разделив литературный язык на «стили» и узаконив употребление устаревших слов, Ломоносов нанес русскому языку значительные «увечья».

Поэт и баснописец Иван Иванович Хемницер (1745—1784), отбросив грубоватость и натуралистичность, свойственные сумароковской притче, ввел в свои басни простоту и живость, народный дух и легкий разговорный язык. Из всех баснописцев своего времени Державин ставил наиболее высоко именно Хемницера.

Василий Васильевич Капнист (1757—1823), человек также очень образованный, писал стихи на русском и французском языках. Особенно он склонялся к сатире, был автором замечательной «Оды на рабство», а позднее написал известную в свое время резко обличительную комедию «Ябеда». Капнист способствовал знакомству Державина с античной поэзией, переводил специально для него стихи древнеримского поэта Горация.

Ближайший друг Львова и Хемницера, Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) — поэт, прозаик, драматург, переводчик с семи европейских языков — при жизни печатал мало стихов, но писал много. Особенностью Муравьева было обостренное чувство нового и понимание тех путей, по которым пойдет развитие поэзии. Высоко оценивая деятельность Ломоносова и как ученого и как поэта, Муравьев вначале шел по его стопам. Но уже к середине 70-х гг. молодой поэт избрал иной путь, превратив свою поэзию в летопись своих чувств и переживаний, в своеобразный лирический дневник, сделав центром своих стихов

свое «я», то есть первым в русской литературе ввел в поэзию частного человека с его интимными переживаниями, сделал свое творчество самовыражением души автора. В его стихах исчезло обязательное тогда деление на жанры.

Примыкал к кружку замечательный драматург и поэт Я. Б. Княжнин.

Молодых людей объединяли как общие литературные устремления, так и дружеские связи. Все они были близки к семейству обер-прокурора Сената А. А. Дьякова, человека образованного, любившего литературу. В его доме в конце 70-х гг. существовал даже домашний театр, в котором играли члены его семьи и друзья дома, в том числе великий русский актер и режиссер И. А. Дмитревский. У Дьякова было пять дочерей, из которых Екатерина вскоре стала женой Капниста. За Марией ухаживали Хемницер и Львов, и она тайно обвенчалась с Львовым, так как родители отвергли его предложение (молодым супругам пришлось скрывать свой брак в течение трех лет!).

Близкая подруга сестер Дьяковых, Катерина Яковлевна ввела Державина в их дом, и он скоро подружился с молодыми поэтами, особенно с Львовым, Хемницером и Капнистом. Люди более образованные, чем Державин, они знакомили его с лучшими достижениями античной и европейской поэзии, читали свои стихи, дружески критиковали державинские произведения и поддерживали то ценное, что оказывалось в его поэзии.

Окрыленный счастливой любовью, Державин писал много, и его стихотворения нашли вдумчивых слушателей и строгих ценителей.

РАСЦВЕТ ТАЛАНТА

Результаты не замедлили сказаться. Уже в 1779 г. в журнале «Санктпетербургский вестник» была напечатана «Ода на смерть князя А. И. Мещерского».

Этим стихотворением начинается второй период творчества Державина, когда поэт одно за другим создает такие глубоко новаторские произведения, как «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» (1779), «Властителям и судиям» (1779—1780), «Фелица» (1782), «Решемыслу» (1783), «Видение мурзы» (1783—1784), «Бог» (1784) и другие.

Уже в оде «На смерть князя Мещерского» ярко проступили новые черты державинской поэзии. Особенно явственно видны они, если сравнить оду 1779 г. с одой «На смерть Бибикова», написанной пятью годами раньше. Ода 1774 г. еще не выходит за рамки традиционных (и весьма посредственных) произведений этого жанра:

Твои заслуги и почтенье
К тебе от всей твоей страны
Уже стократно боле сто́ят,
Как нежели тебя забыть.
У всех, достоинства кто любит,
Твой образ в мысли будет вечен:
Внемли! се муз несется стон;
Военна добродетель тужит,
Минерва с россами крушится;
Любовь, мой плач твердят: увы! [1]

---

[1] Внемли — услышь. Се — вот. Музы — в античной мифологии богини искусств. Минерва — богиня мудрости; часто в стихах так называли императрицу Екатерину II. Россы — русские.

Бледный, невыразительный, тяжелый язык, нагромождение отвлеченных образов и обобщений, вялость стиха, отсутствие подлинно поэтических образов (в лучшем случае — применение образов, уже использованных другими поэтами) характерны для этой оды, как и для большинства произведений первого периода творчества Державина.

В оде же на смерть Мещерского отчетливо проявились многие стороны зрелого державинского таланта. Новым было и то, что Державин посвятил оду кончине не всесильного вельможи, не государственного деятеля, не полководца, и то, что поэт обращался к другу умершего С. В. Перфильеву, также человеку незнатному. В этом стихотворении перед русским читателем впервые (Муравьев не печатал своих стихов) предстал образ частного человека — автора, самого Державина. Когда Ломоносов в своих стихах говорил «я», то это «я» обозначало вовсе не живого М. В. Ломоносова, а какого-то условного, отвлеченного поэта, «пиита» вообще. А у Державина «я» — это совершенно конкретный живой человек, сам Державин, с его личными горестями и радостями, с его частной жизнью, размышлениями и делами.

Содержание стихотворения — размышления о жизни и смерти. Известие о неожиданной кончине приятеля приводит Державина к размышлениям о грозной, неодолимой смерти вообще, о бренности всего мира. И тут же мысль поэта перескакивает на его, Державина, собственную судьбу:

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен...

Такие слова никогда бы не мог сказать условный ломоносовский «пиит». Это говорит сам Гаврила Романович Державин, человек, пораженный вестью о внезапной смерти приятеля, задумавшийся над своей собственной жизнью и пришедший к выводу:

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! дóлжно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

Стихотворение написано рукой зрелого мастера. Уже первая строка останавливала внимание читателя:

Глагол времен! металла звон!

Эти торжественные и теперь не совсем понятные слова обозначают совершенно конкретные часы и их бой. Повторяя в конце каждой стопы[1] звучные полупротяжные согласные «л» и «н», поэт создает впечатление мерного, ритмичного боя часов.

В известной степени уже в этом стихотворении можно видеть смешение «высоких», торжественных мыслей и образов с близкими к жизненным, «сниженными», почти реалистическими образами. Так, например, торжественное обращение к часам:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к смерти приближает, —

сменяется образом смерти, нарисованным в несколько «сниженных» тонах, образами, взятыми из реальной повседневной жизни:

Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

---

[1] Стопа — ритмическая единица стиха, представляющая собой сочетание одного ритмически более сильного слога (ударного) с одним или несколькими более слабыми (безударными). В этом стихотворении использован ямб — размер, в котором после одного безударного слога следует ударный.

Сравним державинское воплощение этой мысли со стихами, например, Муравьева. Муравьев писал так:

Едва родимся мы — уж стонем
И прежде в бедствиях потонем,
Чем будем помнить мы себя;
А время, невозвратно время,
Бежит и косит смертно племя,
Их тлен и память потребя [1].

(«Ода шестая», 1775).

Легко заметить близость этих строк (по-видимому, Державин вступил в творческое соревнование с Муравьевым), даже совпадение отдельных слов. Тем нагляднее разница. У Муравьева говорится о довольно отвлеченном времени, которое «бежит» и «косит» человечество, поглощая прах людей и даже память о них.

У Державина образ смерти конкретизируется. Она «скрежещет зубами» и ощутима зрительно: «как молнией, косою блещет и дни мои, как злак, сечет». Сами художественные образы взяты из обыденной русской жизни: смерть подсекает косой человека, подобно крестьянину, жнущему рожь. Далее эта «жизненность» еще более подкрепляется:

И бледна смерть на всех глядит...
И точит лезвие косы...

Отсюда уже недалеко до полностью «бытового» образа смерти:

И смерть к нам смотрит чрез забор —

(Приглашение к обеду», 1795)

и строк, поразивших своей величавостью и одновременно обыденностью такого художника, как Гоголь:

И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя, задумавшись, усы.

(«Аристиппова баня», 1811).

---

[1] Потребя — поглотя, истребив.

«Слог у него так крупен, — писал Н. В. Гоголь, отмечая одну из главных особенностей поэзии Державина, — как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина. Кто бы посмел, кроме него, выразиться так, как выразился он?.. Кто, кроме Державина, осмелился бы соединить такое дело, каково ожидание смерти, с таким ничтожным действием, каково кручение усов?»

А о художественном впечатлении, которое производило стихотворение на читателя, хорошо сказал великий русский критик В. Г. Белинский: «Как страшна его ода «На смерть князя Мещерского»: кровь стынет в жилах, волосы, по выражению Шекспира, встают на голове встревоженною ратью, когда в ушах ваших раздается вещий бой *глагола времен,* когда в глазах мерещится ужасный остов смерти с косою в руках!».

«Ода на смерть князя Мещерского» была напечатана в сентябрьском номере журнала, а в декабре в том же «Санктпетербургском вестнике» появились — опять без подписи — «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока», посвященные рождению внука Екатерины II, будущего Александра I. Рождение ребенка в царском семействе всегда было темой только торжественных од, а Державин избрал форму, характерную для легких, так называемых «анакреонтических» стихов. Впоследствии поэт писал: «Хотя на тот случай была сочинена автором ода и в 1777 г.», когда родился Александр, «но как в не соответственном дару автора вкусе, а в ломоносовском, к чему он чувствовал себя неспособным, то та ода в сочинениях его и не напечатана, а сия написана после». Свои неудачи в подражаниях Ломоносову Державин объяснял тем, что он не мог «выдерживать» постоянно «красивым набором слов» свойственных только Ломоносову великолепия и пышности.

От Ломоносова у Державина осталось только одно: утверждение положительного идеала путем показа положительного примера; причем свой идеал Державин поначалу ищет там же, где и его великий

предшественник, где искали почти все писатели XVIII века, — в теории просвещенного абсолютизма.

Дело в том, что борьба против злоупотреблений вельмож, дворянства и чиновничества за благо России была определяющей чертой деятельности Державина и как государственного деятеля, и как поэта. А силу, способную достойно руководить государством, вести Россию к славе, к процветанию, к «блаженству», Державин видел только в просвещенном абсолютизме. Отсюда появление в его творчестве темы Екатерины II — Фелицы. Этой темой, красной нитью проходящей через творчество Державина 80-х гг., объединены многие его произведения: «Фелица», «Благодарность Фелице», «Решемыслу», «Видение мурзы» и др.

Надо сказать, что некоторые основания для того, чтобы считать Екатерину II просвещенным монархом, у Державина были. И не только у Державина.

Екатерина II была женщиной умной, хитрой и властной. Еще задолго до вступления на престол она всерьез принялась создавать себе репутацию покровительницы просвещения, философа и сторонницы свободомыслия, завела переписку с французскими философами-просветителями Вольтером, Дидро и др., покровительствовала русским писателям и поэтам, заигрывала с гвардией и вельможами.

Именно эта игра в свободомыслие обеспечила Екатерине симпатии гвардии и обусловила легкую победу над Петром III.

Вступив на престол, Екатерина повела двойственную политику. С одной стороны, сотни тысяч ранее свободных крестьян были закрепощены и раздарены многочисленным любимцам и приближенным императрицы. Любое неповиновение со стороны крестьян беспощадно преследовалось, любая попытка сопротивления свирепо подавлялась. За непочтительный отзыв об императрице сотни людей подвергались пыткам в Тайной канцелярии, гноились в тюрьмах, гибли в Сибири.

С другой стороны, продолжая разыгрывать роль «просвещенной монархини», Екатерина много говорила и писала о необходимости строго соблюдать законы, относиться к крепостным гуманно, человечно.

В 1767 г. она собрала Комиссию по составлению нового уложения (свода законов), в которую входили выборные депутаты от дворян, купцов, казаков, государственных крестьян, национальных меньшинств. Для руководства работой Комиссии императрица написала специальный «Наказ», составленный на основе сочинений западноевропейских просветителей — философов и юристов. В «Наказе» высказывались мысли о необходимости гуманности, законности, просвещения и т. д. Однако эти идеи, которые во Франции подготовили идеологию буржуазной революции 1789 г., Екатерина, перевернув с ног на голову, приспособила для укрепления самодержавия и крепостного права.

Уже первые дни работы Комиссии показали глубочайшую пропасть между теоретическими рассуждениями русской императрицы и реальной действительностью. Слишком различны были интересы крестьянства и дворянства, промышленников и помещиков, купцов и крестьян. Центральным сразу же стал вопрос о крепостном праве. С одной стороны, в речах демократически настроенных депутатов звучала резкая критика помещиков-крепостников, раздались требования ограничить крепостное право. С другой стороны, купцы-промышленники хотели получить право владеть крепостными, а помещики стремились сохранить эту привилегию за собой. Пойти на разрыв с дворянством Екатерина не могла и не хотела и поэтому под благовидным предлогом разогнала Комиссию. Спустя еще несколько лет пугачевское восстание в полной мере вскрыло глубокие противоречия самодержавно-крепостнического строя, показало его ненадежность. С этого момента Екатерина II все охотнее прибегает к силе, перестает считаться с мнением кого бы то ни было.

Однако не забывает она и о значении идейного воздействия. Продолжая переписываться с философами-просветителями, Екатерина старается убедить их в своей верности идеям просвещенного абсолютизма, печатает в России их сочинения, которые были запрещены в самой Франции, переиначивает на свой лад прогрессивные идеи энциклопедистов, хвастливо рассказывает о «благоденствии» русского народа во время ее правления,

Екатерина II сделала многое и для создания репутации «матери своих подданных» внутри страны. Она приняла ряд мер для просвещения России, распространения в ней образования: были организованы бесплатные школы для народа, училища и гимназии; заводились больницы, богадельни, сиротские и воспитательные дома. Во время ее правления были проведены существенные мероприятия по расширению промышленности, торговли, улучшению земледелия. Екатерина ввела прививки против оспы, причем первый в России опыт оспопрививания был проделан на ней самой и ее сыне.

Великолепно понимая силу печатного слова, Екатерина обращается к помощи литературы. Она много сочиняет сама: из-под ее пера выходит множество нравоучительных и публицистических статей, комедий, трагедий, «исторических трудов» и т. д. Одновременно она пытается сплотить вокруг престола поэтов и писателей, которые, славя ее как просвещенную монархиню, способствовали бы укреплению самодержавия, но ни одного действительно крупного и талантливого поэта на свою сторону ей привлечь не удается.

Лицемерная маска просвещенного государя окончательно сползла с Екатерины после французской революции 1789 г. Не успели еще отгреметь победные крики народа, взявшего штурмом Бастилию, как Екатерина запрещает переиздание в России сочинений Вольтера. Последнее семилетие царствования Екатерины II (1789—1796) становится одной из самых мрачных эпох в истории русского самодержавия. Одно за другим следуют судебные дела Радищева, Новикова, Княжнина и многих других писателей и прогрессивных деятелей. Радищева ссылают в Сибирь, Княжнин погибает в застенках Тайной канцелярии, Новиков заживо гниет в Шлиссельбургской крепости, на Александровской площади в Петербурге пылают зажженные рукою палача костры из «крамольных» книг.

Это лицемерие Екатерины II, это противоречие между словами и делами русской императрицы со временем разглядел и Державин. Но пока он не был еще близко знаком с государыней. Создавая ее образ,

поэт руководствовался рассказами о ней, о распространении которых заботилась сама Екатерина, автопортретом, нарисованным в ее литературных сочинениях, идеями, проповедовавшимися в ее «Наказе» и указах. В то же время Державин очень хорошо знал многих видных вельмож екатерининского двора — Г. А. Потемкина, А. Г. Орлова, А. А. Вяземского, П. И. Панина, под начальством которых ему приходилось служить. Поэтому идеализация образа Екатерины II у Державина сочетается с критическим отношением к ее вельможам.

Так в 1782 г. поэт приходит к созданию оды «Фелица». Само имя героини, которое по-латински означает «счастье», Державин заимствовал из «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной для внуков.

С первых же строк оды Фелица (а в ней читатели легко угадывали русскую императрицу) рисуется поэтом прежде всего с точки зрения ее человеческих качеств:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем[1]
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Добродетельной Фелице противопоставлен порочный татарский вельможа, «мурза», — собирательный сатирический портрет крупнейших вельмож: Потемкина, Панина, Вяземского, Орлова, Нарышкина и других:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,

[1] Налой — высокий столик, конторка.

То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан...
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне...

Далее Державин сравнивает правление Екатерины с жестокими нравами, царившими в России во времена бироновщины при императрице Анне Иоанновне, и воздает хвалу Фелице за ряд полезных для страны законов.

Написав оду, Державин не решился напечатать ее, опасаясь мести со стороны вельмож, изображенных в сатирическом плане. Такого же мнения были и друзья поэта — Н. А. Львов и В. В. Капнист. «Фелица» была заперта в ящике державинского стола и пролежала там около года, пока случайно не попалась на глаза приятелю Державина О. П. Козодавлеву. Козодавлев выпросил оду почитать, дав обещание держать ее в секрете, и в тот же день вернул «Фелицу» автору.

Прошло несколько дней, и Державин с тревогой узнал, что И. И. Шувалов у себя за столом читал оду в присутствии большого числа гостей. Одновременно поэту сказали, что текст «Фелицы» требует к себе Потемкин. С помощью Н. А. Львова Державин через статс-секретаря императрицы А. А. Безбородко передал «Фелицу» Екатерине, надеясь на ее заступничество. Козодавлев, с своей стороны, показал стихотворение Е. Р. Дашковой, президенту Академии наук.

«Фелица» понравилась Екатерине. Она натолкнула императрицу на мысль издавать журнал, с помощью которого можно было бы руководить общественным мнением, бороться с дворянской оппозицией. Как раз в это время Екатерина писала

большой исторический труд, в котором, фальсифицируя историю, доказывала, что русские князья и цари постоянно заботились о благе России и народа, а если и делали что-либо плохое, то всегда виновны в этом были злые советчики — вельможи и бояре.

Этот журнал, под названием «Собеседник любителей российского слова», начинает выходить с мая 1783 г. Из номера в номер в нем печатаются екатерининские «Записки касательно российской истории», а открывает первый номер «Собеседника» «Фелица» Державина.

Желая окончательно привлечь на свою сторону талантливого поэта, Екатерина милостиво приняла Державина во дворце, сделав, однако, вид, будто она не знает, что он — автор «Фелицы» (еще бы, ведь и в журнале было напечатано, что сочинена ода «татарским мурзою», а не коллежским советником Державиным!), и прислала ему ценный подарок — табакерку и 500 червонцев.

Но если Екатерине «Фелица» понравилась, а Потемкин и Орлов только посмеялись, узнавая свои черты в державинском мурзе, то страшно рассердились другие вельможи и особенно Вяземский. Человек мнительный и не очень умный, Вяземский каждый сатирический выпад Державина «относил к себе или к своей жене». Как рассказывают современники, «он в каждой строчке повсюду читаемого поэта видел черту вдохновенной мести».

Зато в кругах наиболее передовых русских людей высокие поэтические достоинства оды принесли ей широкую по тому времени популярность. А. Н. Радищев, например, писал: «Преложи многие строфы из оды к Фелице, а особливо, где мурза описывает сам себя, без стихов останется почти та же поэзия». «У каждого, умеющего читать по-русски, очутилась она в руках», — свидетельствовал О. П. Козодавлев.

Новым в оде «Фелица» было то, что Державин рисовал императрицу прежде всего как человека. Надо сказать, что в поэзии Державина слово «человек» являлось наивысшей похвалой.

«Будь на троне человек!» — призывал поэт будущего царя Александра I («Стихи на рождение в Се-

вере...»). «Я человек», — говорит Фелица в оде «Изображение Фелицы», отказываясь от поднесенных ей «священных титлов». «Был в вельможе человек», — писал Державин о старом покровителе искусств и наук И. И. Шувалове («Эпистола И. И. Шувалову», черновой вариант, 1777), а через двадцать лет то же самое сказал о молодом полководце В. А. Зубове («На возвращение графа Зубова из Персии», 1797). «Прекрасный человек!» — снова повторил поэт в 1804 г. при известии о смерти Зубова. Не умрут лишь дела того, кто «любит общее добро» и в сане «всех вельмож, судей, царей чтит лишь только человека и желает сам им быть», — утверждал Державин свое право на бессмертие в оде «Время» (1805).

Ум и сердце человечье
Были гением моим, —

снова подчеркнул поэт в стихотворении «Признание» (1807), которое он считал «объяснением на все свои сочинения».

Именно бесчеловечье царей и вельмож обличал поэт в сильнейших своих сатирических произведениях — «Властителям и судиям», «На коварство», «На счастие», «Вельможа». Именно человека ценил он в Фелице, выдвигая на первый план человеческие достоинства «киргиз-кайсацкой царевны». Именно за высокие человеческие качества возвеличивал Державин И. И. Шувалова, А. В. Суворова, Г. А. Потемкина, А. Г. Орлова и других, не считаясь с тем, что зачастую его герои оказывались в опале и прославлять их в это время было более чем неблагоразумно.

Организующим центром поэзии Державина все больше становится образ автора, остающийся единым во всех произведениях. Это конкретный человек с плотью и кровью, который передает свое личное отношение к миру, вещам и людям независимо от их общественного положения. И как человек, а не условно-отвлеченный «пиит», он видит бытовые недостатки вельмож, «небесно-голубые взоры» и «скоропишущее перо» Екатерины. Вместе с образом автора в поэзию Державина входит вполне естественное в устах человека просторечие — живой разговорный язык, то, что

сам поэт позднее назвал «забавным русским слогом».

Это внимание к человеку, выдвижение на первый план в поэзии человека-героя и человека-автора сделало Державина родоначальником русской реалистической поэзии. Оно же и вытекавшие из него, как следствия, реформа языка, смешение жанров и стилей, создание новой системы художественной образности обеспечили поэзии Державина восторженный прием читателей. Но поэзия создала Державину и могущественных врагов в лице обиженных вельмож.

ПОЭТ И ЦАРЕДВОРЦЫ

Первое время служба Державина в Сенате шла успешно. Точность, исполнительность, бескорыстие, инициатива выгодно отличали поэта от многих его сослуживцев. Князь Вяземский оказывал ему доверие, полагая, что новый чиновник, всем обязанный ему, не станет перечить своему «благодетелю». А Державин, в свою очередь, хорошо исполнял поручаемые ему дела, в частности под его наблюдением в 1779 г. было перестроено здание Сената. В это время произошел любопытный случай, не прошедший бесследно для поэта.

Державин придумал украсить зал общего собрания Сената барельефами, на которых в иносказательной форме изображались Истина, Совесть, Правосудие, Человеколюбие. Целью их было постоянное напоминание сенаторам, что дела надо решать не по прихоти, а по истине и совести, соблюдая законы. По просьбе поэта Н. А. Львов составил проекты изображений, а скульптор Рашетт вылепил сами барельефы. Когда все было готово, Державин, гордый своей выдумкой и ее воплощением, привел Вяземского на осмотр. Генерал-прокурор задержался около барельефа, на котором изображена была Истина (а ее, в соответствии с выражением «нагая истина», в искусстве обычно изображали в виде обнаженной женщины).

— Вели ее, брат, несколько прикрыть, — сказал Вяземский.

Этот эпизод стал для Державина символическим. «С тех пор стали отчасу более прикрывать правду в правительстве», — заметил он в «Записках». В творчестве его этот случай послужил толчком к написанию стихотворения «Властителям и судиям».

А вскоре поэт столкнулся с корыстью и неправдой уже в самых высших сферах.

Князь Вяземский, один из некоронованных повелителей России, был человеком ограниченным, но весьма хитрым. Он постоянно поддерживал императрицу в ее борьбе с Сенатом, когда тот хотел хоть в малейшей степени ограничить самовластие Екатерины II. Прикидываясь простоватым, Вяземский в глаза императрице говорил, что сам он глуп и все делает только по ее указаниям. Но больше всего укрепил генерал-прокурор свое положение тем, что, составляя государственный бюджет, утаивал часть доходов. Императрице же очень часто нужны были деньги на непредвиденные расходы, на подарки любимцам и на личные прихоти. И вот тут-то князь Вяземский в момент, когда, казалось, денег было неоткуда взять, как волшебник и чародей, нивесть откуда изыскивал и почтительнейше подносил Екатерине нужную сумму. Именно эта способность доставать деньги делала Вяземского для императрицы незаменимым, и она закрывала глаза на самоволие и обман генерал-прокурора.

Державин ничего не знал об этом, и, когда в конце 1783 г. ему стало известно, что Сенат не собирается составлять бюджет на новый год и хочет утвердить те же цифры, что и в предыдущем, он возмутился: по его подсчетам выходило, что доходов было получено гораздо больше, чем за прошлые годы.

Сказавшись больным, Державин заперся дома и в две недели составил ведомость доходов по всему государству. Оказалось, что получено было ни много ни мало — на 8 миллионов рублей больше! И в приемный день на стол генерал-прокурора, в присутствии многих чиновников, легла объемистая рукопись.

Вяземский сердился на Державина с тех пор, как получил от Екатерины экземпляр «Собеседника» с одой «Фелица», в которой императрица подчеркнула места, относившиеся лично к нему. Больше всего генерал-прокурора задела строфа, изображавшая его «развлечения»:

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;

То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову[1] читаю;
За библией, зевая, сплю.

Уже тогда Вяземский стал притеснять Державина так сильно, что меньше чем через три месяца после опубликования «Фелицы» Д. И. Фонвизин выступил в защиту Державина с резкой сатирической статьей «Челобитная российской Минерве от российских писателей». Издеваясь над Вяземским и другими вельможами, которые «всякое знание», а особенно литературу считают «не иначе как уголовным делом», сатирик поддерживал Державина, предупреждая, что «знаменитые невежды» тайно сговорились между собою «в нижеследующих пунктах: 1. Всех упражняющихся в словесных науках к делам не употреблять. 2. Всех таковых, при делах уже находящихся, от дел отрешать».

Теперь весь ход событий подтвердил жизненность и справедливость фонвизинской сатиры. Генерал-прокурор дал волю своему гневу и досаде.

— Вот новый государственный казначей, вот умник! — закричал он на Державина. — Извольте же, сударь, отвечать, когда не будет доставать сумм на новые расходы по указам императрицы!

Державин никак не ожидал такого результата. Он-то полагал: глава Сената обрадуется, узнав, что государственный доход вырос на 8 миллионов, а оказалось, что тот давно знает об этом, но хочет утаить из корыстных интересов.

«С чувствительным огорчением, так что пролились из глаз слезы», выслушав выговор, Державин не смирился, а потребовал, чтобы генерал-прокурор приказал рассмотреть новый бюджет. Вяземский дал свое

[1] Бова и Полкан — герои авантюрного романа о Бове-королевиче, считавшегося в то время «низким чтением».

согласие, так как был уверен, что не искушенный в финансовых вопросах чиновник в чем-нибудь да ошибся. Каково же было изумление и гнев генерал-прокурора, когда все двадцать управляющих и советников Сената единогласно подтвердили истинность державинских подсчетов!

Обнаружив, что «для того не хотели открыть точного доходу, чтобы держать себя более в уважении», хорошо представляя себе, «что нельзя там ему ужиться, где не любят правды», и не желая способствовать обману, Державин решил уйти из Сената и для начала подал просьбу об отпуске на два года. Вяземский, опасаясь, что эта история дойдет до ушей императрицы, испугался и через своего родственника предложил Державину взять прошение обратно, но поэт стоял на своем. Разгневанный вельможа 8 декабря 1783 г. приказал: уволить Державина в отставку вообще.

Но о разыгравшемся скандале узнала императрица, и Вяземский рискнул на решительный шаг: сам подал в отставку. Екатерина была поставлена перед выбором: лишиться ли крупнейшего государственного деятеля, хотя и обманщика, но человека, который был ее верным орудием в политической борьбе и который безропотно снабжал ее деньгами, — или уволить чиновника, не желавшего быть слепой игрушкой в руках лжи и неправды, но к тому же — поэта, чье перо могло ей пригодиться.

На отставку Вяземского императрица не согласилась и уговорила его остаться на своем месте, сказав при этом немало лестных слов. Но и Державин был ей нужен, и поэтому, утвердив 15 февраля 1784 г. отставку поэта, Екатерина захотела подсластить пилюлю и сказала статс-секретарю А. А. Безбородко:

— Скажи ему, что я его имею на замечании. Пусть теперь отдохнет; а как надобно будет, я его позову.

Державин решил уехать к матери. Он уже отправил зимним путем домашние вещи в Тверь (там их весной должны были погрузить на суда и по Волге доставить в Казань), собрался было ехать и сам. Но тут с большой силой нахлынули на него творческие замыслы, и поэт поскакал в свои белорусские дерев-

ни, чтобы там в одиночестве, без помех, отдаться поэзии.

Доехав до Нарвы, Державин обнаружил, что начинается весенняя распутица и он может застрять в пути. Поэтому он оставил повозку со слугами на постоялом дворе, а сам «нанял в городе у одной престарелой немки небольшой покойчик, с тем, чтоб она ему и кушанье приготовляла», — и, запершись, в течение нескольких суток не отрывался от письменного стола.

Почти закончив стихотворение — недоставало еще последней строфы, Державин заснул на рассвете. «Видит во сне сие, — рассказывал потом поэт, — что блещет свет в глазах его, проснулся — и в самом деле воображение так было разгорячено, что казалось ему: вокруг стен бегает свет, — и с сим вместе полились потоки слез из глаз у него; он встал и в ту же минуту, при освещающей лампаде, написал последнюю строфу».

Это была задуманная еще в 1780 г. ода «Бог», вдохновенный гимн всесилию человеческого разума:

Я телом в прахе истлеваю —
Умом громам повелеваю;
Я царь — я раб; я червь — я бог! —

и в то же время признание, что человек — лишь звено в общей цепи существ (а ведь религия учила, что человек — совершенно исключительное творение божества и все остальное бог создал для человека).

«Бог» перекликается с естественно-научными одами Ломоносова. Державин вводит в свое стихотворение идеи современной ему науки о множественности миров, бог приобретает у него черты, свойственные материи: «бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени». По существу, эти положения противоречат религиозным представлениям: церковь учила, что Земля была центром мироздания и Солнце создано богом только одно; христианская религия отрицала беспрерывное движение как основное свойство материи, ибо пространство и время якобы имели «начало» и будут иметь «конец».

Не удивительно поэтому, что ода Державина вызвала решительный протест со стороны ревнителей православия и церковников. Зато стихотворение стало первым произведением русской литературы, получившим всемирную славу. Оно было более 20 раз переведено на французский язык, более десяти — на немецкий, а также на английский, испанский, итальянский, шведский, польский, чешский, хорватский, древнегреческий, латинский, японский языки. Рассказывали даже, что в Пекине во дворце китайского императора висел на стене китайский текст оды.

Здесь же, в Нарве, Державин окончил стихотворение «Видение мурзы», также задуманное раньше. Стихи поэта приобретают необычайную живописную яркость, изображаемые им картины становятся зрительно ощутимыми (Державин недаром утверждал, что поэзия — это «говорящая живопись»):

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире,
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,
Моих домашних усыплял;
Петрополь с башнями дремал,
Вокруг вся область почивала,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал...[1]

Сразу бросается в глаза богатство красок державинского пейзажа — темно-голубой, золотой, серебряный, палевый цвета, — подкрепляемых «красочными» глаголами: блистаючи, осве-

---

[1] Петрополь — Петербург. Из урны — закованная в гранит Нева представляется поэту как бы заключенной в сосуд, «урну». Бельт — Балтийское море.

Рисунок А. Н. Оленина к оде «Видение мурзы».

щ а л а, с в е р к а л а. Нельзя также не обратить внимания на особую напевную плавность стихов: поэт как бы играет звуком «л», ставит его в разные сочетания, как бы рассматривает с разных сторон. Но это не бесцельное любование звукописью, не бездумное упоение звучанием стиха. Нет, Державин, усиливая искусно подобранную красочную гамму особым звуковым сопровождением, создает предельно выразительную картину тихой и глубокой петербургской ночи.

Ни подобных картин природы, ни таких городских пейзажей в русской поэзии до Державина не было.

Сюжет стихотворения несложен, но следует помнить, что «Видение мурзы» — вообще одно из первых сюжетных произведений русской лирики.

Тихой петербургской ночью мурза (за ним легко угадывается реальный Державин) пишет стихи. Вдруг с громом и молнией является ему некая богиня и вещает «страшные истины» о том, что поэт не должен быть льстецом, что похвалы развращают и царей:

Владыки света — люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже, —
А где поэты не льстецы?

Богиня (это была Фелица) исчезает, а оправившийся от изумления мурза — Державин отводит разного рода упреки, посыпавшиеся на него за «Фелицу», причем особенно сильно достается вельможам.

Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли [1],
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой мурза твой говорит...
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.

Державин метил высоко, — это было ясно любому читателю, хоть сколько-нибудь знакомому с историей России и с двором Екатерины. И при Петре I, и при Анне Иоанновне, да и при других русских царях были шуты из знатнейших аристократических родов — Голицыны, Волконские, Апраксины. И смеялись же, бывало, во дворце, когда какого-нибудь князя Голицына усаживали в лукошко с яйцами и он усердно клохтал и кудахтал, изображая наседку!

Настолько «грубых» забав при Екатерине II не было, но не изменились ни нравы титулованной знати, морально ничтожной, завистливой, подхалимничающей при каждом удобном случае, ни отношение царедворцев к забавам такого рода. Родственник русских царей, крупнейший вельможа Л. А. Нарышкин при императрице играл добровольно взятую на себя роль шута — и «шутил» довольно своеобразно. Одна-

---

[1] Кумир — болван, истукан, статуя. Чли — читали, прочли.

жды, например, он во время приема у государыни запустил по паркету огромный волчок. Позабавив своим жужжанием и прыжками, волчок с ужасным свистом разлетелся на части, ранил двоих придворных и разбил голову одному немецкому принцу. Вот «смеху» было!

Или еще картинка, зарисованная в «Горе от ума» А. С. Грибоедовым по воспоминаниям современников, — рассказ Фамусова о Максиме Петровиче, который «при государыне служил Екатерине»:

А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге[1] ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато бывало в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович. Да!..

Одновременно с Державиным о моральном упадке высшего дворянства с горечью и гневом говорил Д. И. Фонвизин: «Чем можно возвысить упадшие души дворянства?.. Как сделать, чтоб почтенное титло дворянина было несомненным доказательством душевного благородства?.. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?»

---

[1] Куртаг — прием во дворце.

Разделавшись с сочинителями похвальных од и знатными подхалимами, Державин резко отделил себя и от тех, и от других:

Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю...

Удовлетворенный написанным, поэт, прожив в Нарве неделю, вернулся в Петербург, занял денег, расплатился с прежними заимодавцами и совсем было уже собрался в путь, как вдруг получил из Царского Села, где жила в ту пору императрица, известие, что Екатерина хочет назначить его губернатором в Олонецкое наместничество и что требуется его согласие.

Державин согласился, но просил дать ему возможность съездить к матери, которая звала его проститься перед смертью. Разрешение он получил, однако, только 22 мая 1784 г. Поэт немедленно поскакал в Казань, но опоздал: Фекла Андреевна скончалась за три дня до его приезда.

Узнав о новом назначении Державина, князь Вяземский ехидно заявил своим любимцам:

— Скорее по моему носу полезут черви, чем Державин просидит долго губернатором.

Генерал-прокурор знал, что говорил.

НА СЕВЕРЕ ДИКОМ

Крестьянская война под предводительством Пугачева в полной мере вскрыла слабость провинциальных властей, и потому в 1775 г., сразу же после подавления восстания, Екатерина II, желая укрепить местные власти, издала «Учреждение о губерниях». Вся Россия была разделена на 40 губерний. Во главе губернии стоял губернатор, а над двумя (редко тремя) губерниями начальствовал еще и наместник, или генерал-губернатор.

Последней из вновь образованных губерний была Олонецкая, занимавшая значительную часть нынешней Карельской АССР. Площадь она имела большую, а населения в ней было немногим больше 200 тысяч человек. Лишь изредка попадались затерянные среди глухих лесов и непроходимых болот деревушки и маленькие городки. В самом Петрозаводске, губернском городе, было всего лишь 3000 жителей, главным образом мещан, ремесленников и рабочих Петровского завода. Чиновников для открывающегося губернского правления и других административных учреждений привезли из Петербурга. Конечно, при этом столичные канцелярии постарались избавиться от пьяниц, проворовавшихся казнокрадов, просто не способных к службе чиновников. Чиновники эти меньше всего могли и хотели усердно служить и занимались главным образом пьянством, картежной игрой, склоками, доносами, льстили и подхалимничали перед начальством.

Наместником в Олонецкую и Архангельскую губернии был назначен генерал Т. И. Тутолмин, выдвинувшийся на военной службе, но весьма плохой администратор. Только в области военного дела он сде-

лал кое-что стоящее: увеличил производство пушек на Петровском заводе.

В Екатеринославе (ныне Днепропетровск), в степном краю, где Тутолмин раньше служил, кто-то посоветовал ему обратить внимание на лесопосадки. Тутолмин приказал, чтобы крестьяне каждым летом обязательно сажали определенное число деревьев. Это дельное распоряжение было отмечено правительством, екатеринославский губернатор получил благодарность. Желая отличиться снова, и на новом месте Тутолмин отдал приказ сажать леса. В таежной Карелии, где из-за лесов в те времена даже дорог не было, трудно было придумать более неумное распоряжение, и современники долго смеялись над ретивым администратором.

Тутолмин был дружен с всесильным князем Вяземским, которому умел угождать, а с подчиненными вел себя в высшей степени высокомерно, надменно, грубо. Как рассказывали современники, «он любил жить по-царски», окружал себя непомерной роскошью. Даже выезд его сопровождался царской пышностью: за ним ехала большая свита из адъютантов и офицеров и следовал отряд конных солдат. Жители же при встрече с ним должны были снимать шапки и низко кланяться. По праздничным дням он принимал выборных судей и представителей от населения, сидя на троне, предназначавшемся для императрицы; обедал один за столом, поставленным у подножия трона, а все остальные — отдельно, за большими столами.

К такому-то начальнику попал Державин, человек характера гордого и независимого. Столкновения между ними были неизбежны, и они начались почти сразу же.

Державин приехал в Петрозаводск в начале октября 1784 г. В Петербурге его задержали денежные дела. Войдя в долги, Державин не только приобрел обстановку для губернаторского дома, но и купил за свой счет мебель для всех губернских учреждений (как говорили тогда, «присутственных мест»): он хотел, чтобы в канцеляриях вверенной его управлению губернии все было в надлежащем порядке. Через два месяца подготовка была закончена, и 9 декабря на-

чалось празднование по поводу «открытия» губернии, продолжавшееся больше недели.

В день открытия губернского правления Тутолмин вручил Державину для руководства толстую книгу — «канцелярский обряд», то есть сборник приказов о порядке производства дел во всех «присутственных местах». Целью этого «обряда» было полное подчинение губернатора и подведомственных ему учреждений генерал-губернатору.

А между тем единственное, что было запрещено императрицей самовластным царькам-наместникам,— это как раз сочинять и издавать новые законы. Поэтому Державин, ссылаясь на указ Екатерины, отказался выполнять придуманный Тутолминым «обряд». Наместник отправил в Петербург князю Вяземскому жалобу на непослушание губернатора. Державин, со своей стороны, также доложил генерал-прокурору, но сверх того через вельмож А. А. Безбородко и А. Р. Воронцова обратился с донесением к самой императрице.

Хотя Вяземский поддержал Тутолмина и тот вышел победителем из первого столкновения с Державиным, наместник затаил злобу против непокорного губернатора. Начались бесконечные придирки по любому поводу и лично к Державину, и к учреждениям, им возглавляемым. Наконец, в апреле 1785 г. Тутолмин попытался нанести решительный удар. В сопровождении целой свиты наместник явился в губернское правление, а затем в другие «присутственные места», провел скоропалительную ревизию и объявил, что он всем недоволен, что законы, изданные им, наместником, губернатор не уважает. На следующее утро Тутолмин отправился в Петербург с тем, чтобы лично подать императрице жалобу на Державина.

Державина спасли только присутствие духа и смелость. Сразу же после отъезда Тутолмина он, в свою очередь, отправился с ревизией по тем учреждениям, которые находились в непосредственном ведении генерал-губернатора. Державинская ревизия вскрыла «великое неустройство» в производстве дел, во взимании податей, в службе чиновников и т. д. Мало этого. Оказалось, что наместник сам, своей волей, наложил на население Олонецкой губернии множество новых

налогов и податей сверх тех, которые шли в государственную казну. Обо всех замеченных недостатках было тут же записано в специальный журнал, и оказавшиеся на местах чиновники, растерявшись от неожиданности, подтвердили своими подписями правильность замечаний.

В тот же день документы ревизии были отправлены Тутолмину, причем Державин сообщил ему, что посылает донесение обо всем обнаруженном самой императрице.

Екатерина II не могла не признать правоты Державина. Но ссориться из-за губернатора-правдолюбца с генерал-прокурором, покровителем Тутолмина, ей не хотелось. К тому же смещение олонецкого наместника могло подать повод к жалобам на других генерал-губернаторов, большинство из которых вело себя не лучше его.

Она приняла Тутолмина и в разгар его жалоб на Державина прочла ему губернаторское донесение. Оправдаться Тутолмин не мог, и ему ничего не оставалось, как на коленях униженно просить у императрицы милости. Прощение было дано, но наместник должен был возвратиться в Петрозаводск, не добившись цели — смещения Державина.

На этот раз оказался победителем Державин, но положение его было весьма тяжелым. Начальником по-прежнему оставался Тутолмин, против Державина была враждебно настроена бо́льшая часть чиновников, которым губернатор мешал грабить народ и которых заставлял служить, а не бездельничать.

А сам Державин, вопреки тогдашним порядкам, приказал оповестить население о том, что люди всех состояний в любое время могут являться к нему домой с тем, чтобы он мог ускорить исполнение приказаний и помощь обиженным. Кроме того, губернатор открыто объявил, что «во всякое время» готов выслушать жалобу на самого себя, если поступит неправильно, и эту жалобу он «с благодарностию примет и исправится».

В борьбе с поэтом-губернатором его враги использовали все средства: от невыполнения его приказов до прямой клеветы. Рассказывали, например, что одного чиновника Державин избил палкой прямо в гу-

бернском правлении. И хотя сам этот чиновник утверждал, что ничего подобного никогда не было, клевета распространилась по всей России.

Но самым анекдотичным было раздутое до невероятных размеров «дело о медведе». Заключалось оно в следующем.

В доме Державина жил чиновник Аверьянов, державший ручного медвежонка. Однажды заседатель верхнего земского суда Молчин, приятель Аверьянова, явился в суд вместе с медвежонком и в шутку объявил бывшим там чиновникам:

— Вот вам, братцы, новый заседатель, Михайла Иванович Медведев.

Заседатели обиделись, кликнули сторожа и общими усилиями стали выгонять зверя палками. Молчин крикнул так же шутливо:

— Не трогайте, медвежонок губернаторский.

Все же медвежонка выгнали. На том бы делу и кончиться, тем более, что Державин, когда до него дошла эта история, сделал Молчину внушение. Но месяц спустя вернулся из отпуска председатель суда Н. И. Тутолмин, родной брат генерал-губернатора. Из шутки Молчина было раздуто громадное дело против Державина. В Сенат посыпались донесения и доклады, а в них утверждалось, что губернатор в насмешку над необразованностью председателя суда якобы посадил медведя на его место, секретарь подносил медведю бумаги на подпись и зверь прикладывал к ним лапу, вымазанную чернилами.

— Вот, милостивцы, смотрите, — злобно торжествовал Вяземский, подходя то к одному, то к другому сенатору, — что наш умница стихотворец делает: медведей — председателями!

А так как тогда Сенат был, по словам Державина, «в крайнем порабощении у генерал-прокурора», то Державину был послан строгий приказ отдать Молчина под суд. Державин отвечал, что «странно и безрассудно» заводить по таким пустякам дела, что Молчину уже сделано словесное внушение, а судить его нет оснований.

Это, казалось бы, пустяковое дело испортило много крови поэту-губернатору. А тут еще наместник потребовал немедленного выезда Державина для

осмотра Олонецкой губернии. Летом и осенью дело это было почти невозможное: через леса и трясины дорог не было, обычно ездили только зимой на санях. Давая это поручение, Тутолмин рассчитывал на то, что Державин не сумеет его выполнить, и можно будет лишний раз очернить губернатора перед правительством.

Однако Державин твердо решил не давать наместнику козырей против себя. Наняв суденышко, точнее — большую лодку, и взяв с собой двух самых образованных чиновников — Эмина и Грибовского, Державин пустился в путь. Сперва плыли по Онежскому озеру, потом — Белым морем. Время от времени поднимались вверх по рекам — Суне, Тивдии, Водле — или пересаживались на коней и ехали, насколько позволяли дороги, в глубь лесов, а потом возвращались к лодке.

В Пудоже Державина догнал курьер Тутолмина с новым приказанием: добраться до рыбацкого поселка Кемь и «открыть» там уездный город.

В Кемь попасть можно было только в начале лета, когда богомольцы плыли на судах в Соловецкий монастырь. Осенью же, когда дуют сильные ветры, никто не решался на плавание по Белому морю. Тем не менее Державин выполнил и этот приказ.

С большими трудностями лодке губернатора удалось добраться до Кеми. Стали искать «присутственные места» или хотя бы чиновников: ведь Тутолмин писал Державину, что уездные учреждения в Кеми уже созданы, чиновники прибыли и дело только за официальной церемонией открытия.

Сразу же выяснилось, что ни один чиновник в Кемь не приезжал и жители села даже не знают, что они становятся жителями уездного города. Державин решил хотя бы молебен отслужить — не нашли попа: уехал куда-то косить сено. Наконец, через двое суток священника разыскали, он отслужил молебен, «торжественная процессия» из нескольких человек прошла по улицам новоявленного города, улицы покропили «святой водой» — тем церемония и кончилась. Наказав попу отправить «репорт» об этом событии по начальству, в Синод, сам Державин послал курьера с донесением Тутолмину и в Сенат.

На обратном пути Державин хотел было заехать в знаменитый Соловецкий монастырь, но на море поднялся сильный ветер, разыгралась буря, и пришлось думать только о спасении жизни. Гребцы на лодке попались неопытные. Видя неминуемую гибель, они оробели и бросили весла. Эмин и Грибовский от сильной качки и страха потеряли сознание. Спас всех Державин, который, «хотя никогда не бывал на море, но не оробел и не потерял духу». Вскочив на ноги, он подбодрил гребцов, они взялись за весла, и лодка очутилась за большими камнями, которые не дали волнам залить ее. Путники переночевали на голых камнях, а утром, когда буря немного утихла, поплыли дальше. Добравшись до города Онеги, Державин то верхом, то на телеге отправился в Каргополь и Вытегру и 13 сентября, через 7 недель после начала путешествия, вернулся в Петрозаводск.

Несмотря на трудности пути, Державин все время занимался делами. Во всех городах и селениях, которые он посещал, он внимательно выслушивал жалобы крестьян — особенно много было недовольных неправильным разделом земли, который провели незадолго до поездки Державина губернские чиновники [1], — решал спорные дела.

По указу императрицы губернаторы должны были составить топографическое описание своих губерний. В феврале 1785 г. под руководством Тутолмина было составлено краткое описание Олонецкой губернии, весьма поверхностное, местами просто переписанное из разных книг.

Отправляясь в путешествие, Державин захватил с собой копию описания Тутолмина и по мере того, как знакомился с той или иной местностью, писал свои возражения на полях рукописи. Одновременно Эмин и Грибовский — иногда по указаниям Державина, иногда прямо под его диктовку — писали «Поденную записку», подробный дневник путешествия с описанием всего виденного. На его основании Державин собирался впоследствии написать «Топографическое описание Олонецкой губернии».

---

[1] В Карелии крестьяне были не помещичьими, а государственными, и недовольство было вызвано несправедливым распределением между ними обрабатываемых земель.

Во многих случаях мнения Тутолмина и Державина резко расходятся, и правда всегда на стороне Державина.

Главной идеей описания Тутолмина была мысль о том, что под владычеством Екатерины II жители Олонецкой губернии (как и всей России) благоденствуют. Для доказательства наместник не стеснялся даже подделывать факты. Так, например, в Пудоже, утверждал Тутолмин, имеется сто домов. А Державин насчитал там едва-едва пятьдесят. В губернии открыты школы и больница, — писал генерал-губернатор. «Больница строится, а школ и в почине нет!» — возражал Державин. «Вообще во всех уездах несравненно более зажиточных, нежели бедных поселян», — таков был один из главных выводов наместника императрицы, которая говорила, что русский крестьянин во всякое время имеет за обедом курицу.

«Наоборот, можно сказать, что более бедных, — резко замечал поэт, расходясь не только с Тутолминым, но и с самой императрицей. — Правда, что есть такие зажиточные крестьяне, что я мало таковых видал внутри государства. Но, должно сказать, сие-то малое количество зажиточных крестьян и есть причиною, что более бедных. Они, нажив достаточек, раздают оный в безбожный процент, кабалят долгами почти в вечную себе работу бедных заимщиков, а чрез то усиливаются и богатеют, ибо при недостатке хлеба и прочих к пропитанию нужных вещей, прибегнуть не к кому, как к богачу, в ближнем селении живущему».

Наконец, Тутолмин оклеветал и самый характер жителей Олонецкой губернии: «Наклонность к обиде, клевете, обманам и вероломству суть предосудительные свойства обитателей сей страны». В ответ на это Державин привел ряд примеров, свидетельствующих о трудолюбии, терпеливости, уме и мирном характере олончан и сделал вывод: «Я нашел народ сей разумным, расторопным и довольно склонным к мирному и бессорному сожительству... Разум их и расторопность известна, можно сказать, целому государству, ибо где олончане, по мастерству и промыслу своему, незнакомы?»

Эта поездка имела большое значение и для Державина-поэта. Картины суровой и своеобразной се-

верной природы много лет спустя оживали в его стихах.

Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо;
В шуме их надежд я полн, —

вспоминал он через восемь лет плавание по Белому морю («Буря», 1793). Но особенно поразил поэтическое воображение Державина водопад Кивач, который он увидел, поднимаясь вверх по реке Суне к Кончезерскому заводу. В «Поденной записке» секретарь сразу же записал под диктовку губернатора подробное, с мельчайшими деталями, описание Кивача.

А спустя шесть лет поэтической картиной Кивача Державин открыл знаменитую оду «Водопад» (1791):

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по брегам
Лежит клубами в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! В твоем жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

И даже двадцать лет спустя Державин вспоминал дикую и величавую природу Карелии, стаи непуганых птиц и бесчисленные стада тюленей, нерп и китов на Белом море («Мысли мои»).

Возвратившись в Петрозаводск, Державин снова попал в удушающую атмосферу лжи и клеветы, доносов и интриг, которые плели вокруг него Тутолмин, его многочисленные родственники и прихлебатели. Губернатору снова пришлось не столько заниматься делами, сколько бороться с нерадивыми чиновниками и строптивыми судьями. Ему стало ясно: он в Олонецкой губернии сможет мало что сделать полезного и ему надо уехать.

28 октября 1785 г. Державин выехал якобы для осмотра Олонецкого и Лодейнопольского уездов, в которые он не попал во время путешествия, но с дороги, послав Тутолмину рапорт об отпуске, повернул в Петербург. Здесь в короткое время он получил новую должность: указом 15 декабря он был назначен тамбовским губернатором. По сравнению с прежней должностью новое назначение было повышением. Но, с другой стороны, оправдалось и предсказание генерал-прокурора: олонецким губернатором Державин пробыл всего лишь год.

ГУБЕРНАТОР-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда,
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин».
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;
Там зданье лучшее острог.
Короче, славный городок.

Таким нарисовал Тамбов М. Ю. Лермонтов в поэме «Тамбовская казначейша» через 50 лет после того, как Державин был губернатором в этом городе.

Но даже того немногого, за что воздает ироническую хвалу Тамбову Лермонтов, Державин не застал при своем приезде. Кривые улицы были застроены покосившимися ветхими деревянными домишками, даже губернаторский дом и здания «присутственных мест» разваливались от древности.

При Державине город пережил эпоху кратковременного расцвета. Поэт-губернатор дал Тамбову не только будки и фонари. Им были открыты главное народное училище, школы, типография, больница, театр, построен большой каменный мост и многое другое. С отъездом же Державина Тамбов снова захирел, и спустя полвека Лермонтов увидел город

почти в том самом виде, в каком оставил его поэт-губернатор.

Тамбов находился в центре старого земледельческого края с развитым барщинным крепостным хозяйством, с большим количеством мелких помещиков и дворян-однодворцев (так назывались дворяне, не имевшие крепостных и сами пахавшие землю или служившие в гражданской или военной службе). Ни промышленности, ни развитой торговли в городе не было, по числу купцов он стоял на седьмом месте в губернии, жителей в нем было около десяти тысяч.

Тамбовская губерния была «открыта» в 1779 г., но до 1786 г. в ней сменилось четыре губернатора, Державин был пятым. Все предшественники Державина управляли губернией спустя рукава, и «наследство» ему досталось плохое.

Непосредственным начальником Державина был наместник Рязанский и Тамбовский генерал-поручик И. В. Гудович. Храбрый генерал, он гражданскими делами почти не интересовался, постоянно жил в Рязани и большую часть времени отдавал охоте.

Державин представился Гудовичу в Петербурге в феврале 1786 г. и сразу же после этого выехал в Тамбов. Принимая дела, он внимательно листал документы, познакомился со всеми чиновниками, побывал во всех губернских учреждениях. Честный и правдолюбивый губернатор сразу же обнаружил множество неурядиц: границы губернии были определены неточно, поэтому жители некоторых сел платили подати по двум губерниям, то есть в двойном размере, а некоторые села не платили налогов вовсе; медленное и зачастую противозаконное делопроизводство было крайне запутано; «присутственные места» ютились в ветхих хижинах, готовых вот-вот развалиться; хороших дорог в губернии не было.

Особенно поразило Державина ужасное состояние губернских тюрем. «Более 150 человек, — писал он Гудовичу, — а бывает, как сказывают, нередко и до 200, повержены и заперты без различия вин, пола и состояния в смердящие и опустившиеся в землю, без света, без печей, избы, или, лучше сказать, скверные хлевы. Нары, подмощенные от потолка не более трех

четвертей расстоянием[1], помещают сие число узников, следовательно согревает их одна только теснота, а освещает между собою одно осязание. Из сей норы едва видны их полумертвые лица и высунутые головы, произносящие жалобный стон, сопровождаемый звуком оков и цепей».

Не дожидаясь резолюции наместника, Державин на свой страх и риск приказал ввиду недостатка леса немедленно разобрать несколько ветхих строений и здание гауптвахты и выстроить девять новых зданий, а старые избы острога переделать, сложить в них печи, расширить окна.

Одновременно по указу губернатора было ускорено производство судебных дел, узники разделены по степени их виновности, некоторые выпущены на поруки. Особенно настаивал Державин на том, чтобы каждое преступное действие подводилось «под точный закон», чтобы не оправдывали богатых и знатных. «Но вместо того я примечаю, — писал Державин наместнику, — что обвиняются здесь всегда малые чины, а большие оправдываются. По мнению моему, закрывать в изыскании и приговоре винного не есть человеколюбие, но, напротив, зло, вредящее обществу».

Судьям, привыкшим надолго затягивать следствие и суд, губернатор советовал, чтоб они «хотя один раз заглянули в тюрьму и увидели, как страждут там люди».

Однако при ближайшем рассмотрении Державин обнаружил, что тамбовским судьям трудно «подвести действие под точный закон» по весьма простой причине: во всем Тамбове не нашлось ни одного указа, ни одного сборника законов, касающихся судопроизводства. Он написал знакомым в Москву и Петербург, прося прислать печатные или хотя бы переписанные указы и постановления, но и друзья смогли отыскать только военные «регламенты», к юстиции отношения не имевшие.

Все же новому губернатору удалось в какой-то степени ускорить тамбовское судопроизводство. Судейская машина стала действовать быстрее, хотя и

[1] То есть начинающиеся на расстоянии 50 см от потолка.

с большим скрипом. О том, что старания Державина не были напрасны, свидетельствует ряд писем, в которых приносится благодарность губернатору за быстрое окончание дел, тянувшихся много лет.

Державин занимался не только судебными делами. Вскоре после приезда нового губернатора в Тамбове приступили к строительству дома для народного училища, богадельни, сиротского дома, театра, перестройке «присутственных мест», церкви и т. д. Планы построек пересылались в Петербург Н. А. Львову, а тот давал их на просмотр итальянскому архитектору Тро́мбара, приглашенному Екатериной II в Россию.

Это строительство требовало огромного напряжения сил и могло быть осуществлено только при редкой энергии Державина, отличавшей его от подавляющего большинства российских губернаторов. Вот характерный пример. Державин заготовил большое количество камня для тамбовских улиц, но к мощению приступить не успел. После этого прошло много лет, сменился добрый десяток губернаторов, а камень так и лежал без употребления. Только в 1822 г. заготовленный еще Державиным камень пошел, наконец, в дело, и в Тамбове появились первые мостовые.

Особенное внимание Державин обратил на дело образования и воспитания, причем образование он понимал в самом широком плане.

Тамбовское дворянство — как и вообще провинциальное русское дворянство того времени — было весьма невежественным (вспомним семейство Простаковых и Скотининых из фонвизинского «Недоросля»).

Пригласив учителей, Державин устроил в своем доме «классы» для юношества. Здесь молодых людей за сравнительно небольшую плату обучали грамматике, арифметике, геометрии, чистописанию. Два раза в неделю с ними занимался танцмейстер, специально выписанный губернатором из столицы: умение танцевать было необходимой частью «благородного» воспитания. Катерина Яковлевна организовала занятия для молодых дворянок, и к концу 1786 г. в губернаторском доме собиралось до полутораста девиц. Наконец, Державин добился перевода из Петрозаводска в Тамбов чиновника Аверьянова (хозяина мед-

вежонка, из-за которого Державин претерпел столько неприятностей), бывшего придворного певчего. Аверьянов усердно взялся за обучение детей пению. «Забавно и приятно видеть, — вспоминал поэт, — когда слышить вдруг человек 400 детей, смотрящих на одну черную доску и тянущих одну ноту».

С первых недель своей жизни в Тамбове новый губернатор стал устраивать у себя в доме вечерние приемы: по воскресеньям — небольшие балы, по четвергам — концерты, а в праздники — театральные представления. Эти вечера «не токмо служили к одному увеселению, — подчеркивал Державин, — но и к образованию общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, так было грубо и необходительно, что ни одеться, ни войти, ни обращаться, как должно благородному человеку, не умели».

На 22 сентября 1786 г. в Тамбове было назначено открытие главного народного училища, причем учеников набирали не столько из дворянских и чиновничьих семей, сколько из семей мещан, купцов, ремесленников. Денег на училище казна отпустила очень мало, и губернатору пришлось организовать сбор добровольных пожертвований.

Празднование, сопровождаемое пушечной пальбой, началось рано утром и кончилось поздно ночью. В нем приняли участие все тамбовские дворяне и чиновники, множество простого народа. Когда церемония открытия училища уже кончалась, дорогу торжественной процессии неожиданно преградил известный непомерным пьянством всему Тамбову однодворец Захарьин.

— Дерзаю остановить тебя, почтенное собрание, среди шествия твоего, — заговорил он возвышенным слогом.

При этих словах Державин предложил всем вернуться в актовый зал училища, и там, став под портретом Екатерины II, оратор продолжал свою речь. Перечислив важнейшие мероприятия русских императоров в области образования и просвещения, Захарьин воздал особую хвалу Екатерине за то, что она, кроме университета, академий и семинарий, предназначенных для дворян и духовенства, приказала

повсеместно открыть бесплатные училища и школы, в которых должен обучаться простой народ.

— В сей храм, в сие народное училище, исторгая из объятий матерьних, сына моего с радостным восторгом предаю я, да будет он человек! — с этими словами оратор взял из рук жены младенца и положил его под портретом императрицы. — Слушай, сын мой; услышь и ты, простой народ: ты будешь человеком!..

Слушатели были потрясены искусной ораторской речью. Многие прослезились, в знак благодарности Захарьину надавали много денег, он получил массу приглашений приехать погостить к помещикам Тамбовщины.

Державин дал торжественный обед для дворянства и духовенства, народу было устроено угощение на площади. Вечером город ярко сверкал огнями иллюминации, а в губернаторском доме бал продолжался почти всю ночь.

На следующий день губернатор сообщил о церемонии открытия Гудовичу, а вскоре наместник получил и речь, произнесенную Захарьиным. Генерал-губернатору речь понравилась, и он отправил ее в Петербург. Там она произвела огромное впечатление и мгновенно распространилась по всему городу. Ее переписывали в десятках экземпляров, напечатали в нескольких журналах. К Державину примчался курьер с приглашением Захарьину явиться во дворец, к императрице. Однако выполнить этого приказа Державин не мог, потому что на протяжении двух месяцев с лишним оратор-однодворец кочевал от одного помещика к другому и каждый день напивался до потери сознания.

Вскоре, однако, в столице раздались голоса скептиков: как мог полуграмотный однодворец создать шедевр ораторского искусства? Тутолмин, приехавший в это время в Петербург, во многих домах говорил, что речь Захарьина — подделка, что сочинил ее не он, а сам тамбовский губернатор.

Старый враг Державина угадал. Автором «Речи, говоренной однодворцем Захарьиным» действительно был Державин, продиктовавший Захарьину всю речь от начала до конца.

В январе 1787 г. были открыты народные школы в других городах Тамбовской губернии: Козлове, Лебедяни, Елатьме, — а затем и в Шацке, Моршанске, Липецке, Спасске, Темникове. Пока Державин был тамбовским губернатором, он неустанно заботился о главном училище и народных школах. Он лично входил во все стороны их деятельности: сам приглашал учителей, выписывал книги и учебные пособия, уговаривал родителей отдавать детей учиться, присутствовал на занятиях и экзаменах. Губернатор не только сам экзаменовал учеников, но и предлагал всем присутствующим — родителям и просто любопытным — задавать вопросы, чтобы ни у кого не могло возникнуть сомнения в правильности экзамена и в знаниях учащихся.

Организация и существование большого числа народных школ на Тамбовщине во многом зависели от кипучей энергии и заботы просветителя-губернатора. Поэтому, когда Державин был вынужден уехать из Тамбова, школьное дело резко упало. Козловское училище закрылось сразу же, в других городах сократилось количество учеников и ухудшилось качество преподавания, а к середине 1790-х гг. большинство народных школ в городах Тамбовской губернии вообще закрылось.

Следующим заметным событием в культурной жизни Тамбова было создание вольной (то есть частной) типографии, опять-таки по инициативе губернатора. Державин завел переписку с замечательным русским просветителем Н. И. Новиковым, который в это время арендовал типографию Московского университета и был крупнейшим русским книгоиздателем. По просьбе Державина Новиков прислал в Тамбов типографский станок, необходимые шрифты, даже обученных рабочих.

Тамбовская типография открылась в ноябре 1787 г. и сразу же стала одной из лучших провинциальных типографий того времени. В ней печатались книги исторического, философского, экономического содержания. При доме поэта-губернатора образовался литературный кружок, члены которого перевели с французского языка ряд романов. Были напечатаны в типографии и некоторые сочинения самого Державина:

«Речь, говоренная однодворцем Захарьиным», драматические произведения, замечательное стихотворение «Осень во время осады Очакова» и др. По инициативе и под непосредственным руководством Державина в Тамбове начали выходить первые в России губернские ведомости.

Много сил отдал поэт-губернатор и организации театра в Тамбове. Первое театральное представление, которое увидели тамбовцы, состоялось в конце июня 1786 г. в доме Державина. Силами любителей была представлена пьеса, написанная специально для этого случая самим губернатором. По его примеру стали устраивать домашние спектакли и другие дворяне. На этих спектаклях ставились лучшие пьесы русских драматургов: «Недоросль» Фонвизина, трагедии Сумарокова — и переводы французских опер и трагедий.

Державин понимал, что одних любительских представлений мало, что нужен постоянный театр. С первых недель жизни в Тамбове он завел об этом переписку с Н. А. Львовым и генерал-губернатором. Уже в июне 1786 г. Львов отправил к Державину итальянца — «каменных дел мастера» — специально для строительства здания театра.

Строительство еще не было окончено, а театр уже был учрежден. В ноябре 1786 г. пьесой М. И. Веревкина «Так и должно» тамбовский театр был открыт. Державин выбрал именно эту комедию не случайно. В губернских учреждениях и канцеляриях взяточник сидел на взяточнике, вор на воре. А пьеса Веревкина как раз и высмеивала чиновников-взяточников и подьячих-крючкотворцев.

Спектаклю (он состоялся в губернаторском доме) предшествовал написанный Державиным аллегорический «пролог», который прославлял просвещение вообще и театр как мощное орудие просветительства.

В январе 1787 г. в Тамбовской губернии была проведена сенатская ревизия. Сенаторы увидели значительные успехи, достигнутые Державиным в области просвещения, правосудия, торговли, и доложили обо всем виденном императрице. Державин был награжден орденом Владимира третьей степени.

А вслед за тем на Державина одна за другой посыпались неприятности. Гудович, по определению Державина, «человек весьма слабый, или, попросту сказать, дурак, набитый барской пышностью», уже в первых действиях тамбовского губернатора усмотрел покушение на власть наместника. Так, например, когда Державин приказал строить новые здания для острога, Гудович обвинил его в попустительстве арестантам. Настраиваемый своим секретарем, с которым делились полученными взятками тамбовские чиновники, Гудович не только закрывал глаза на их продажность, растрату казенных денег, крючкотворство, несправедливые решения, но и сваливал всю вину на Державина.

Вот весьма характерная история. Крупнейший тамбовский купец Матвей Бородин, дав большую взятку чиновникам, получил заказ на поставку кирпича для городского строительства, ему сполна были выплачены деньги. А когда кирпич понадобился, выяснилось, что на складах Бородина имеется меньше половины того количества, которое он продал казне, да и тот никуда не годится. Державин потребовал отдать под суд и мошенника-купца, и чиновников-взяточников. Однако Гудович не только не утвердил предложения Державина, но и приказал отдать Бородину винный откуп в Тамбовской губернии сроком на 4 года (то есть, обязавшись заплатить определенную сумму казне, Бородин получил право в течение этого времени монопольно торговать водкой во всех городах и селах Тамбовщины).

Державин заявил наместнику протест, так как ему стало известно, что у Бородина денег нет, что его векселя ничем не обеспечены. К тому же, устанавливая сумму, которую Бородин должен был уплатить казне, чиновники эту сумму сильно занизили, государство понесло убыток в полмиллиона рублей. Сообщил об этом Державин и в Сенат.

Гудович рассвирепел, и с этого момента ни одно распоряжение Державина не обходилось без жалобы на него со стороны наместника в Сенат. Вскоре, как и предполагал Державин, Бородин объявил себя банкротом и уехал в Петербург. Каково же было удивление и гнев Державина, когда он узнал, что

решением Сената виновным за банкротство Бородина объявлен он, Державин, и что по ходатайству Гудовича, поддержанному Вяземским, с него велено взыскать в пользу мошенника-откупщика семнадцать тысяч рублей!

С весны 1788 г. для Державина настают и вовсе черные дни.

В августе 1787 г. началась вторая русско-турецкая война. А так как в этом году большинство губерний пострадало от неурожая, то уже с начала зимы войска стали терпеть недостаток в продовольствии. Русский главнокомандующий Г. А. Потемкин поручил закупку хлеба для армии воронежскому купцу Гарденину.

В марте 1788 г. Гарденин явился к Державину и объяснил, что он заключил ряд сделок с помещиками Тамбовской губернии, дал им задатки и теперь ему необходимы деньги для окончательной расплаты. По указу Сената Гарденин должен был получить в тамбовской казенной палате 35 000 рублей. Туда Державин и направил его. Однако вице-губернатор, прожженный взяточник и прохвост, неоднократно изобличенный губернатором и спасенный заступничеством наместника, в выдаче денег наотрез отказал, желая подвести Державина. Гарденин снова явился к губернатору, и Державин на этот раз послал с ним в казенную палату своего чиновника. Словно в насмешку над губернатором, вице-губернатор приказал выдать купцу только около семи тысяч рублей — и уехал из Тамбова.

Державин оказался в трудном положении. Срок расчета с помещиками истекал в конце марта; с другой стороны, хлеб можно было отправить по реке Вороне только сразу же по вскрытии реки, в паводок. Несколько дней промедления могли оставить армию без продовольствия. Если же начинать переписку с Рязанью, с Гудовичем, это отнимет немало времени.

Поэтому губернатор, решив действовать на свой страх и риск, направил в казначейство ревизоров. Ревизия вскрыла громадные злоупотребления чиновников казенной палаты. Было обнаружено около 200 000 рублей (в том числе и деньги, предназначен-

ные для Гарденина), которые с прошлого года оставались незарегистрированными. Оказалось, что казначейское начальство во главе с вице-губернатором, задерживая отправку денег в Петербург, распоряжалось ими по своему усмотрению, раздавало своим приятелям и купцам, пользовалось само. Похищена и растрачена была кругленькая сумма в 500 000 рублей. Распорядившись выдать нужные деньги Гарденину, Державин отправил рапорты о ревизии Гудовичу и в Сенат.

Узнав о действиях Державина, наместник озлился пуще прежнего и отправил в Петербург донесение с требованием немедленно убрать Державина из Тамбова. Сенат объявил тамбовскому губернатору выговор, причем на этот раз вместе с Вяземским против Державина были и Безбородко, и Воронцов, и родственник Гудовича Завадовский. Помочь Державину мог только Потемкин, который специальным письмом благодарил его за содействие Гарденину. Но Потемкин был далеко на юге, в действующей армии.

В Сенат и лично императрице посыпались жалобы и доносы. Не стеснялись и заведомой клеветой. Чиновники казенной палаты жаловались на побои, якобы причиненные им во время ревизии. Генерал-губернатор писал правительству, что Державин в присутствии многих чиновников упрекал его за леность в делах и тащил за ворот в губернское правление, принуждая заниматься деловыми вопросами. Даже на добрую и кроткую Катерину Яковлевну была отправлена ябеда, обвинявшая ее в том, что она будто бы избила жену одного чиновника.

Конечно, все это были пустые выдумки и отнюдь не раздражительность характера, горячность и несдержанность сделали невозможным дальнейшее пребывание Державина на посту губернатора. Главным было то, что чиновники, желавшие безнаказанно грабить народ, возненавидели мешавшего им честного и энергичного губернатора, что Гудович, Вяземский и другие высшие сановники усмотрели в административной деятельности Державина покушение на сложившуюся бюрократическую систему управления.

Желая опровергнуть возводимые на него небылицы, Державин просил допустить его в Петербург, но

ему было отказано. Сенат и наместник слали ему выговор за выговором. По настоянию генерал-прокурора сенаторы поднесли императрице доклад, в котором предлагалось отдать Державина под суд. Попытки друзей помочь поэту не увенчались успехом. М. Н. Муравьев составил краткую записку о «деле» Державина, но попытки Н. А. Львова передать ее Екатерине были напрасны: ни один из статс-секретарей императрицы не захотел взять эту бумагу. Все петербургские сановники отступились от опального губернатора, один только Гарновский, управляющий Потемкина (самого главнокомандующего все еще не было в столице), усердно хлопотал в пользу Державина.

Екатерина II колебалась почти два месяца. Она слишком хорошо знала мстительность Вяземского, глупость Гудовича, продажность чиновников, чтобы поверить обвинениям против Державина. И все-таки 18 декабря 1788 г. императрица возвратила сенатский доклад с резолюцией: тамбовского губернатора Державина отдать под суд московского департамента Сената.

«БИЧ ВЕЛЬМОЖ»

В начале января 1789 г. Державин прибыл в Москву для того, чтобы предстать перед судом. Однако московские сенаторы, подстрекаемые генерал-прокурором Вяземским, не торопились слушать его оправдания: чего доброго могли вскрыться весьма неблаговидные дела не только наместника Гудовича, но и самого генерал-прокурора. В Петербург, куда стремился Державин, чтобы лично подать объяснения Екатерине II, его по-прежнему не пускали, с него даже взяли подписку о невыезде из Москвы. Но и «дело» не двигалось: под предлогом болезни сенатора Волконского суд откладывался со дня на день.

Наконец, терпение Державина лопнуло, поэт отправился к мнимому больному и заявил, что если он и дальше будет в угоду Вяземскому тянуть со слушанием дела, то Державин будет вынужден раскрыть императрице глаза на все плутни генерал-прокурора.

Угроза Державина была наивна: Екатерина и без него знала о Вяземском достаточно. Помогло другое: в Петербург приехал Потемкин. Как-никак Державин больше всего страдал за содействие в снабжении армии, которой командовал Потемкин, и русский главнокомандующий решительно вмешался в его судьбу. Бороться с Потемкиным Вяземский не посмел, и в апреле 1789 г. сенатская машина пришла в действие. Правда, разбирательство тянулось еще три месяца, но, в конце концов, в июне сенаторы вынесли оправдательный приговор по всем пунктам.

Дело Державина было передано на утверждение императрице, и он поспешил в Петербург. Екатерина

приняла знаменитого поэта милостиво, заявив окружающим: «Это мой собственный автор, которого притесняли», — и пригласила его к обеду. Под свежим впечатлением благополучного исхода поэт написал Капнисту: «Дело мое кончено. Гудович дурак, а я умен». Но вместе с тем императрица ни слова не сказала о дальнейшей судьбе Державина, и, возвращаясь из царскосельского дворца, он никак не мог понять, что же с ним происходит: виноват он или не виноват, в службе он или в отставке. От губернаторства он был отстранен, жалованье ему не выплачивалось.

Державин решил добиваться нового свидания с императрицей. Через несколько дней статс-секретарь Храповицкий сообщил ему, что просьба его удовлетворена. Захватив с собой толстенную переплетенную рукопись — переписку с Гудовичем, 1 августа 1789 г. Державин отправился в Царское Село. Явился он раньше назначенного времени и в комнате своего старого друга М. Н. Муравьева, учителя внуков императрицы, переоделся к приему. Вернувшийся с дежурства Муравьев, по-видимому, посоветовал ему не раздражать Екатерину видом такого количества бумаг, а на словах рассказать о своем деле.

Так Державин и поступил. Оставив рукопись в соседнем зале, он предстал перед императрицей.

Для начала поэт поблагодарил Екатерину II за благополучное окончание его дела. Императрица благодарность приняла и поинтересовалась, почему он настаивал на личном разговоре с ней, а не писал обо всем в Сенат во время суда. Державин сказал, что по закону следует отвечать только на те вопросы, которые подсудимому задают.

— Хорошо, — возразила Екатерина, — но не имеете ли вы чего в нраве вашем, что ни с кем не уживаетесь?

— Я не знаю, государыня, — смело ответил поэт, — имею ли какую строптивость в нраве моем, но только то могу сказать, что, видимо, я умею повиноваться законам, когда, будучи бедный дворянин и без всякого покровительства, дослужился до такого чина, что мне вверялись в управление губернии, в которых на меня ни от кого жалоб не было.

— Но почему не поладили вы с Тутолминым?

— Потому, что он принуждал управлять губернией по написанному им самопроизвольно начертанию, противному законам.

— Почему же не ужился с Вяземским?

Державин прекрасно помнил, как императрица пять лет назад поддержала генерал-прокурора, и потому не назвал главной причины, выбрав второстепенную:

— Вам известно, что я написал оду «Фелице». Князю она не понравилась. Он начал насмехаться надо мною явно, ругать и преследовать. Тогда я ничего другого не сделал, как просил об увольнении из службы, и по милости вашей отставлен.

— Что ж за причина несогласия с Гудовичем?

— Интересы вашего величества, и ежели угодно, то сейчас представлю целую книгу, которую я оставил в соседнем зале.

— Нет, — ответила Екатерина, — после.

Несмотря на явное нежелание императрицы говорить о делах, Державин, вытащив краткую докладную записку, принялся за чтение: чиновники грабят государство, беря в аренду тысячи десятин земли по смехотворно низким ценам; цена на соль незаконно повышается вчетверо по прямому приказу Гудовича; винные откупщики спаивают народ и доводят его до разорения.

Императрица не стала слушать дальше.

— Хорошо, хватит, — прервала она Державина. — Я прикажу Сенату расследовать эти дела. Вы получите жалованье, и скоро я дам вам место. Но помните: чин чина почитает. Вы в третьем месте не смогли ужиться: надобно искать причины в себе самом. Пишите стихи. Прощайте.

Поэту ничего не оставалось делать, как откланяться. А Екатерина, отпустив Державина, сказала Храповицкому:

— Он горячился и при мне. Пусть пишет стихи. Вероятно, он не очень доволен разговором со мной.

Действительно, Державин был недоволен результатом разговора: императрица не пожелала выслушать его справедливые замечания о грабеже казны и народа со стороны чиновников и вельмож, и, хотя ему снова стали выплачивать жалованье, назначения

он не получил. Поэт начал понимать, что Екатерина управляет более по своему желанию, чем по справедливости. Вместе с тем он не мог не обратить внимания на дважды повторенное пожелание императрицы видеть его новые стихи.

Во все время олонецкого и тамбовского губернаторства Державин почти не писал стихов. И дело было вовсе не в том, что он пренебрегал поэзией, что, отдавая все время службе, он не находил времени для стихотворства.

Причина была другая. В свое время поэзия Державина, и особенно «Фелица», вызвала гнев многих вельмож, в значительной мере из-за нее ему и пришлось уйти в отставку. Поэтому, принимая назначение в Петрозаводск и желая причести на губернаторском посту как можно больше пользы государству, Державин твердо решил временно пожертвовать поэзией, чтобы не было никаких дополнительных причин для недоразумений между ним и его начальниками.

Снова он взялся за перо уже в Москве, находясь под судом. Долго сдерживаемый поэтический талант Державина развернулся «с большею силою», и в течение нескольких месяцев поэт написал ряд стихотворений, которые сам объединял в один цикл, как направленные против деспотизма, неправосудия и «коварства сильных людей».

Первым из этого цикла было написанное в Москве стихотворение «На счастие». Намекая на положение, в котором он оказался, поэт говорил:

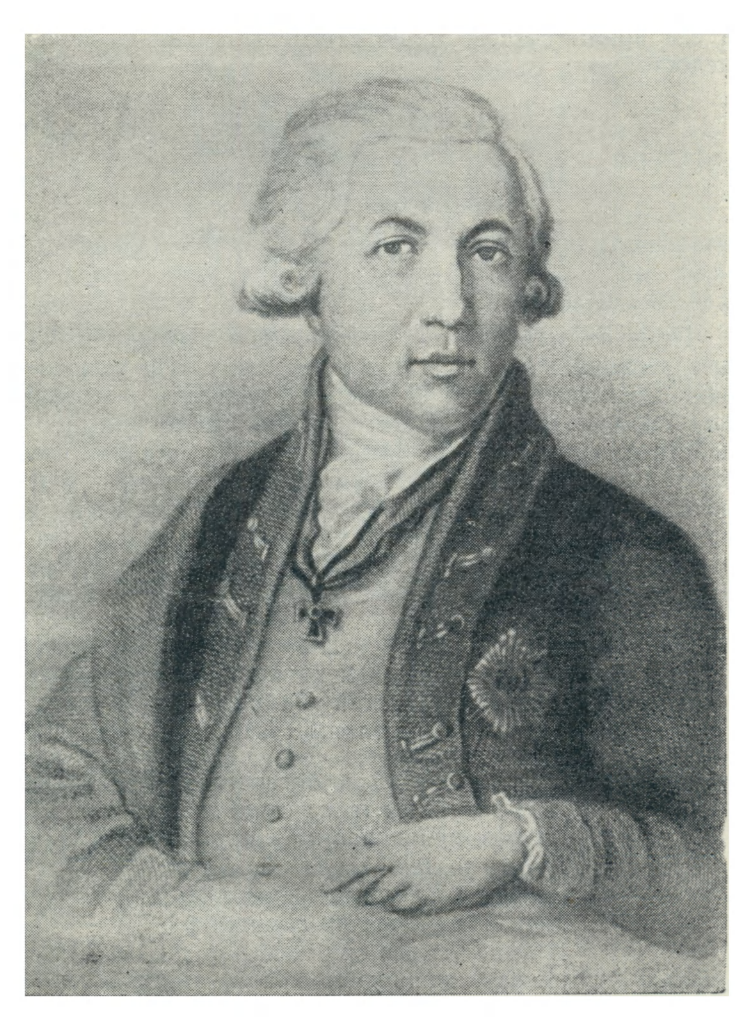
А ныне пятьдесят мне било;
Полет свой счастье пременило...
Бояра понадули пузы,
И я у всех стал виноват.

И дальше язвительно высмеивал Гудовича, Завадовского, Безбородко (они были украинцами, или, как тогда говорили, «хохлами») и других своих врагов:

Гудок гудит на тон скрыпицы[1]
И вьется локоном хохол.

---

[1] Гудок — старинный струнный народный инструмент. Скрыпица — скрипка, считавшаяся тогда инструментом «благородным». Державин смеется над Гудовичем, который при покровительстве императрицы, будучи человеком не очень образованным, стал крупным сановником.

Г. Р. Державин.

Портрет работы В. Л. Боровиковского.

Обращаясь к богине счастья, которую он изображает летящей на шаре, поэт с горечью констатирует, что в его время счастье чаще всего выпадает на долю недостойных:

Вселенна длани простирает,
Зовет тебя, — ты не глядишь,
Но шар твой часто упадает
По прихоти одной твоей
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилые воды;
А редко, редко — на людей.

Приехав в Петербург, летом 1789 г. Державин пишет великолепную оду «На коварство». По признанию Державина, всякая несправедливость, которую ему приходилось наблюдать, очень сильно на него действовала, «даже физически его поражала», как болезнь. Задолго до написания стихотворения поэт начал «собирать мысли», чтобы понять и объяснить причины «коварства сильных людей», сорвать различные маски, которые надевает на себя тиранство и деспотизм. Обращаясь к коварству и деспотизму, поэт с гневом говорил:

Не раз народным кровопийцам
И целых областей убийцам
Ты отверзало славы храм...

Для властолюбия, богатства,
Для пагубных твоих страстей,
Не раз, преодолев препятства,
Достигло цели ты своей;
Не раз ты честность очерняло;
Не раз ты святость порицало
И высило чрез них твой рог[1];
Не уважаешь уз ты крови,
Не чтишь ты дружбы, ни любови;
Корысть одна и ты — твой бог!

Предусмотря свою выгóду
И сделать нужным чтоб себя,

---

[1] Рог — власть, сила, могущество.

Невинность, равенство, свободу,
Покой и счастье истребя,
Ты влило в нас свою отраву,
Любить прельстило ложну славу
И буйную господства страсть;
Разбой вменяют там в геройство,
Под игом рабску жизнь — в спокойство,
Насилие — в священну власть.

Разочарованию в административной деятельности посвятил Державин стихотворение «Философы, пьяный и трезвый» (1789). С горькой насмешкой над своими прежними иллюзиями он писал:

Хотел я сделаться судьею,
Законы свято соблюдать, —
Увидел, что кривят душою,
Где до́лжно сильных осуждать.
Какая польза так судить?
Одних щадить, других казнить
И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.

Позднее поэт прибавил строки, прямо метившие в императрицу:

Хотел я сделаться вельможей
И при лице царей служить,
Усердно чтить в них образ божий
И им лишь правду говорить.
Но видел: с верностью служить
Нельзя; нельзя им верным быть,
А должно их всегда хвалить,
Подчас обманывать и льстить.

А императрица требовала от Державина именно похвальных стихов.

За годы, прошедшие со времени написания «Фелицы» и «Видения мурзы», Державин успел внимательнее присмотреться к характеру и делам Екатерины II и увидел, что созданный его творческим воображением по рассказам образ Фелицы мало похож на русскую императрицу. Писать в духе «Фелицы»,

восторгаться Екатериной теперь, ближе узнав ее, Державин уже не мог: поэтическая совесть не позволяла ему кривить душой.

Целый месяц поэт колебался — и в конце концов решил написать стихотворение в жанре ломоносовской оды-«рекомендации». Образ Фелицы-человека и государственного деятеля превращается в оде «Изображение Фелицы» в образ только государственного деятеля. В стихотворении нет места ни Фелице-человеку, ни автору-человеку. «Изображение Фелицы» — едва ли не единственное (во всяком случае — крайне редкое) стихотворение Державина, в котором собственно Державина, автора, совершенно нет. Ода безлика. Но зато в полном соответствии с требованиями жанра ломоносовской оды в «Изображении Фелицы» описываются только «великие дела»: и бывшие в действительности, и приписываемые, «желаемые», «рекомендуемые» автором. В полном соответствии с теорией Ломоносова ода целиком написана «высоким стилем».

С одной стороны, поэт пишет о действительных делах императрицы: учреждении народных училищ, сиротских и воспитательных домов, больниц, богаделен и пр.; с другой — приписывает ей такие дела и черты, которые имели мало общего с реальной жизнью. Не соответствует действительному положению вещей утверждение о миролюбии императрицы, строившей многочисленные планы завоеваний. Поэт явно вкладывал в уста Фелицы свои мысли, когда заставлял ее говорить:

Развратные вельможей нравы —
Народа целого разврат.

Только как «пожелание» можно расценивать строки, посвященные «мурзам, паша́м и визиря́м», то есть екатерининским вельможам:

Закон бы свято сохраняли
И по стезям бы правды шли,
Носить ей скипетр пособляли
И пользу общую блюли.

В реальной жизни «мурзы» отнюдь не свято «сохраняли» закон, не шли по стезям правды, и Державину, автору «Властителям и судиям», «На счастие», «На коварство» (а позднее и «Вельможи»), это было прекрасно известно.

Как раньше, в стихотворении «Решемыслу», Державин вместо панегирика Потемкину создал «изображение, каковым вельможам быть должно», так в «Изображении Фелицы» он фактически дал наставление, каким должен быть хороший монарх.

В знак «благодарности» за правосудие (как писал друг Державина М. Н. Муравьев) стихотворение было поднесено Екатерине ко дню коронования — 22 сентября 1789 г. Императрица была разочарована: она жаждала похвал, а получила проповедь, программу, — но все-таки пригласила автора к ужину и познакомила со своим новым любимцем — Платоном Зубовым.

Дом Державина становится в это время одним из центров культурной жизни Петербурга. Почти ежедневно у Державина бывают старые друзья — Н. А. Львов, М. Н. Муравьев, П. Л. Вельяминов, ученый и художник А. Н. Оленин. Навещают Державина О. П. Козодавлев и В. В. Капнист, автор известной в то время поэмы «Душенька» И. Ф. Богданович и др. Регулярно приезжает к нему тяжко больной Д. И. Фонвизин (накануне смерти сатирика в кабинете Державина состоялась читка его новой комедии). Возвращаясь из-за границы, познакомился с Державиным молодой Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». Часто бывает поэт И. И. Дмитриев. В июне 1790 г. А. Н. Радищев, не знакомый с Державиным близко, посылает ему свое «Путешествие из Петербурга в Москву».

За эту книгу, направленную против самодержавия и крепостничества, 30 июня 1790 г. Радищев был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и вскоре приговорен к смертной казни. Державин попытался вмешаться в его судьбу. Воспользовавшись заключением мирного договора со Швецией, поэт 15—17 августа написал одну из своих лучших программных од — «На шведский мир». 18 августа ему удалось добиться приказания о срочном напечата-

нии стихотворения. День был воскресный, типография не работала, но поэт сумел найти управляющего типографией и одного из наборщиков. Работа продолжалась всю ночь, и рано утром 19 августа весь тираж оды по распоряжению Державина был отправлен во дворец. Поэт торопился не случайно: в этот день должно было состояться заседание Государственного совета, на котором решалась судьба Радищева.

Намеченная в этой оде программа очень широка и прогрессивна. Державин требовал от Екатерины II награждения отличившихся, назначения пенсий семьям погибших, облегчения участи крестьянства, в частности — снятия недоимок с беднейших крестьян, амнистии заключенным и находящимся под следствием. Так как именно в эти дни весь Петербург напряженно ожидал окончательного решения императрицы, а сам Радищев со дня на день ждал исполнения смертного приговора, последний пункт державинской программы, естественно, был правильно понят современниками и самой императрицей как требование простить и освободить Радищева.

Написанная и напечатанная в самый критический момент радищевского «дела», ода Державина «На шведский мир» была единственным печатным выступлением в защиту великого революционера. Она стоит в начале той благородной гуманистической традиции русской поэзии, следуя которой в 1792 г. Н. М. Карамзин ходатайствовал перед Екатериной II о прощении Н. И. Новикова, а через 35 лет А. С. Пушкин обратился к Николаю I с призывом простить декабристов.

Конечно, императрица не захотела освободить Радищева, к чему призывал ее Державин. Однако указом от 4 сентября 1790 г. по случаю мира со Швецией (как и советовал ей поэт) она все же заменила Радищеву смертную казнь десятилетней ссылкой в Сибирь.

Не были осуществлены и другие пункты широкой программы, намеченной Державиным. Императрица наградила лишь крупнейших вельмож и военачальников, солдатам была «пожалована» только медаль на ленточке, не было ни амнистии, ни пенсий, ни сня-

тия недоимок. Это, конечно, не могло удовлетворить Державина и только усилило критическое отношение поэта к русской императрице.

К этому же времени относится кратковременное сближение Державина с князем Г. А. Потемкиным, некогда всесильным фаворитом Екатерины II.

Григорий Александрович Потемкин, подобно Державину, происходил из бедной дворянской семьи. Будучи унтер-офицером конной гвардии, он сделался одним из наиболее активных сторонников Екатерины при подготовке переворота 1762 г. и после ее воцарения довольно быстро стал продвигаться по службе. А в начале 1770-х гг., став фаворитом императрицы, Потемкин в очень короткий срок оказался самым влиятельным человеком в России.

Столь сказочное превращение наложило отпечаток и на характер Потемкина, и на его деятельность. С одной стороны, он был талантливым дипломатом, великолепным организатором, умным государственным деятелем, который чрезвычайно много сделал для укрепления и возвышения русского государства. С другой стороны, Потемкин зачастую поступал по капризу, по прихоти, тратил колоссальные суммы из государственной казны на личные увеселения. С одной стороны, как глава русской армии, Потемкин очень много сделал для рядовых солдат: добился смягчения жестоких наказаний, дал войску удобную форму, в нарушение всех старых законов ввел теплую зимнюю одежду — шубы и валенки (а сколько тысяч погибало раньше от морозов — лишь бы был сохранен парадный вид войска!), и рядовые солдаты Потемкина любили. Но с другой стороны, тот же Потемкин был одним из организаторов борьбы с Пугачевым, с восставшими крестьянами; в значительной мере по его мысли была уничтожена вольность Запорожской сечи. С одной стороны, Потемкин проявил себя храбрым полководцем, великолепным дипломатом в первой турецкой войне и позднее, когда сумел добиться присоединения Крыма к России без единого выстрела[1], организовал заселение юга России,

[1] За это он получил к фамилии почетную приставку «Таврический».

строительство Черноморского флота и т. д. С другой стороны, во время второй турецкой войны он часто был нерешителен, завидовал славе Румянцева, Суворова, Репнина. Мягкий, снисходительный и даже добрый по отношению к солдатам и офицерам, Потемкин был чрезвычайно надменен, резок, груб в обращении со знатью, с вельможами.

Отношения Державина и Потемкина вначале были недружелюбными. Именно Потемкин в качестве вице-президента военной коллегии и командира Преображенского полка отправил Державина в отставку. В свою очередь, Державин язвительно высмеял его в «Фелице».

В 1783 г. княгиня Дашкова, тогдашний президент Академии наук, потребовала от поэта, чтобы он написал похвальную оду фавориту императрицы. Державин поступил довольно «лукаво»: вместо панегирика Потемкину он сочинил «наставление, каковым вельможам быть до́лжно», причем снова недвусмысленно высмеял недостатки Потемкина, не скрывая, однако, и положительных качеств этого государственного деятеля (ода «Решемыслу»). Попав под суд в 1789 г. за помощь в снабжении продовольствием русской армии, Державин обратился к Потемкину, как главнокомандующему, с просьбой о заступничестве, и в конце концов был оправдан.

А вскоре влияние Потемкина при дворе пошло на убыль. Екатерина, напуганная Французской революцией, резко повернула вправо, в стране установилась жесточайшая реакция. В этих условиях Г. А. Потемкин оказался для императрицы слишком либеральным и слишком самостоятельным.

Еще в 1783 г. Державин писал о Потемкине, противопоставляя его другим временщикам (в частности, Бирону, фавориту императрицы Анны Иоанновны):

Иной ползет, как черепаха,
Другому мил топор да плаха,
А он парит как бы орел
И все с высот далече видит;
Он в сердце злобы не имел
И даже мухи не обидит.

(«Решемыслу»).

В позднейших примечаниях поэт пояснял: «Сей любимец императрицы был не мстительный человек»; хотя Державин и шутил на счет его весьма вольно, однако Потемкин никакого зла ему не делал и даже, наоборот, высказывал в конце жизни желание подружиться с поэтом.

Это утверждение Державина можно подкрепить рядом примеров. Московские масоны терпеть не могли Потемкина, писали на него пасквили, именуя этого вельможу «князем тьмы» (во-первых, по созвучию с фамилией «Потемкин», а во-вторых, в противовес титулу Потемкина «светлейший князь»). Но когда императрица, задумав разгромить масонскую оппозицию, назначила в Москву нового главнокомандующего, князя А. А. Прозоровского, не кто иной как Потемкин предостерегал Екатерину от готовящейся расправы: «Ваше величество, — писал он императрице, — выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в вашу цель, потому что своей собственной не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве имя вашего величества».

Хотя в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев резко выступил против Потемкина (в главе «Спасская полесть»), Потемкин не только не рассердился на него сам, но и советовал императрице не преследовать автора революционной книги.

Были у Потемкина и другие разногласия с Екатериной, и вскоре после начала Французской революции императрица приблизила к себе молодого офицера Платона Зубова, который во всех вопросах лишь слепо следовал ее указаниям. Абсолютно бездарный интриган, полнейшее ничтожество, Зубов пользовался каждым удобным случаем, чтобы очернить Потемкина. Положение бывшего фаворита ухудшалось тем, что действия руководимой им армии в войне с турками были не всегда удачны: Екатерина за 30 лет царствования изрядно расстроила государственные финансы, войска зачастую терпели недостаток в снабжении, боеприпасах, медикаментах.

Наконец, в феврале 1791 г. императрица нехотя дала разрешение Потемкину приехать в Петербург для празднеств в честь взятия турецкой крепости Измаил.

Это одно из самых грандиозных торжеств екатерининского времени состоялось 28 апреля 1791 г. в Таврическом дворце, принадлежавшем Потемкину. К шести часам вечера здесь собралось три тысячи гостей в маскарадных костюмах, богато разукрашенных драгоценными камнями. Во дворце их встречал хозяин, на одежде которого бриллианты сверкали везде, где только нашлось для них место. Шляпа Потемкина была настолько тяжела от обильно нашитых бриллиантов, что он не мог надеть ее, и пришлось адъютанту главнокомандующего носить ее все время в руках.

На площади перед дворцом с раннего утра толпились тысячи людей: для простого народа Потемкин устроил даровое угощение, качели и другие забавы. Ждали приезда императрицы. Случайное движение во дворце было принято за сигнал, толпа накинулась на угощение. В одно мгновение все было расхватано, выпито, съедено, — а полицмейстер отдал приказ солдатам и казакам разогнать «чернь». Подъехавшая в этот момент Екатерина вместо «благодарного народа» увидела только раскиданные объедки да поваленные столы.

С приездом императрицы дворец вдруг засверкал. Разом вспыхнули 140 тысяч светильников и 20 тысяч свеч. В центральном зале дворца грянул оркестр из 300 музыкантов и хор певчих запел:

Гром победы, раздавайся,
Веселися, храбрый росс!..

Слова для хоров были написаны Державиным по просьбе Потемкина специально к этому празднику.

Державин присутствовал на торжестве не как гость, а как историк: Потемкин просил его составить описание праздника. Поэт с присущей ему честностью и добросовестностью выполнил это.

Положение Державина было довольно щекотливым. Потемкин явно выказывал желание «подружиться» с ним, говорил, что исполнит любое его желание. А Зубов передал поэту приказание императрицы: никаких подарков от Потемкина не принимать. Сама же Екатерина на людях вдруг стала обращаться с Державиным ласково, отводила его в сторону от

всех и с таинственным видом шептала на ухо разную чепуху. Поэт недоумевал, что бы это могло означать, и только впоследствии узнал: императрица поступала так, чтобы досадить Потемкину.

Зубов все больше входил в силу при дворе, и из страха перед ним ни одна русская газета того времени даже не упомянула о празднике в Таврическом дворце. Но Державин свое обещание выполнил и вскоре привез Потемкину рукопись, в которой проза перемежалась со стихами — «Описание торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила». Вельможа поблагодарил поэта и пригласил его к обеду.

Князь занялся рукописью. Обеденные столы были уже накрыты, но вдруг разозленный Потемкин «выскочил из своей спальни, приказал подать коляску и, несмотря на шедшую бурю, гром и молнию, ускакал бог знает куды. Все пришли в смятение, столы разобрали — и обед исчез».

Гнев вельможи объяснялся просто: Державин воздал ему честь вместе с другими полководцами эпохи — П. А. Румянцевым и А. Г. Орловым. Кроме того, он не стал изображать Потемкина полубогом, а показал сложность его характера, в силу которой от дел государственного масштаба Потемкин капризно обращался к самым мелким, маловажным занятиям:

Он мещет молнию и громы
И рушит грады и берет,
Волшебны созидает домы
И дивны праздники дает.
Там под рукой его гиганты,
Трепещут земли и моря;
Другою чистит бриллианты
И тешится, на них смотря...
То крылья вдруг берет орлины,
Парит к Луне и смотрит вдаль;
То рядит щеголей в ботины,
Любезных дам в прелестну шаль[1].

---

[1] Луна — так называли в поэзии Турцию, потому что в ее гербе был полумесяц. Рядит — наряжает. Ботины — легкие полусапожки, которые Потемкин ввел в употребление.

В конце июля 1791 г. Екатерина, опасавшаяся бывшего фаворита, выпроводила его из Петербурга. Перед отъездом Потемкин принял Державина и простился с ним довольно прохладно, уверив, впрочем, поэта в своем расположении.

Уезжал князь в мрачном настроении: влияние его при дворе падало, императрица фактически выгнала его из столицы, а главное — он был уже тяжело болен. В Яссах, где находилась ставка главнокомандующего, лихорадка его усилилась, однако Екатерина не позволяла ему уехать оттуда. Наконец, в первых числах октября 1791 г. Потемкин получил разрешение переехать в Николаев. В дороге он, почувствовав приближение смерти, приказал вытащить себя из кареты. Так, в ночь на 5 октября в дороге, на сырой земле, под открытым небом скончался могущественнейший русский вельможа, один из вершителей европейской политики, на протяжении двух десятков лет некоронованный властитель России. Бывший при нем гусар закрыл ему глаза, положив на них две медные монеты.

Известие об этой необычной, романтической смерти потрясло Державина, и он решил воздать последнюю почесть выдающемуся русскому государственному деятелю, написав в его память стихи.

Первые строфы оды «Водопад»— описание Кивача — поэт извлек из своих рукописей, остальное написал вновь. Работа отняла много времени, только в 1794 г. ода была окончательно отделана.

Композиционно ода построена привычно для Державина. Начинается стихотворение величественной картиной водопада, около которого сидит и размышляет о том, что значит быть полезным отечеству, «некий муж седой». Это полководец Румянцев, явно идеализированный Державиным, которого поэт противопоставляет Потемкину — вельможе, слишком много внимания уделявшему самому себе. В то же время поэт говорит и о многих полезных делах, и о личных достоинствах Потемкина, благодаря которым его любили простые солдаты и ненавидела знать.

Но ни одного доброго слова не находит Державин для преемника Потемкина — Платона Зубова. Об этом ничтожестве, которое только и умело, что «охуж-

дать» дела своего предшественника, поэт отзывается с уничтожающим презрением, говоря о нем как о черве, ползающем вокруг праха героя.

Следует помнить, что «Водопад» написан в ту пору, когда Зубов был некоронованным владыкой Российской империи, а напечатан при Павле I, который из личной ненависти не только стремился искоренить полезные реформы Потемкина и «вышибить» «потемкинский дух» из русской армии, но и разрушил самую могилу «великолепного князя Тавриды». Поэтому нельзя не согласиться с В. Г. Белинским, который справедливо сказал, что «Водопад» столько же благородный, сколько и поэтический подвиг Державина.

Но вот после речи Румянцева слово берет автор:

Но кто там йдет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи[1],
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр — земля; кров — воздух синь:
Чертоги — вкруг пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?

---

[1] Чресла — туловище, тело. Лепт — греческая мелкая медная монета.

Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?...

Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустынны
Во грады, в нивы обратил,
Покрыл понт Черный кораблями,
Потряс среду земли громами?[1]

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг росской силе,
Стихии самые попрать
В Очакове и Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Снова возвращаясь в конце оды к теме водопада, Державин отождествляет его одновременно и с Потемкиным, и со всеми земными владыками — «водопадами мира», и, между строк, с самим веком Екатерины II: блестящим, пышным, шумным — и жестоким, страшным, кровавым. И не избитой моралью, не сухим нравоучением, а горьким упреком, безнадежной мечтой о лучшем будущем звучит заключительный призыв поэта:

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир[2];
Лишь праведника свят кумир.

---

[1] Понт Черный — Черное море. Средой земли (т. е. серединой) Державин называет Стамбул, или Константинополь, столицу Турции.
[2] Перуны — громы.

Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира[1],
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету[2],
Чтоб счастие доставить свету.

Свыше четырех лет Державин работал над «Водопадом», однако сумел создать впечатление, что стихотворение написано сразу, по вдохновению, «на едином дыхании» под впечатлением необычной смерти «баловня счастья» Потемкина. И это роднит «Водопад» с романтизмом начала XIX века, который утверждал, что источником истинной поэзии является вдохновение поэта.

Художественные особенности оды: общая торжественная тональность стихотворения, мрачно-возвышенный колорит, титанические образы в духе северных сказаний и народных былин — окончательно делают «Водопад» одним из первых романтических стихотворений русской поэзии, как бы перебрасывают мостик от литературы XVIII века к романтикам 1810—1820-х гг. и даже дальше — к романтическому творчеству Н. В. Гоголя.

Не случайно именно Гоголь, любивший героико-титанические характеры и романтически-гиперболизированные образы (вспомним «Страшную месть» или «Тараса Бульбу»!), сам многому научившийся у Державина, дал восторженный — хотя, может быть, и несколько преувеличенный — отзыв о «Водопаде», в котором «как бы целая эпопея слилась в одну стремящуюся оду. В «Водопаде» перед ним (Державиным. — *В. З.*) пигмеи другие поэты. Природа там как бы высшая нами зримой природы, люди могучее нами знаемых людей, а наша обыкновенная жизнь перед величественною жизнию, там изображенною, точно муравейник, который где-то далеко копышется внизу».

Екатерину II мало устраивала независимая творческая позиция Державина, лучшего поэта эпохи, еще

---

[1] Порфира — царская, княжеская мантия. Смысл этой строки: «Славны ваши военные подвиги, прекрасно ваше правление...»

[2] Мета — цель.

раз подтвержденная историей с описанием потемкинского праздника. Великолепно понимая силу поэтического слова, императрица желала, чтобы Державин стал ее «карманным стихотворцем», «собственным ее величества автором». «Выдержав» поэта два с половиной года без назначения, в конце 1791 г. Екатерина неожиданно возвысила и приблизила его к себе, назначив своим статс-секретарем. При этом она меньше всего ждала от Державина ревностной службы, но хотела и неоднократно просила его, «чтоб он писал в роде оды «Фелице».

Служба при дворе окончательно разочаровала Державина в его «ангеле во плоти», ибо те черты, которые издалека «ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему, при приближении ко двору, весьма человеческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины... Например, она управляла государством и самым правосудием более по политике или своим видам, нежели по святой правде».

Тема Фелицы совершенно заглохла в творчестве Державина, когда он «вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями». Много раз принимался поэт за выполнение просьбы императрицы, иногда неделями сидел, «запершись в своем кабинете», но так ничего и не написал в похвалу Екатерине. А вообще он писал много. В эти годы им создан ряд великолепных стихов.

Имея в виду то положение, в котором он оказался при дворе, и настойчивые просьбы Екатерины, поэт сочинил маленькое, но весьма многозначительное стихотворение:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

(«На птичку», 1792 или 1793).

Летом 1793 г. А. В. Храповицкий, давний сослуживец Державина по Сенату, а теперь тоже статс-секретарь, выражая желание императрицы, написал Державину стихотворное послание, в котором при-

зывал его пренебречь служебными делами и писать похвальные стихи Екатерине II.

Державин ответил коротким и выразительным посланием «Храповицкому» (1793):

Богов певец
Не будет никогда подлец.

Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам...

Близкое знакомство с «подлинником человеческим с великими слабостями» привело Державина к отказу даже от самого имени «Фелица», означавшего в первую очередь Екатерину-человека. Поэт пытался заменить его каким-нибудь другим, которое больше подходило бы к образу государственного деятеля, каким стал образ Екатерины уже в «Изображении Фелицы», но дальше попыток дело не пошло. Имя, правда, Державин придумал, и не одно (Доброслава, Гремислава), но писать о Екатерине он уже вообще более не мог и не хотел.

Оглядываясь в конце жизни на пройденный путь и пытаясь дать объективную оценку Екатерине II в сравнении с Петром I, Державин пришел к довольно мрачному выводу:

Петр для народного жил блага.
Екатерина — для себя.
По нем Россия процветала;
По ней Россия умирает.

(«Мысли мои»).

Разочарование в Екатерине II поставило перед Державиным вопрос о роли поэта и поэзии, о значении его собственной поэтической деятельности, о его праве на бессмертие. С этого момента тема поэзии и поэта, оценки собственного творчества становится одной из ведущих в державинской поэзии.

О великой роли в жизни общества поэзии и поэта Державин говорил всегда, именно в поэтической деятельности видя свое право на бессмертие. Но пред-

ставление о том, какие именно стороны его поэзии сделают имя его бессмертным, менялось. Сперва Державин право на бессмертие видел в самом занятии поэзией:

Меня ж ничто вредить не может,
Я злобу твердостью сотру;
Врагов моих червь кости сгложет,
А я пиит — и не умру.

(«На смерть графини Румянцевой», 1788).

В течение некоторого времени он считал, что останется жить в памяти потомства как певец дел Екатерины II.

Однако разочарование в Екатерине, наступившее в начале 1790-х гг., не могло не найти отражения в самооценке Державина. Новый взгляд на значение своей поэзии он наиболее полно изложил в оде «Мой истукан», написанной в первой половине 1794 г. Эта ода по форме представляет собой разговор-монолог, обращенный к скульптору Рашетту, который работал в это время над бюстом Державина. Мысль о славе за «обыкновенные дела» — «безделки» — поэт отвергает сразу:

Хотя б я с пленных снял железы,
Закон и правду сохранил,
Отер сиротски, вдовьи слезы,
Невинных оправдатель был;
Орга́н монарших благ и мира —
Не стоил бы и тут кумира.

Далее Державин переходит к своим заслугам как поэта.

В достоинство вменить я смею,
Что знал достоинствы я чтить;
Что мог изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти...

Высоко оценивая свои оды, посвященные Фелице, Державин считает, что он достоин за них славы. Но будут ли чтить его за это потомки? И поэт, пророчески угадывая будущее, дает отрицательный ответ:

Потомство — грозный судия:
Оно рассматривает лиры,
Услышит глас и твоея [1],
И пальмы взвесит, и перуны,
Кому твои гремели струны.
Увы! легко случиться может,
Поставят и тебя льстецом...
То может быть, и твой кумир
Через решетки золотые
Слетит и рассмешит весь мир...

Отвергая право на бессмертие за прославление Фелицы, Державин считает, что потомство будет чтить его память как певца России, русского народа, его вождей и героев, за то, что он всегда был поборником правды и истины, отстаивал добродетель:

Пусть тот, кто с большим дарованьем
Мог добродетель прославлять,
С усерднейшим, чем я, стараньем
Желать добра и исполнять,
Пусть тот немедля и решится:
И мой кумир им сокрушится.
Я рад отечества блаженству:
Дай больше, небо, таковых,
Российской силы к совершенству,
Сынов ей верных и прямых!
Определения судьбины
Тогда исполнятся во всем...
Тогда, каменосечец хитрый!
Кумиры твоего резца
Живой струей испустят искры
И в внучатах возжгут сердца.

По убеждению Державина, великий поэт-патриот достоин бессмертия не менее, чем великий полководец. Он проводит эту мысль, ставя свое имя рядом с именем фельдмаршала Румянцева («Кумиры твоего резца» — это бюсты Румянцева и Державина, изваянные Рашеттом).

[1] Услышит голос и твоей лиры.

Так в поисках положительного героя, разочаровавшись в созданной его воображением Фелице, Державин в конце 1780-х—начале 1790-х гг. приходит к теме России, русского народа и его героев — полководцев, патриотов и поборников правды. Правда, разочарование в Екатерине II не привело Державина к разочарованию в просвещенном абсолютизме вообще. Надежды, рухнувшие при близком знакомстве с «Фелицей», воскресали в поэте и при вступлении на престол Павла I, и в начале царствования Александра I. Но когда поэт понимал, что новый монарх не оправдывает возлагавшихся на него надежд, он переставал «воспевать» его точно так же, как и Екатерину II. Однако тема России и русского народа остается одной из главных в творчестве Державина до самой смерти его.

Господствующим чувством Державина был патриотизм, стремление к «благу народному»[1], «служение на пользу общую» (Н. Г. Чернышевский). Державин гордился русским народом, его подвигами, его полководцами. Прославлению русского оружия посвящены многие оды поэта — «На взятие Измаила» (1791), «Памятник герою» (1791), «На победы в Италии» (1799), «Атаману и войску Донскому» (1807) и др. Любимейшим героем Державина был великий русский полководец А. В. Суворов, причем Державин всегда подчеркивал те качества Суворова, которые роднили его с солдатами. Народ, русский «чудо-богатырь», является подлинным героем од Державина. В «страшную годину» монгольского ига «князья, бояра в неге спали и ползали в пыли, как червь», но русский народ сам, «без помощи, от всех стесненный», сумел не только свергнуть с себя ярмо, но и «возверг на тех самих оковы, кто столько свету страшен был» («На взятие Измаила»).

Громоподобные звуки победных од Державина были следствием воодушевления, которое испытывал поэт в гордости за великий русский народ. Однако не всякую войну приветствовал и «воспевал» Державин,

---

[1] Когда Державин говорит о народе, то он имеет в виду не одно крестьянство, а все классы и сословия русского государства, то есть у него слово «народ» равнозначно понятию «нация».

Автограф Г. Р. Державина.

и само прославление побед постоянно сопровождается в его стихах настойчивой проповедью мира и осуждением войны вообще.

Еще в 1760-х гг. Державин написал стихотворение, в котором осуждал войны. Вновь вернувшись к нему в 1790-х гг., поэт переработал его и продолжил:

Ужасно что очам и трепетно природе,
По глупости людской похвально то в народе.
Восточный Александр и северный по нем
Бессмертие нашли войною и мечом;
Поэтому и мор, потоп, землетрясенье
Достойны получить такое ж обоженье:
Не менее они губительны того. —
Вот ложной славы звук довел свет до чего!...[1]

Державин считал, что историческая миссия России — защита Европы от монголов, а в XVIII веке — от турок. Обращаясь к европейским государствам, поэт утверждал:

...Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз.

(«На взятие Измаила»).

Разделы Польши, поход на Кавказ вдохновляют Державина только подвигами русских войск и полководцев, но самые войны он осуждает. Так, в оде «На взятие Варшавы», обращаясь к императрице, Державин пытался предостеречь Екатерину от продолжения захватнических войн:

Куда? И что еще? — Уже полна
Великих ваших дел вселенна.

А в стихотворении «На рождение царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину» (1796) поэт прямо выступил против завоевательной политики Екатерины II.

---

[1] Восточный Александр — Александр Македонский. Северным Александром называли шведского короля Карла XII. По нем — после него. Мор — эпидемия чумы. Обоженье — обожествление.

Живи и жить давай другим,
Но только не на счет другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого:
Вот правило, стезя прямая
Для счастья каждого и всех!

Конкретная направленность этих строк была ясна современникам. «Живи и жить давай другим» было любимым выражением, «присловицей» русской императрицы. Но Державин, «видя беспрестанные войны, прибавил, чтоб жить не на счет другого и довольствоваться только своим».

Однако войны с Францией Державин приветствовал, ибо, по его мнению, выступая против завоевательных войн Наполеона, Россия осуществляла свою историческую миссию: «Мир Европе водворить». Державин подчеркивал:

Воюет росс за обще благо,
За свой, за ваш, за всех покой.

(«На переход Альпийских гор», 1799).

Победа над Наполеоном и изгнание французов из России в 1812 г. воодушевили старого поэта на величественный гимн русскому народу:

О росс! о доблъственный[1] народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастьи тих, в несчастьи бодр...

(«Гимн лиро-эпический
на прогнание французов из отечества», 1812).

Итак, первым условием «народного блаженства», «общего блага» Державин считал мир. Столь же необходимой он считал «правду», «истину», которая заключалась для него в личной честности, бескорыст-

---

[1] Доблъственный — доблестный.

ности, в справедливости, в строгом соблюдении законов всеми: и чиновниками, и вельможами, и самим царем. Истину Державин отстаивал неутомимо и бесстрашно в течение всей жизни и в государственной деятельности, и в поэзии, не взирая на лица. За правду он боролся с такой энергией и горячностью, что Екатерина II боялась давать ему аудиенции наедине, Павел I прогнал от двора за «непристойный ответ», Александр I заставил уйти в отставку за «слишком ревностную службу». Даже родственники поэта упрекали его в том, что он «бранится с царями и не может ни с кем ужиться». Сам же Державин о себе писал с гордостью: «Горяч и в правде черт» («К самому себе», 1798). Своим «богом» он называл истину и, обращаясь к ней, восклицал:

Да буду провозвестник, друг,
Поборник твой, везде щит правды;
Все мира прелести, награды
Да не истлят во мне твой дух;
Да оправдаю я невинность;
Да соблюду присягу, честь;
Да зла не скрою ков[1], бесчинность
И обличу пред всеми лесть.

Эта борьба за правду, истину, добродетель, «пользу общую» в значительной мере определила содержание поэзии Державина 1789—1804 гг. Именно в эти годы им были написаны сильнейшие его сатирические произведения «На счастие», «На коварство», «Вельможа» (1794), «Павлин» (1795), «К Скопихину» (1803), «Колесница» (1803—1804) и др. В этот же период он выразил свой идеал государственного деятеля — борца за правду, «человека» в таких стихотворениях, как «Любителю художеств» (1791), «Водопад» (1791), «Мой истукан», «Афинейскому витязю» (1796) и т. д., и в сатирических произведениях, особенно в одах «На коварство» и «Вельможа». В ряде стихотворений он выдвигает как образец вельможи князя Я. Ф. Долгорукова, который славился неподкупностью и прямодушием и, «ничего не убоясь, го-

[1] Ков — козни, злоумышления.

ворил правду, так что иногда государь Петр I от него бегал». Однако в действительной жизни говорить царям истину было не так-то просто. И как поэт Державин иногда должен был говорить не то, что он хотел бы сказать. В одном из лучших стихотворений, посвященных роли поэта,— втором послании «Храповицкому» (1797) — Державин прямо указывал на гнетущую силу самодержавия:

Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допущали
И любили бы ее.

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали —
Чувствуем ярмо свое.

Поэтому Державину приходилось то говорить истину «с улыбкой», в шутливой форме, то прикрывать ее ссылками на авторитет монарха, то маскировать ее намеками, иносказаниями, аллегориями. Это свойство своей поэзии сам Державин прекрасно сознавал: «Будучи поэт по вдохновению, я должен был говорить правду; политик, или царедворец, по служению моему при дворе, я принужден был закрывать истину иносказанием и намеками».

Мы уже видели, как в стихотворении «На рождение царицы Гремиславы» назидательное нравоучение, обращенное к Нарышкину, обернулось язвительным упреком Екатерине II. Внешне безобидная анакреонтическая песня «К самому себе» на деле скрывала в себе обвинение крупнейших государственных деятелей в грабеже народа и государства:

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?

Пусть другие работа́ют,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход...

Дело заключается в следующем. По воцарении Павла I генерал-прокурор А. Б. Куракин, государственный казначей А. И. Васильев и другие вельможи беззастенчиво грабили государственных крестьян, отбирая у них землю и перепродавая ее им же втридорога; а затем, якобы для улучшения положения крестьян, стали притеснять и соседних помещиков. Протесты Державина в межевом департаменте Сената не достигали цели, и он, чтобы обратить внимание императора на творимое беззаконие, написал это стихотворение и распустил его по городу в списках.

Десятки и сотни намеков и иносказаний рассеяны в одах «Фелица», «На счастие», «Вельможа» и т. д. Другим способом проведения своей мысли у Державина, как мы уже знаем, был ломоносовский прием выдавания желаемого за действительное (наиболее наглядный пример — «Изображение Фелицы»). Третий способ, которым пользовался поэт, — «переадресовка», когда Державин, говоря об одном явлении, имел в виду другое. С помощью этого приема построена, например, ода «На коварство». Державин понимал, что напечатать стихотворение в том виде, в каком оно написано, невозможно, и поэтому переадресовал оду, изменив ее заглавие. В печатном тексте стихотворение было названо: «На коварство во время возмущения французов, к чести князя Дмитрия Михайловича Пожарского, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти», то есть направлено будто бы против французской революции 1789 г. Однако читатели великолепно понимали, что это заглавие — только маскировка, ибо содержание оды к французской революции не имело никакого отношения, а было направлено против деспотизма и коварства «сильных людей».

Итак, борьба за «общее благо» была определяющим звеном и в деятельности Державина на государственном поприще, и в его творчестве. Тесно связаны с этим темы «личного блага», возможного только при

условии общего: чистая совесть, довольство малым, умеренность, «покой» и т. д. Человек может быть счастлив только тогда, когда он «желает общего добра» и активно борется за него. Не может быть истинно счастлив тот, кто заботится только о себе, не радея о России, — утверждал Державин («К первому соседу», 1780; «К Скопихину», 1803, и т. д.).

И в этом цикле державинских стихотворений в центре внимания человек — человек-герой и человек-автор.

«Фелица» была первым произведением русской литературы, в котором человек рисовался прежде всего как человек. Однако Державин, не знавший Екатерину, наградил ее только идеальными — хотя и вполне человеческими — качествами. Новый шаг по пути к реализму Державин делает в стихотворениях, посвященных Г. А. Потемкину («Решемыслу», «Анакреон в собрании», «Водопад»), Л. А. Нарышкину («На рождение царицы Гремиславы»), А. Г. Орлову («Афинейскому витязю»), А. В. Суворову («На пребывание Суворова в Таврическом дворце», 1795; «На переход Альпийских гор», 1799, и др.; особенно — «Снегирь», 1800). В этих одах Державин пытается рисовать людей во всей их сложности, изображая и положительные, и отрицательные их стороны (в особенности это касается Потемкина и Нарышкина). Наконец, образ автора в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807) — полнокровный реалистический тип. В этом образе объединены и типические и индивидуальные черты. Это и тип помещика, барина, живущего в свое удовольствие на склоне дней своих, и в то же время индивидуальный характер с его склонностями и симпатиями.

Так образ человека-автора, поставленный в центр державинского творчества, привел поэта от классицизма с его схематизмом к реалистическому изображению действительности.

«ЧТЕЦ И ПОНОМАРЬ ФЕМИДЫ»

В числе многих других богов у древних греков была и богиня, ведавшая правосудием, — Фемида.

В России второй половины XVIII века правосудие зависело, в конечном итоге, от решения императрицы, а поэтому имя античной богини было перенесено на Екатерину II. Так ее нередко именовал в стихах и Державин. Себя же он назвал однажды «чтецом и пономарем Фемиды» и разъяснил в примечании: «был докладчик и служитель богини правосудия, или императрицы».

Статс-секретарей у Екатерины, кроме Державина, было семь человек. Каждый из них наблюдал за какой-либо частью государственного управления, докладывал императрице о ходе дел, получал ее резолюции и решения, следил за их выполнением. Вполне понятно, что, представив дело в определенном свете, статс-секретарь мог добиться от Екатерины желаемой им резолюции. Так было, например, с самим Державиным в 1788 г., когда статс-секретарь Безбородко сумел настоять на отдаче под суд ни в чем не повинного тамбовского губернатора.

Державин обрадовался новому назначению. Во-первых, кончилось тяготившее его неопределенное положение, во-вторых, он получил возможность следить за законностью, отстаивать истину непосредственно перед самой императрицей: в его ведение был отдан Сенат. Державин должен был следить за ходом судебных дел в высшем правительственном учреждении России, докладывать о решениях Сената Екатерине, контролировать исполнение ее резолюций. С присущими ему энергией и усердием поэт принялся разбираться в сенатских хитросплетениях.

На новом посту Державин сразу же столкнулся с тем, с чем сталкивался уже не раз: с запутанностью судопроизводства, растягивавшегося на много лет, открытыми беззакониями, корыстолюбием, неправосудием высших сановников, продажностью и лихоимством чиновников, расхищением государственной казны и многими другими злоупотреблениями. Обо всем этом он считал нужным докладывать Екатерине и требовал от нее немедленных решений, что весьма раздражало императрицу, так как она предпочитала выслушивать рапорты о победах русских войск, а в гражданских делах разбиралась слабо и не любила заниматься ими.

А Державин продолжал еженедельно докладывать ей, надоедал требованиями справедливости и человечности, неустанным заступничеством за обиженных.

— Он со всяким вздором ко мне лезет, — сердито говорила Екатерина Храповицкому.

Об этих словах стало известно Державину, он огорчился, но не успокоился. А для чего же тогда императрица поставила его на эту должность? И он упрямо выполнял свой долг, раскрывая, как он считал, императрице глаза на царившие в стране беззакония.

Вскоре Державин увидел, что другие статс-секретари, которым не очень была по сердцу его честность и прямота, его строгость в соблюдении законов и ненависть к произволу, нарочно подсовывают ему наиболее неприятные дела, вызывающие, как они знали, гнев Екатерины. Слушая доклады Державина, императрица все больше сердилась, все реже и реже выслушивала его замечания по сенатским делам, много раз откладывала и отменяла назначенные ему приемы и, наконец, приказала Державину не докучать ей еженедельными докладами, а сообщать свои выводы непосредственно обер-прокурорам Сената.

Однако упрямый правдолюбец и тут не угомонился и продолжал носить к Екатерине связки дел, требовавших, на его взгляд, личного вмешательства императрицы. Приспосабливаться к нравам двора он не хотел, угождать и прислуживаться не желал и ставил перед собой только одну цель:

Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

(«Вельможа»).

В ряде случаев энергия и настойчивость Державина побеждали: Екатерина нехотя была вынуждена признавать правоту поэта и принимать справедливые решения. А «дела» у Державина, действительно, были на редкость запутанные, тянулись они по много лет, в сенатских шкафах накапливались горы бумаг, выписок, справок, постановлений.

Более семи лет второй департамент Сената каждый «присутственный» день разбирал дело иркутского генерал-губернатора Якоби. Обвинения были серьезные: Якоби будто бы хотел развязать войну между Китаем и Россией, грабил казну, несправедливо отдавал под суд чиновников и пр. Екатерина поручила было дело статс-секретарю А. В. Храповицкому, но тот сумел свалить его на Державина. Поэт разбирался в нем почти год, настолько оно было велико по объему: для перевозки его в Царское Село понадобилось три телеги!

В конце концов, Державин убедился, что приписываемых ему преступлений бывший генерал-губернатор не совершал и все дело заведено из мести генерал-прокурором Вяземским, на племяннице которого отказался жениться Якоби. В назначенный день Державин явился для доклада в сопровождении толпы лакеев, несших «превеликие кипы бумаг».

Императрица изумилась:

— Что такое? Зачем сюда такую бездну?

— По крайней мере, для народа, — ответил поэт.

— Ну, положите, коли так, — недовольно сказала Екатерина, понимая, что он прав: нужно заботиться об укреплении репутации защитницы правосудия.

Бумаги сложили на несколько столов, и Державин спросил, что желает слушать императрица: полное сенатское изложение дела или краткую выписку, сделанную им.

— Читай самую кратчайшую.

Выслушав краткую выписку (Державин умудрился изложить это громадное дело всего на двух листах), императрица усомнилась. Если все так просто,

то чем же семь лет занимался Сенат? И она приказала Державину являться к ней каждый день и по два часа читать ей дело. Четыре с лишним месяца Державин читал ей сенатское изложение со своими замечаниями. Императрица спорила и возмущалась: как он смел идти против мнения Сената, кто толкнул его на это?

— Справедливость и ваша слава, государыня, чтоб не погрешили чем в правосудии, — твердо заявлял поэт.

Екатерина краснела и выгоняла упрямца из кабинета, и такое случалось не раз. Все же, вопреки генерал-прокурору и его сторонникам, Державин настоял на своем, и Якоби был оправдан.

Принесло неприятности Державину и другое порученное ему дело. Русский посол в Англии донес Екатерине, что не получил посланные ему для государственных платежей два миллиона рублей. Когда об этом стало известно, придворный банкир Сутерланд, через которого переводились за границу деньги, неожиданно кончил жизнь самоубийством. Следствие было поручено Державину.

Ему удалось доказать, что все деньги были розданы Сутерландом якобы взаймы (а на самом деле — как взятки) крупнейшим сановникам: Вяземскому, Зубову, Безбородко, Потемкину и другим близким ко двору людям. Подозрение во взяточничестве пало и на самого Державина.

Поэт, гордившийся своей неподкупностью и честностью, возмутился и потребовал расследования. Императрица удивилась: крупнейшие вельможи не стесняются брать взятки, а Державин опять не желает поступать как все.

— Ну что следовать? Ведь это и везде водится, — ответила она с недовольством.

Все же поэт поступил по-своему и доказал, что деньги эти попали к другим придворным.

Несмотря на нежелание Екатерины, Державин добился, чтобы она выслушала его доклад о деле Сутерланда. Императрица не особенно сердилась: она давно знала о корыстолюбии своих приближенных. Гнев ее вызвал только долг наследника престола: императрица ненавидела своего сына — и она стала

жаловаться Державину на мотовство Павла, на его «нелепые» строительные затеи в Гатчине.

Поэт не умел быть «хитрым царедворцем», не хотел угождать и потому, стараясь сохранить объективность, заметил, что князь Потемкин взял больше Павла. Императрица замолчала, но через несколько минут снова принялась горячо ругать сына.

— Граф Зубов тоже взял больше, — показал ей другую цифру Державин.

— Поди вон! — покраснев, закричала Екатерина с гневом — и с этими словами сама хотела выйти из кабинета.

Рассердился и Державин: что ж, дело так и останется нерешенным? Он схватил императрицу за край одежды и не дал ей уйти.

Екатерина II остолбенела: такого ей, императрице, еще не приходилось переносить от своих подданных. Она позвонила и приказала лакею позвать кого-нибудь из придворных. Явился другой статс-секретарь.

— Сядьте здесь, — сказала ему императрица, — да посидите во время доклада, а то этот господин много дает воли рукам своим. Он бранится и, мне кажется, прибить меня хочет.

Настойчивость Державина все же победила: Вяземский и Безбородко немедленно вернули взятые деньги, с остальных было приказано соответствующие суммы взыскать.

Не укреплял своего положения при дворе Державин и тем, что зачастую действовал, не считаясь с мнением вельмож. Так, например, вопреки президенту Академии наук княгине Е. Р. Дашковой он добился прибавки жалования замечательному механику-самоучке И. П. Кулибину, которого Дашкова не любила. Наперекор новому генерал-прокурору графу А. Н. Самойлову Державин завершил двадцатилетнее дело откупщика Логинова, доказал его виновность в обмане казны и получил резолюцию императрицы: взыскать с Логинова два миллиона рублей в пользу государства.

Наконец, в сентябре 1793 г., убедившись в том, что «карманного поэта» из Державина не получается, Екатерина, дав ему чин тайного советника и наградив орденом, назначила его сенатором. По существу,

это была почетная опала: всеми делами в Сенате заправляли генерал-прокурор и обер-прокуроры, они подготавливали нужное им решение, а сенаторы только подписывали готовые бумаги. Но Державин отнесся к назначению серьезно. Он сам вникал во все мелочи, просматривал каждую справку, делал свои замечания, спорил с сенаторами, а те жаловались императрице, что с Державиным «присутствовать не можно». Державин не остался в долгу и в сатирической оде «Вельможа» высмеял членов высшего правительственного органа России:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звезда́ми;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.

Через три месяца Екатерина дает поэту новую должность: она назначает его президентом коммерц-коллегии. Державин и здесь борется с злоупотреблениями, пытается пресечь ввоз контрабандных товаров, расследует плутовство таможенных чиновников и иностранных купцов. Однако доклады Державина императрице оставались без ответа, в личных приемах ему было отказано, а вскоре генерал-прокурор передал ему приказ Екатерины: никакими делами впредь не заниматься, а считаться президентом коммерц-коллегии, «ни во что не мешаясь».

Заседая с сенаторами, ссорясь с обер-прокурорами и генерал-прокурором, Державин летом 1794 г. закончил, наконец, давно задуманную оду «Вельможа».

Резко сатирическое изображение вельмож екатерининского века в этой оде сочетается с программным изложением тех требований, которые поэт предъявлял к сановнику, первому помощнику государя, и к самому монарху, который не должен поступать по своей прихоти в делах государственного управления:

Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титла заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,

Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан...
Вельможу до́лжны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь...
Блажен народ, — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама.
Сим твердым у́злом естества
Коль царство лишь живет счастливым,
Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться,
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

Однако положительной программой не исчерпывается содержание «Вельможи». Державин вновь, как и в «Фелице», создает собирательный образ екатерининского временщика, проводящего дни в обжорстве, «средь игр, средь праздности и неги». Пресытившийся наслаждениями вельможа — «глыба грязи позлащенной» — покойно почивает до полудня, в то вре́мя как его передняя, сени, лестница, двор забиты несчастными, тщетно ожидающими помощи:

А там — израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший...
А там — вдова стоит в сенях

И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает...
А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти, —
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.
А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами, —
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами...[1]

Возрастающее негодование поэта завершается прямым обращением к временщику:

Проснися, сибарит![2] — Ты спишь,
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:
«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром.

Не надо думать, что грянувший гром поразил надменного себялюбца. Державин отлично знал, что в жизни так не бывает, и последнюю фразу следует понимать иначе. Когда-то древние греки считали, что гром, грянувший во время чьей-нибудь речи, — высшее подтверждение справедливости сказанных слов. Так и в «Вельможе» гром гремит в подтверждение гордо-самодовольного восклицания временщика: «Нет

---

[1] Покров — покровительство, защита. Вратник — привратник, швейцар.

[2] Сибарит — человек, проводящий жизнь в наслаждениях.

добродетели! нет бога!», совпадающего с размышлениями самого поэта о том, что при дворе Екатерины добродетель, правду, честность, совесть, стыд нечего и искать.

Современники легко угадывали за каждой строкой «Вельможи» конкретные факты из жизни Зубова, Потемкина, Самойлова, Безбородко, Завадовского и других екатерининских сановников, но сила оды была не в отдельных конкретных намеках, а в том, что был создан типичный образ вельможи, распоряжающегося судьбами государства и людей, но думающего только о своих удовольствиях.

Сила, выразительность, энергия стихов так велики, что «Вельможа» долго помнился, цитировался и перефразировался потомками, а некоторые выражения сохранились в нашей речи и до сего дня.

Поэт-декабрист К. Ф. Рылеев вставил в свою думу «Державин» большой кусок из «Вельможи», а в революционном послании «К временщику» творчески использовал некоторые стихи Державина. «Да, *такие* стихи никогда не забудутся! — восклицал В. Г. Белинский, приведя полностью шесть строф этой оды. — Кроме замечательной силы мысли и выражения, они обращают на себя внимание еще и как отголосок разумной и нравственной стороны прошедшего века». И написанные через 64 года «Размышления у парадного подъезда» Н. А. Некрасова не только родственны державинскому стихотворению по общему тону обличения «сильных мира сего», но и прямо повторяют композицию «Вельможи» и даже отдельные детали.

Но есть и существенная разница между Державиным и поэтами XIX века. Дворянин-революционер Рылеев угрожает временщику кинжалом заговорщика-республиканца и презрением потомства. Революционный демократ Некрасов убежден, что только крестьянство может осилить самодержавие и его верных слуг — вельмож. Державин, деятель русского XVIII века, неизбежно ограниченный самой историей, не знает и не может знать о силах, которые приведут к изменению жизни. Поэтому не в крестьянстве и не в революционерах-одиночках ищет он положительного героя.

В «Фелице» порочному вельможе был противопоставлен просвещенный монарх. В «Вельможе» мудрой царевны нет: Державин уже знает, что Екатерина — отнюдь не добродетельная Фелица. Положительного героя поэт ищет на этот раз вдали от двора. Это — бесстрашный поборник истины князь Долгоруков; верный сын отечества фельдмаршал Румянцев, живущий в опале, которому поэт приписывает идеальные качества, — те же самые фигуры государственных деятелей — поборников истины и справедливости, которых поэт выдвигает и в других стихотворениях. Это, наконец, русская нация, «российский бодрственный народ».

Душевное состояние поэта в это время было очень тяжелым: 15 июля 1794 г. скончалась Катерина Яковлевна, верная подруга поэта. Постоянные волнения из-за служебных неурядиц горячо любимого мужа еще в Тамбове уложили ее в постель, с тех пор она не могла оправиться и умерла в возрасте 34 лет от роду.

Державин был потрясен до глубины души. «Погружен в совершенную горесть и отчаяние. Не знаю, что с собою делать... Теперь для меня сей свет совершенная пустыня», — писал он И. И. Дмитриеву. Поэт попробовал было отвести душу в стихах — стихи не шли. Записал свой плач в прозе, попробовал переложить в стихи — снова не получилось.

И. И. Дмитриев написал на смерть Катерины Яковлевны элегию и переслал ее в Петербург. «Не могу ее теперь без рыдания читать, — отвечал Державин, получив стихотворение, — но что делать! Коль переменить нечем, то плакать будем; плакать и кончать век мой в унынии... Я было хотел сам писать; но или, чувствуя чрезмерно мою горесть, не могу привесть в порядок моих мыслей, или, как окаменелый, ничего и мыслить не в состоянии бываю...».

А жизнь шла своим чередом. Приходилось жить, заниматься делами. Служба в коммерц-коллегии времени не занимала, но к Державину, прославившемуся честностью и неподкупностью, стали обращаться в поисках справедливого решения спорящие стороны, его часто приглашали на роль третейского судьи. В короткий срок поэт благополучно уладил около сотни

сложных дел по разделу имущества, наследства, земельным и денежным спорам и т. д. Ему в опеку было отдано восемь знатных семейств. Днем поэт работал, напрягая все силы. Вечерами, один в большом доме, тосковал, вновь и вновь брался за перо.

Ему, сочинившему сотни стихотворений, написавшему тысячи строк, не давалось одно-единственное стихотворение. Как бы ни начинал поэт, элегия упрямо превращалась в «плач», каким «воют» в деревнях по родному человеку жёны и матери. Путая буквы и даты, пропуская слова, забывая о размере, он писал, и из-под пера поэта выливались слова самого что ни на есть простонародного плача:

Уж не ласточка сладкогласная
Домовитая со застрехи —
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, — с ней утехи...

Роют псы землю, вкруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!

О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

(«На смерть Катерины Яковлевны...»).

Но дому нужна была хозяйка, и 31 января 1795 г. Державин женился вторично. Дарью Алексеевну Дьякову он знал давно (еще в 1778 г. Катерина Яковлевна ввела его в дом Дьяковых), на ее сестрах были женаты друзья поэта — Львов и Капнист. Знал он и о том, что Дарья Алексеевна охотно пойдет за него: она сама говорила об этом Катерине Яковлевне. Ни духовной близости, ни пылкой страсти между Дарьей Алексеевной и Державиным не было, да он и не хотел их. Брак был сугубо прозаическим, жениху было 52 года, невесте — 28 лет.

Дарья Алексеевна была хорошей хозяйкой. Женщина в высшей степени расчетливая, сухая и рассу-

дочная (Державин всерьез утверждал, что чувство любви для нее вообще недоступно), она в короткий срок упрочила материальное состояние Державина, занималась всеми домашними делами. Дом Державиных наполнился бесчисленными родственниками второй жены поэта, он постоянно воспитывал нескольких племянников и племянниц.

Смерть Катерины Яковлевны наложила заметный отпечаток на Державина. Он «приметно изменился в характере и стал еще более задумчив, — рассказывал поэт И. И. Дмитриев, — и хотя в скором времени опять женился, но воспоминание о первой подруге, внушавшей ему все лучшие его стихотворения, никогда его не оставляет. Часто за приятельскими обедами, которые Гаврила Романович очень любит, при самых интересных разговорах или спорах, он вдруг задумается и зачертит вилкою по тарелке вензель покойной, драгоценные ему буквы К. Д. (т. е. Катерина Державина. — *В. З.*). Это занятие вошло у него в привычку. Настоящая супруга его, заметив это ежедневное, несвоевременное рисованье, всегда выводит его из мечтания строгим вопросом: «Ганюшка, Ганюшка, что это ты делаешь?» — «Так, ничего, матушка», — обыкновенно с торопливостью отвечает он, вздохнув глубоко и потирая себе глаза и лоб как будто спросонья».

В 1795 г. Державин решился, наконец, просить разрешения издать собрание своих сочинений. Заручиться поддержкой императрицы ему было необходимо, так как многие стихотворения вызывали нарекания со стороны влиятельных лиц: «Фелица» была встречена вельможами недоброжелательно, «Вельможа» вызвал переполох в Сенате, к «Богу» неодобрительно отнеслась церковь, «Властителям и судиям» было вырезано из «Санкпетербургского вестника», «На коварство» цензура не пропустила в «Московском журнале» и т. д.

В течение многих лет Катерина Яковлевна тщательно собирала стихотворения мужа и записывала их в особую тетрадь. Теперь Державин расположил стихотворения в определенном порядке, отдал переписать. По просьбе поэта А. Н. Оленин украсил рисунками-иллюстрациями начало и конец каждой оды.

6 ноября 1795 г. Державин вручил красиво переплетенный том Екатерине II.

Императрица была приятно поражена: значит, упрямый поэт все-таки уступил ее просьбам и написал что-то новое? В самом хорошем расположении духа Екатерина раскрыла рукопись, стала читать. Внимание ее привлекло стихотворение под названием «Ода. Извлечена из псалма 81». Поэт обращался к «земным богам», к царям:

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

А дальше дерзкий автор утверждал, что напрасно в поисках правды и справедливости обращаться к «земным богам»:

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Императрица кипела, но гневные строки словно заворожили ее, не давали оторвать глаз:

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Императрице стало дурно. Забегали лакеи, засуетились придворные, прибежали доктора с каплями и

пьявками. А когда припадок кончился, Екатерина снова взялась за чтение.

Дальше, конечно, лучше: «Фелица», «Благодарность Фелице», «Видение мурзы», «Изображение Фелицы»... Все это она уже читала, все это обращено к ней, но как давно написаны эти стихи!

Екатерина нервно листала рукопись. Вот и новые стихотворения, они не бывали еще в печати: «На счастие»... «На коварство»... «Вельможа»... «Водопад»... «На умеренность»... «Мой истукан»... Вот это «подарок»! Императрица захлопнула рукопись, задумалась надолго. Снова вернулась к поразившему ее стихотворению.

Целых два дня Екатерина II читала и перечитывала державинские стихотворения, а затем отдала рукопись на просмотр канцлеру Безбородко и статс-секретарю Трощинскому. Те прочитали, мнения своего не сказали, но заметили как бы невзначай, что во время Французской революции и казни Людовика XVI якобинцы распевали 81 псалом как революционный гимн.

Императрица пришла в бешенство. Мало того, что Державин учит ее полтора десятка лет, мало того, что он перебранился со всеми вельможами, — теперь он осмеливается писать революционные песни!

— Пусть Шешковский[1] призовет господина стихотворца, — приказала она, — да спросит, почему он пишет якобинские стихи.

Слова императрицы мгновенно разнеслись по всем закоулкам Зимнего дворца.

В воскресенье ничего не подозревающий Державин явился, как обычно, во дворец. Императрица была с ним холодна, придворные шарахались от него, как от зачумленного. В следующее воскресенье повторилось то же. Державин недоумевал. Ему удалось только узнать, что рукопись передана Безбородко и Трощинскому. Разыскав канцлера, поэт прямо спросил:

— Слышно, что государыня сочинения мои отдала вам. Каково ее решение: будут ли они отпечатаны?

---

[1] Начальник Тайной канцелярии (иначе — Тайной, или Секретной экспедиции).

Безбородко, «услышав от него вопрос сей, побежал прочь, бормоча что-то, чего не можно было выразуметь». Наконец, встретился Державину его давний приятель, посол в Турции Я. И. Булгаков.

— Что ты, братец, пишешь за якобинские стихи?

— Какие? — удивился поэт.

— Ты переложил псалом 81-й, который не может быть двору приятен. По нынешним обстоятельствам дурно такие стихи писать.

А приехавший вечером к Державину домой И. И. Дмитриев сказал ему, что Екатерина хочет, чтобы в деле разобрался Шешковский.

Домашние Державина переполошились, забеспокоился и он сам. Хотя виноватым он себя не чувствовал, но нрав «кнутобойцы» Шешковского был печально известен всей России: Радищев, Новиков, Княжнин — все они не миновали его лап.

Державин решил предупредить опасность и немедленно написал объяснение, в котором доказывал, что, поскольку главная мысль заимствована из псалма, нет оснований упрекать его в якобинстве. К тому же, убеждал поэт, стихотворение написано пятнадцать лет назад, задолго до Французской революции, давно напечатано, так что казнь Людовика XVI тут ни при чем.

Переписав письмо в трех экземплярах, Державин не мешкая разослал его Зубову, Безбородко и Трощинскому. Прочла объяснение и Екатерина. Письмо ее не очень убедило, да большего от Державина, видно, не добьешься. А вот разрешения на издание своих сочинений ему не видать.

И императрица передала рукопись Зубову. Пусть стихи лежат в неизвестности.

Но Екатерина II глубоко заблуждалась. «На коварство», «На счастие», «Вельможа», «Властителям и судиям» (так назвал потом Державин «Оду, извлеченную из 81 псалма») и многие другие сатирические и обличительные стихи Державина были уже известны всей России. Сотни людей бережно передавали из рук в руки новые стихи поэта, переписывали их, хранили как величайшую драгоценность. И хотя не было издано ни одного собрания стихотворений Державина, сборники его произведений существовали в разных концах огромного государства.

Переписанные четким почерком наемного писца и корявыми буквами грамотея-самоучки, они разносили гневные слова по всей стране. И вместе с ними становилось известно имя их творца — Гаврилы Державина, едва ли не единственного в России служителя и защитника Фемиды — не той, что обитала в Зимнем дворце, а истинной — суровой и нелицеприятной богини правосудия.

Именно за сатирические и обличительные оды ценили Державина декабристы, именно эти стихи сделали его имя синонимом поэта-гражданина, именно их особенно высоко ставил Пушкин, сказавший:

Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры.

Да и много десятилетий спустя эти стихотворения производили неизгладимое впечатление. Известно, например, что однажды в присутствии Ф. М. Достоевского кто-то сказал, что Державин не великий поэт, а низкопоклонный льстец и напыщенный стихотворец. Достоевский вскочил при этом как ужаленный и закричал: «Как? Да разве у Державина не было поэтических, вдохновенных порывов? Вот это разве не высокая поэзия?» И он прочел на память оду «Властителям и судиям» с таким восторженным чувством, с такой силой, что всех увлек своей декламацией.

«ГДЕ ЧЕРТОГ НАЙДУ Я ПРАВДЫ!»

6 ноября 1796 г. скончалась императрица Екатерина II. На престол вступил ее сын Павел I, ярый поклонник прусской военщины.

«Тотчас во дворце прияло все другой вид, — вспоминал Державин, — загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, как будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом».

Взаимная ненависть матери и сына ни для кого не была секретом, и потому перемены, последовавшие после воцарения нового императора, никого не удивили. Павел сместил многих видных вельмож, пользовавшихся расположением Екатерины, и назначил на их место новых.

Вспомнил император и об опальном поэте. Покойная императрица его не жаловала — этого для Павла было достаточно. К тому же первая жена Державина была молочной сестрой императора.

Через несколько дней Павел вызвал Державина и сказал, что назначает его правителем Государственного совета, состоявшего из особо близких императору вельмож.

— Рад буду вам служить со всей ревностью, ваше величество, — ответил поэт, — ежели вам угодно будет любить правду, как любил ее Петр Великий.

Император бросил на Державина «пламенный взор», однако простился с ним милостиво. А на следующий день поэт с удивлением увидел в указе, что назначается он не правителем Совета (то есть его главой), а всего лишь правителем канцелярии Совета, иначе говоря делопроизводителем.

Державин обиделся. Как-никак он был сенатором и президентом коммерц-коллегии, так что такое на-

значение было значительным понижением. К тому же новые его сослуживцы по совету, но давние неприятели — Безбородко, Завадовский, Самойлов и другие вельможи, осмеянные им в одах, — «присоветовали» ему идти к императору объясняться. Так Державин и сделал.

Павел куда-то торопился, Державина выслушал невнимательно и понял только то, что поэт недоволен новым назначением.

— Надо быть скромнее и терпеливее, сударь, — сказал он Державину, — и не таким дерзким на словах.

— Я себя переделать не могу, — отвечал поэт.

Император вспыхнул и, распахнув дверь кабинета, крикнул находившимся в соседнем зале придворным:

— Слушайте: он почитает себя в Совете лишним! — и, обращаясь к Державину: — Поди назад в Сенат и сиди у меня там смирно, а не то я тебя проучу!

Вспыхнул и Державин.

— Ждите, будет от этого дурака толк! — громко сказал он стоящим в зале и уехал домой.

Через несколько дней, 22 ноября 1796 г., вышел указ Павла I: «Тайный советник Гаврила Державин, определенный правителем канцелярии Совета нашего, за непристойный ответ, им пред нами учиненный, отсылается к прежнему его месту».

Узнав о немилости императора, Дарья Алексеевна и ее многочисленные родственники собрались все вместе и, осыпав поэта «со всех сторон журьбою, что он бранится с царями и не может ни с кем ужиться, принудили его искать средств преклонить на милость монарха». Державин обратился было к одному из близких к императору вельмож, но тот заявил: «Это не мое дело — мирить вас с государем».

Державин, как он сам говорит, из-за «ропота домашних» «был в крайнем огорчении и наконец вздумал он, без всякой посторонней помощи, возвратить к себе благоволение монарха посредством своего таланта». Такой способ в глазах людей той эпохи не казался предосудительным. Да и сам Державин не считал, что кривит душой: воцарение Павла I возбу-

дило в русском обществе и в самом поэте некоторые надежды на доброе царствование.

Воспитателем Павла был Н. И. Панин, глава либеральной дворянской оппозиции самовластному екатерининскому режиму. Сторонник конституционной монархии, он постарался воспитать наследника престола в либеральном духе. Это было хорошо известно современникам, и любая оппозиция — панинско-фонвизинская группировка, организация московских масонов во главе с Новиковым и т. д., — направленная против Екатерины II, так или иначе связывала свои надежды с именем Павла. На его сочувствие и поддержку надеялись даже пугачевцы, — конечно, без всяких оснований.

Екатерина знала это и смертельно боялась и ненавидела сына. Он был фактически удален от двора, много лет жил в Гатчине затворником, окруженный шпионами и соглядатаями, приставленными к нему. «Быть приятным императрице возможно только тогда,— писал один современник,— когда состоишь в дурных отношениях к великому князю, а находясь в хороших отношениях к этому последнему, навлечешь подозрения императрицы».

Поэтому нет ничего удивительного, что четверть века жизни в условиях неприкрытой вражды и ненависти, шпионажа и слежки пагубно отразились на душевном состоянии Павла. Он стал в высшей степени неуравновешенным, вспыльчивым, подозрительным, даже психически больным человеком: ни с того, ни с сего им вдруг овладевали приступы мании преследования. А события Французской революции и казнь Людовика XVI сделали его особенно подозрительным ко всему, в чем ему виделся дух бунтарства, «якобинства». Однако в минуты душевного просветления он сделал немало полезного для России и русского народа.

Первые шаги Павла как императора были весьма одобрительно встречены обществом: он прекратил большое количество следственных дел, освободил множество людей из тюрем и ссылки, в том числе польского революционера Тадеуша Костюшко, Н. И. Новикова и А. Н. Радищева (правда, и он боялся автора «Путешествия», и, вернув Радищева из Сибири,

Павел не пустил его дальше саратовской деревни); новый император отменил назначенный Екатериной рекрутский набор, и тысячи крестьян вернулись к своим семьям; по его приказанию большое количество хлеба, забранного в казну, было возвращено крестьянам; пытаясь улучшить делопроизводство, он установил во всех гражданских учреждениях начало присутствия с пяти часов утра, и сам начинал заниматься государственными делами с этого же времени; многие дворяне, преследовавшиеся при Екатерине, получили щедрые подарки и назначения на государственные посты; увечных солдат и инвалидов было приказано взять на государственное обеспечение, была фактически отменена смертная казнь и т. д.

Все это не могло не нравиться Державину, и в оде «На Новый 1797 год» он воздал императору хвалу за «чрезвычайные милости для народа». Стихотворение было поднесено Павлу, тот милостиво принял поэта, но нового назначения не дал.

Однако скоро стало ясно, что неуравновешенный самодур Павел I ничем не лучше своей матери. Во всем сказывалась его психическая болезнь: он мог обласкать и наградить человека, а через час отправить его в ссылку, и наоборот. Никто не мог быть спокойным за свою судьбу, никто не знал, что с ним будет не только через год, но даже через день, через час. Разобрался в характере нового самодержца и Державин, и уже в одах конца 1797 и 1798 гг. появляются первые намеки на его неудовлетворенность правлением Павла, попытки образумить царя, наставить его на путь истинный.

Так, например, в одной из од начала 1798 г. поэт советовал императору любить подданных «как сынов». «Сей стих,— вспоминал поэт,— великий сделал шум в городе». Слухи об императорском гневе были так сильны, что и сам поэт готов был к какому-нибудь несчастью, а многие его знакомые, в частности давний его приятель и сослуживец Козодавлев, вдруг перестали его узнавать и делали вид, что незнакомы с ним. Получилось же совсем обратное. Павел прислал Державину благодарственное письмо и золотую табакерку. Узнав об этом, Козодавлев первый бросился к Державину на шею с поцелуями и поздравле-

ниями. Поэт, возмущенный лицемерием приятеля, сказал со всегдашней прямотой и резкостью:

— Поди прочь, трус. Почему ты от меня вчера бегал?

В своей поэтической деятельности Державин занимает независимую позицию. Поняв, что Павел I — такой же деспот, как и его мать, Державин перестал писать ему похвальные стихи, а оду «На Новый 1797 год» даже исключил из собрания своих стихотворений, хотя она была уже набрана и отпечатана в пробных экземплярах.

После воцарения Павла Державину удалось получить обратно рукопись, поднесенную в 1795 г. императрице, и он договорился с типографией Московского университета об издании первого собрания сочинений. Однако и в новое царствование издание не прошло гладко: цензура выбросила стихотворение «Властителям и судиям» и некоторые другие; недовольство цензора вызвали слова Фелицы:

Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

(«Изображение Фелицы»).

Этими словами Державин когда-то очень точно определил хитрую политику Екатерины II, политику «кнута и пряника»: с одной стороны, крутые меры принуждения, с другой — награждение угодных лиц.

Цензор потребовал изменить эти стихи. Поэт отказался и обратился к императору, объясняя, что ода уже была напечатана в таком виде. Павел приказал генерал-прокурору «внушить господину Державину», чтобы он изменил эти строки, если хочет «получить дозволение сочинения его напечатать».

Неизвестно, «внушали» ли Державину приказание императора, но в издании 1798 г. на месте этих стихов пробел. Однако непокорный поэт во многие экземпляры вписал пропущенный текст от руки.

Изданием Державин был неудовлетворен. Известный писатель Н. М. Карамзин, которому поэт поручил наблюдение за печатанием, самовольно менял державинскую орфографию и пунктуацию, в книге оказалось «великое множество» опечаток и искаже-

ний, а главное — Державина сердили цензурные пропуски. «Сочинения мои перепортили в Москве»,— говорил он и даже хотел под горячую руку сжечь весь тираж книги. Правда, он все-таки от этого намерения отказался: читатели с нетерпением ожидали сборник,— но и продолжать издание не стал, хотя раньше собирался выпустить вторую часть.

Не желая хвалить императора, в котором он разочаровался, Державин в этот период пишет главным образом легкие, так называемые анакреонтические стихи, в которых воспевает свободную, независимую жизнь, вино, любовь и т. д.

Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь, —

заявил он в своего рода программном стихотворении «К лире» (1797). Из-под его пера один за другим появляются такие великолепные образцы анакреонтической поэзии, как «Рождение Красоты», «Соловей во сне», «Похвала сельской жизни», «Венец бессмертия», «Русские девушки», «Шуточное желание» («Если б милые девицы...». Между прочим, в опере «Пиковая дама» песенку, написанную П. И. Чайковским на эти слова, поет Томский), «Деревенская жизнь», «Фальконетов Купидон» и многие другие.

Однако стихи такого рода поэт создавал не только для утверждения своей творческой независимости. Он ставил перед собой и иную цель: «По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований...». И сегодня лучшие стихотворения Державина производят впечатление своим проникновенным лиризмом, изображением тончайших оттенков человеческих чувств, глубоким психологизмом, несмотря на некоторую устарелость языка.

Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу, и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человечий след.

Увы! я помощи себе между людями
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

И мнится мне: кричат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувствия жегомы
И от дражайших глаз что взор скрывает мой.

Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных,
дальных,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

(«Задумчивость», 1808).

Продолжал Державин сочинять и оды, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы подтвердить независимость своих мнений как гражданина и как поэта. Вот характерный пример.

Весной 1796 г. он написал стихотворение «На покорение Дербента», посвященное командующему кавказской армией В. А. Зубову, брату любимца Екатерины II. В начале царствования Павла оба брата Зубовы были подвергнуты опале.

Как-то один из придворных, упрекая Державина в лести любимцам Екатерины, сказал, что теперь поэт не станет посвящать стихов Зубову, потому что это невыгодно.

— Я никогда не переменяю мнения о достоинствах людей, — отвечал Державин, — и никому не льщу, а пишу истину, что мое сердце чувствует.

— Это неправда, нынче Зубову не напишите.

— Вы увидите.

Приехав домой, Державин тут же сочинил оду «На возвращение графа Зубова из Персии» и распространил ее в списках по городу.

Особенно сказывалась независимая позиция Державина в тех стихотворениях, которые посвящал он великому полководцу Суворову. Павел I Суворова не любил и, только уступая просьбам иностранных правительств, назначил его командующим армией, воевавшей против французов. Поэтому оды, посвященные

Рисунок А. Н. Оленина к оде «На переход Альпийских гор».

победам суворовских солдат, не могли быть угодными императору. А в 1800 г. Павел вызвал полководца в Петербург и подверг опале. Когда Суворов заболел, Державин часто бывал у него.

— Какую же ты мне напишешь эпитафию?[1] — спросил как-то Суворов.

— По-моему, много слов не нужно, довольно сказать: «Здесь лежит Суворов».

— Помилуй бог, как хорошо![2]

Суворова не стало 6 мая 1800 г. Вернувшись домой с похорон, Державин услышал, как ученый сне-

---

[1] Эпитафия — надгробная надпись.

[2] Эту надпись и сейчас можно видеть на могиле Суворова в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры в Ленинграде. Однако не все знают, что автор надписи — Державин.

гирь, живший у него, насвистывает военный марш. Так родилось замечательное стихотворение «Снегирь», посвященное памяти великого полководца.

Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый снегирь?
С кем мы пойдем войной на гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?

С чувством неподдельного горя поэт спрашивал:

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью россиян все побеждать?

В этих строках возникал живой Суворов, великий полководец и близкий солдатам человек, с детства избегавший мягких постелей и питавшийся тем же, что ели его солдаты, лично воодушевлявший войска в сражениях и не знавший усталости, — словом, тот вполне земной человек и полководец, какого знала и любила русская армия.

В первые три года царствования Павла I Державин служил в Сенате. Его решения по-прежнему отличались беспристрастностью и справедливостью.

Об отношении Державина к обязанностям сенатора прекрасно свидетельствует эпизод, рассказанный его племянницей Е. Н. Львовой. Однажды поэта уговорили сказаться больным и не ездить в Сенат, так как «боялись правды его». Державин остался дома и попросил другую племянницу почитать ему что-нибудь из его сочинений. Та раскрыла рукопись на оде «Вельможа». Когда она дошла до строк

Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить,—

Державин стремительно вскочил с дивана, закричал: «Что написал я и что делаю сегодня, подлец!» — оделся и поехал в Сенат.

Император к Державину относился неровно. То

Павел посылал поэта-сенатора с важнейшими поручениями, предоставляя неограниченные полномочия (например, командировка в Белоруссию для предотвращения голода), то отказывался с ним даже разговаривать; то вдруг со слезами на глазах надевал на Державина орден, то подозревал в заговорах; то неожиданно проникался доверием к нему и в одну неделю назначал на шесть ответственных постов: государственного казначея, члена Государственного совета и т. д. — то надолго забывал о нем.

Царствование Павла кончилось неожиданно. В ночь на 12 марта 1801 г. император был задушен в своей спальне придворными, причем в заговоре принимали участие и его сыновья — Александр и Константин.

Вступив на трон, новый император Александр I первое время притворялся либералом, как притворялась когда-то его бабка — Екатерина II. «Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда» [1], Александр I был человеком в высшей степени двуличным, подозрительным и болезненно-самолюбивым. Естественно, что при таком государе прямой и резкий Державин, так и не овладевший придворной наукой гнуть хребет перед «сильными» и держать нос по ветру, оказался лишним. С самого начала он восстановил против себя императора тем, что потребовал создания специальной комиссии по расследованию обстоятельств смерти Павла I. Никакой комиссии, конечно, создано не было, но Державин был немедленно снят с поста государственного казначея, а затем и выведен из Государственного совета. Правда, он был назначен министром юстиции, но удержался на этом посту всего лишь год. Недовольны им были и вельможи, и рядовые дворяне, и чиновники, и сам император.

Вельможам честный министр мешал «тащить казну всякому по своему желанию». Однако вскрытые им преступления, взяточничество и бесчинства сановников (например, калужского губернатора Лопухина) император покрывал, а на протесты Державина отвечал с гневом:

— Ты меня всегда хочешь учить. Я самодержавный государь, и я так хочу.

---

[1] Слова А. С. Пушкина.

Чиновники злились на министра юстиции за то, что он ввел ряд упрощений в делопроизводство и тем самым в какой-то мере лишил их неограниченной возможности затягивать дела и брать взятки.

С императором Державин разошелся из-за указа о «вольных хлебопашцах». Этот указ разрешал помещикам за выкуп отпускать крепостных на волю, наделяя их землей. Державин был против этого указа, так как считал, что о «вольности» крестьян говорить рано, еще не пришло время для освобождения крестьян (в этом проявился известный консерватизм Державина). Вопреки Державину, император указ подписал, но, как и предупреждал поэт, ощутимых результатов этот закон не дал: в соответствии с ним было освобождено за четверть века меньше половины процента крепостного населения страны. Интересно, что сам Державин вскоре составил завещание, согласно которому после смерти поэта его крестьяне должны были быть освобождены от крепостной зависимости. Однако Александр I не утвердил этого завещания.

В это же время Державин вступил в конфликт с дворянством по вопросу о сроках военной службы. Согласно закону, только офицеры могли выходить в отставку в любое время, дворяне же, не достигшие чина, должны были отслужить в армии двенадцать лет. Конечно, «господа дворяне» служить не хотели, предпочитая жить в свое удовольствие у себя в деревнях, и подавали рапорты об отставке, едва вступив в полк. Сенатор граф Потоцкий предложил закрепить это положение соответствующим законом.

Защищая интересы России, Державин пошел против интересов своего класса. Он резко протестовал против предложения Потоцкого, указывая, что долг дворян — служить отечеству, защищать его от врагов и что право на льготы дают только личные заслуги и «добродетели», а вовсе не принадлежность к дворянской «породе».

Будь внук спасителя отчизны,
Но будь развратник, трус и льстец,—
Преобратятся титлы в укоризны
И будешь презренный страмец, —

развивал он ту же мысль в стихах («Дворянство...», 1813).

Однако «благородное сословие» и думать не желало о пользе отечества, заботясь только о собственных выгодах. За здоровье Потоцкого, «защитника и покровителя» «угнетенных» дворян, пили в многолюдных собраниях, ему посвящали приветственные оды. Державин же был объявлен «злодеем» и врагом российского дворянства, на него писали пасквили, а в Москве «глупейшие или подлейшие души» не устыдились даже выставить на людном перекрестке бюст поэта, вымазав его «для поругания» грязью.

Наконец, не в ладах Державин был и с крупными польскими землевладельцами — магнатами, и с откупщиками. Дело было в следующем. Еще при Павле поэт был послан в Белоруссию, чтобы предотвратить начинающийся там голод. Прибыв на место, Державин сразу установил причины голода: жадность помещиков и корысть кабатчиков и хлебных торговцев. С первыми поэт поступил круто: своей властью он взял в опеку имение крупнейшего магната — гетмана Огинского и распорядился о раздаче господского зёрна голодающим. Видя это, другие помещики перепугались и стали снабжать своих крестьян хлебом. С другой стороны, как убедился Державин, немалая вина за голод ложилась на содержателей трактиров и хлебных торговцев. Спаивая население, они за бесценок скупали хлеб и частью перегоняли его на водку, частью вывозили за границу. Державину удалось добиться от Павла I временного указа о запрещении производства водки из хлеба и прекращении вывоза зерна. Эта мера задела богачей-евреев, баснословно наживавшихся на торговле водкой и хлебом, и по их настоянию имя Державина было предано проклятию по всем синагогам — еврейским молитвенным домам. А при Александре I, когда Державин поставил вопрос о том, чтобы вообще запретить им винную торговлю, эти богачи собрали миллион рублей на взятки приближенным императора, чтобы добиться увольнения поэта с поста министра юстиции.

Пытались подкупить и самого Державина, предложив ему взятку в 200 000 рублей, от которой поэт с гневом отказался. Но в конце концов русские дво-

ряне, польские магнаты и еврейские богачи сделали свое дело. В начале октября 1803 г. Александр I уволил Державина в отставку. Кратковременный расцвет александровского либерализма шел к концу, был вызван из отставки Аракчеев, на пост министра юстиции вместо Державина был назначен князь П. В. Лопухин, махровый реакционер, казнокрад и стяжатель. Державину император сумел предъявить только одно «обвинение»:

— Ты очень ревностно служишь.

— А если так,— с достоинством ответил поэт,— то я иначе служить не могу. Прощайте.

ОТЕЦ РУССКИХ ПОЭТОВ

«Итак, заботливая его и истинно-попечительная, как верного сына отечества, служба потоптана, так сказать, в грязи»,— с горечью подвел итоги сорокалетней деятельности на военном и гражданском поприще Державин в своих «Записках». Но у него оставалась литература, и Державин отдается ей теперь целиком.

Домашняя жизнь старого поэта течет размеренно, без особых тревог и волнений. Хозяйство твердой рукой ведет Дарья Алексеевна, так что Державин может делить свое время между литературой и забавами с молодежью. В доме Державиных всегда звучит множество молодых голосов: не имея своих детей, поэт охотно принимает и воспитывает юных родственников. У него постоянно живут три дочери умершего Н. А. Львова, сыновья и дочери В. В. Капниста, сын старого приятеля — П. А. Нилов, три сестры Бакуниных и другие родственники второй жены поэта.

Зиму он обычно проводит в Петербурге, в своем доме на набережной реки Фонтанки (этот дом, № 118, сохранился и сейчас, правда в несколько перестроенном виде).

Сюда к нему приходят молодые писатели и поэты, для которых Державин — высший авторитет в литературе. Он никому не отказывает ни в разговоре, ни в помощи, ни в совете, всех принимает охотно, да к нему, собственно говоря, вход открыт в любое время и даже без всяких церемоний.

Так, например, когда молодой поэт и драматург С. П. Жихарев приехал впервые к Державину и с робостью осведомился, дома ли его высокопревосходи-

тельство и принимает ли сегодня, дремавший на стуле лакей, показав на лестницу, отвечал только:

— Пожалуйте-с.

— Но, голубчик, — со смущением спросил Жихарев, — нельзя ли доложить прежде, что вот приехал Степан Петрович Жихарев, а то, может быть, его высокопревосходительство занят.

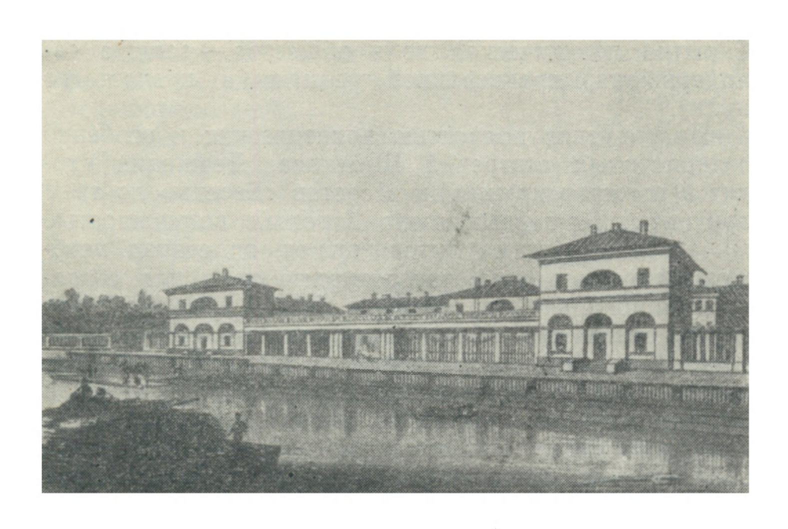
— Ничего-с, пожалуйте; енарал в кабинете один.

У двери кабинета молодой человек в растерянности остановился, не зная, входить ли или ждать, пока кто-нибудь случайно отворит ее. «К счастью, — записал он в тот же день в дневнике, — явилась мне неожиданная помощь в образе прелестной девушки, лет 18, которая, пробежав мимо меня и, вероятно, заметив мое смущение, тотчас остановилась и, добродушно спросив: «Вы, верно, к дядюшке?», — без церемонии отворила дверь, примолвив: «Войдите». Я вошел. Старец лет 65, бледный и угрюмый, в белом колпаке, в беличьем тулупе, покрытом синею шелковою материею, сидел в креслах за письменным столом, стоявшим посредине кабинета, углубясь в чтение какой-то книги. Из-за пазухи у него торчала головка белой собачки, до такой степени погруженной в дремоту, что она и не заметила моего прихода».

Державин принял молодого писателя ласково, прочел его трагедию и отозвался о ней с похвалой. На прощанье он пригласил Жихарева бывать у него запросто. Уже после третьего свидания Жихарев записал в своем дневнике:

«Это не человек, а воплощенная доброта; ходит себе в своем тулупе с Бибишкой за пазухою, насупившись и отвесив губы, думая и мечтая и, по-видимому, не занимаясь ничем, что вокруг его происходит. Но чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притеснение, или, напротив, какой-нибудь подвиг человеколюбия и доброе дело — тотчас колпак набекрень, оживится, глаза засверкают, и поэт превращается в оратора, поборника правды».

В большом зале державинского дома по субботам часто собираются писатели, поэты, драматурги. Сам Державин, И. А. Крылов, А. С. Шишков,

Дом Державина в Петербурге.
(С гравюры XIX века).

С. П. Жихарев, А. С. Хвостов, Д. И. Хвостов, А. А. Шаховской, Н. И. Гнедич и многие другие читают свои стихи, критические разборы произведений литературы, статьи о русском языке.

Идейным вдохновителем этого кружка был реакционер адмирал Шишков. Еще в 1803 г. в книге «Рассуждение о старом и новом слоге в российском языке» он выступил защитником русской старины и врагом французской культуры, в которой он видел ненавистный ему революционный дух.

В области литературы Шишков был ревнителем классицизма, много говорил о самобытности русского языка и был яростным врагом разного рода заимствований из иностранных языков.

В 1811 г. кружок оформился в утвержденное правительством литературное общество «Беседа любителей русского слова». Официально объявленная цель «Беседы» — охранять русский язык («старый слог») от иностранных заимствований, и направлена она против новых течений в литературе («нового стиля» или «слога»), главным образом против Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского, живших тогда в Москве.

Скрытая политическая цель общества — защита самодержавия, православной религии и крепостного права.

Не разделяя полностью политических и особенно литературных воззрений Шишкова, Державин входит и в состав кружка, и в состав «Беседы» по трем причинам. Во-первых, поэт дорожил возможностью общаться с другими литераторами, он считал необходимым объединить литературные силы для создания национальной литературы. Во-вторых, ему была дорога мысль о необходимости высокоидейной гражданской поэзии, выражающей общегосударственные интересы и противостоящей индивидуалистической сентиментальной литературе «для немногих», поэзии камерной, «для домашнего употребления». Наконец, в противовес интересу к немецкой и французской поэзии, как противоядие против «чужебесия» и злоупотребления иностранными словами и стилистическими оборотами, «Беседа» пропагандировала «просторечие» и «простонародные» басни Крылова, видела в народных песнях один из источников литературного языка и призывала к изучению устного народного творчества и древнерусских летописей.

Сам Державин свою позицию очень точно определил в одном из писем: «Предвижу я между Москвою и Петербургом великую литературную бурю... Тут-то полетят громы и молнии, штыки нового и старого штиля засверкают, меж коими я, прижавшись в уголку...».

Действительно, единственный из членов «Беседы», Державин дружески относился к поэтам противоположного лагеря: Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому, И. И. Дмитриеву, В. Л. Пушкину, П. А. Вяземскому. Он смотрел на поэзию как на свое кровное дело, и хорошие стихи его радовали, независимо от того, кому они принадлежали — «шишковистам» или «карамзинистам». Будучи председателем одного из разрядов (секций) «Беседы», Державин писал ядовитые эпиграммы на столпов этого общества — Шишкова и Д. Хвостова, адресовал приветственные стихи Карамзину и Жуковскому и всеми способами пытался примирить противников, искренне считая, что от этого выиграет только русская литература.

Старания Державина остались тщетными, он к «Беседе» охладел и высказывался о ней, как всегда, очень определенно:

— Так себе, переливают из пустого в порожнее.

Летом Державин чаще всего живет в своей деревне Званка на берегу Волхова, недалеко от Новгорода, и здесь охотно возится каждое утро с крестьянскими ребятишками.

Вот как рассказывает об этом одна из его племянниц — П. Н. Львова:

«Утром, после завтрака, дядя мой обыкновенно уходит в кабинет, где собирается толпа детей, которым он раздает по будням крендели, а по воскресеньям пряники. Любопытно видеть доброго дяденьку посреди этих ребятишек; везде и во всем он выказывает ту же справедливость: иногда случится, что которому-нибудь из них недостанет кренделя; дядя не может вынести, чтобы один получил менее других: он посылает по всему дому искать кренделя и не прежде успокоится, как когда всем достанется поровну. Тогда он их отпускает: все довольны и обещают воротиться на другой день... Он с ними разговаривает, каждое слово его дышит добротою; иногда он принимает на себя роль их судьи. Когда они к нему приходят с жалобами, он их выслушивает терпеливо и, рассмотрев показания обеих сторон, делает легкий выговор тому, кто неправ, и поссорившиеся дети мирятся...».

Затем одна из племянниц читает Державину что-нибудь вслух. Потом он берется за рукописи, книги, корректуры своих сочинений, за произведения начинающих писателей, пишет и читает, а когда устает писать сам, диктует своему домашнему секретарю Абрамову или племяннице Е. Н. Львовой.

Один такой день в Званке старый поэт подробно описал в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская», адресованном архиерею Евгению Болховитинову, ученому, работавшему над составлением «Словаря русских писателей». Жил Болховитинов в Хутынском монастыре недалеко от Званки и бывал в гостях у поэта.

Однако Евгений — только «внешний» адресат. По существу же стихотворение представляет собой раз-

вернутый спор с В. А. Жуковским о том, что должен изображать поэт, кто должен быть героем поэтического произведения, как следует относиться к жизни вообще и каким образом изображать природу и человеческие характеры. Это был спор о путях развития современной поэзии.

«Жизнь Званская» (написана в мае — июне 1807 г.) была своеобразным ответом на романтическую элегию Жуковского «Вечер», напечатанную в феврале 1807 г.

Для романтической элегии были характерны темы, переходящие из одного стихотворения в другое: размышления о смерти, о бренности человеческой жизни, о тщетности стремлений человека, о безнадежной любви, условные пейзажи меланхолического, печально-задумчивого характера. Постоянный герой элегии — бедный, тоскующий, безнадежно влюбленный, смертельно больной или умирающий юноша поэт. Эти черты романтической элегии были обусловлены острым разладом с действительностью, но вели не к борьбе с нею, а к уходу от нее в мир собственных переживаний. В то же время изображение внутреннего мира человека было большим шагом в развитии литературы.

Державин почувствовал опасность нового направления, которое могло увести поэтов и читателей от активного участия в жизни к исключительному углублению в собственные переживания. Для него, человека бурной и сложной биографии, был неприемлем сам принцип бегства от реальной жизни. Он решил дать бой Жуковскому — и дать его в той же самой форме, которую избрал молодой поэт. «Жизнь Званская» написана тем же размером, той же строфой, что и стихотворение Жуковского. У Державина та же композиция, тот же герой-поэт.

Оба стихотворения начинаются с пейзажа. У Жуковского это — вечерний пейзаж, меланхолический и в значительной степени условный (характерно, что в первоначальной редакции стихотворения было больше конкретных черт, которые автор при переделке заменял более общими и условными: так, вместо «стенанья нежной иволги» у него появилось «стенанье

Филомелы»[1] и т. д.). Державин рисует развернутую картину радостного утра, затем жаркого летнего дня, а потом и вечера, причем детали пейзажа необычайно конкретны и характерны именно для средней полосы России. Вот, например, что слышит ранним утром чуткое ухо старого поэта:

Пастушьего вдали внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье[2].

Герой Жуковского — унылый юноша поэт, разочарованный и страдающий, целиком погруженный в воспоминания и в думы о близкой смерти. Герой Державина — бодрый старик, хотя по возрасту стоящий на краю гроба, но живо воспринимающий все и интересующийся всем без исключения: от еды и предметов крестьянского труда до событий европейского масштаба, вопросов истории, философских размышлений.

На кровле ж зазвенит как ласточка и пар
Повеет с дома мне манджурской иль левантской[3],
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар[4]
О снах, молве градской, крестьянской.

...Поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в «Вестнике»[5], в газетах иль в журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

Многочисленных посетителей он принимает в столовой. К нему приходит врач — докладывать о боль-

---

[1] Филомела — условное название соловья в поэзии.

[2] Барашками поэт назвал вальдшнепов, потому что их крик похож на блеянье. Кравы — коровы. Жолны — дятлы.

[3] То есть когда на крыше защебечет ласточка и из дома донесется до меня чайный или кофейный запах.

[4] То есть растабары, разговоры.

[5] «Вестник» — журнал «Вестник Европы», издававшийся в это время В. А. Жуковским.

ных; усатый староста, «с улыбкой часто плутоватой», дает отчет по хозяйству; крепостные мастера приносят резьбу по дереву, вышивки, сукна, холстину.

Затем поэт переходит в «святилище муз» — свой кабинет, читает, пишет стихи.

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбираются ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки...

Подходит время обеда, и Державин развертывает красочную, яркую, соблазнительную поэтическую картину самых прозаических вещей:

Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!..

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток[1]
И тешусь разными игра́ми...

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа ма́шину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча, огнь толчет и мелет...

Иль в лодке вдоль реки, по брегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей...

---

[1] Игра в волан (бадминтон).

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый...

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гуслях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтанья:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров повеванья...

Конечно, поэт уже стар, и ему тоже приходят в голову печальные мысли о смерти, о том, что случится с его любимым имением — Званкой:

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Но нет, его не забудут,— побеждает оптимистическая мысль, и Державин обращается к будущему историку, который воскресит его «в умах людей» «единой правдою» о нем, о его жизни, полной взлетов и падений, неудач и успехов.

Так романтической «поэзии страдания» Державин противопоставил поэзию «жизни действительной». До пушкинского «Евгения Онегина» державинская «Жизнь Званская» — наиболее яркое произведение, возводящее в поэзию повседневную жизнь человека. Державин показал, что поэзия есть не только в природе или возвышенных переживаниях: она может быть и в бытовых «раздобарах», и в чтении газет и журналов, и в чае у вечернего костра, и в раздаче кренделей крестьянским ребятишкам.

В то же время и характер героя, воссозданного Державиным в «Жизни Званской», — новый шаг к реализму: ведь это и тип помещика-барина, живущего на склоне дней в свое удовольствие, и одновременно

яркая индивидуальность со своими собственными интересами, занятиями, мыслями, переживаниями, внутренним миром.

То обстоятельство, что Державин не просто отбросил творческий метод Жуковского, а попытался усвоить из него наиболее ценное — внимание к внутреннему миру человека,— объясняет нам, почему, будучи позднее во враждебной Жуковскому группировке, Державин хорошо относился к нему. Правда, изображение внутреннего мира для Жуковского — это углубление в изолированные от внешнего мира, связанные с воспоминаниями сложные душевные переживания. Внутренний мир героя у Державина — переживания человека, рождающиеся из постоянного общения с внешним миром. Но сам принцип изображения внутреннего мира человека Державин воспринял от Жуковского, как сам Жуковский научился у него вниманию к частному человеку и красочной живописи окружающей природы.

Вместе с тем это вполне объясняет нам, почему Державин и Крылов — единственные поэты-реалисты 1800-х гг.— оказались в реакционной группе адмирала Шишкова. Дело было не столько в их собственной консервативности (революционерами не были и Карамзин с Жуковским), сколько в том, что поэты противоположного лагеря принадлежали к сентиментальному и романтическому направлениям, а для Державина и Крылова в литературе важны были гражданственность, высокая идейность, активное отношение к жизни, реализм.

Для Державина, отстраненного от практической государственной деятельности, активным участием в жизни могла быть только работа в литературе — и трудится шестидесятилетний поэт чрезвычайно много.

В 1804 г. он выпускает сборник «Анакреонтические песни», в котором объединяет стихотворения легких жанров. Книга была восторженно принята читателями, как, впрочем, и все, что выходило из-под пера Державина. «В сей книжке,— писал один из тогдашних журналов,— содержится 71 песня, то есть 71 драгоценность, которые современниками и потомками его будут выучены наизусть и дышать будут гением его

в отдаленнейших временах. Читайте же и благодарите его!»

Однако самого Державина это издание не удовлетворило: напечатана книга была на скверной бумаге, иллюстрации были плохо выгравированы, а главное — множество опечаток и искажений совершенно обесценивали книгу в глазах автора. Державин хотел, чтобы его стихам соответствовало хорошее типографское оформление.

С этой целью он задумал выпустить многотомное собрание своих сочинений, украшенное рисунками, которые бы помогали лучше понять идею каждого произведения, и снабженное примечаниями, которые раскрывали бы намеки и иносказания, содержавшиеся в стихах, объясняли бы повод и историю их создания. Для осуществления этой мысли Державин составил три тома из своих стихотворений; художники А. Н. Оленин, А. Е. Егоров, И. А. Иванов нарисовали к ним иллюстрации, однако граверы запросили слишком дорого, и поэт отложил свой замысел на будущее. В 1806 г. он составил первые, пока еще краткие объяснения к важнейшим произведениям, но работу до конца не довел и также отложил на время.

В 1808 г. выходят первые четыре тома сочинений Державина. В первом из них он собрал оды, написанные во время царствования Екатерины II, во втором — сочиненные при Павле I и Александре I. Третий том содержит стихотворения легких жанров, четвертый — драматические произведения. В предисловии поэт обещал снабдить все стихотворения примечаниями. С этой целью он в следующем, 1809 г., в течение нескольких месяцев диктовал своей племяннице «Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль токмо автору известна...». Труд этот как бы приоткрывает дверь в творческую лабораторию поэта, дает указания, как понимал то или иное событие сам Державин, как принимались его стихи современниками, расшифровывает тысячи злободневных намеков, аллегорий и иносказаний.

Еще через три года Державин закончил аналогичный труд по своей биографии — «Записки». Почти

совершенно не касаясь в них своей поэзии (о ней он сказал в «Объяснениях»), Державин подробно рассказывает только о своей службе, о своей неутомимой деятельности в качестве поборника правды и закона, о многочисленных неприятностях и невзгодах, пережитых за 40 лет неустанной борьбы за справедливость.

Стремясь передать свой теоретический опыт молодому поколению литераторов, Державин пишет огромное «Рассуждение о лирической поэзии», в котором излагает основы поэтической техники, разбирает произведения разных авторов, характеризует стихотворные жанры, излагает историю поэзии с глубокой древности до начала XIX века.

Большое внимание Державин уделяет философско-политической прозе. В 1803—1806 гг. он работает над сборником афоризмов «Мысли мои», сочиняет ряд мелких статей и больших трудов (например, «Разговор короля с философом»). Особый интерес представляет сокращенное изложение учения великого английского философа Фрэнсиса Бэкона, родоначальника английского материализма и естественных наук нового времени.

Державин обращается к жанрам, которые раньше не играли заметной роли в его творчестве. Он пишет много опер, трагедий, комедий.

Считая театр наиболее действенным средством воспитания, Державин особенно высоко оценивал оперу как жанр, в котором автор мог сильнее всего воздействовать на зрителя, сочетая средства трех видов искусства — поэзии, музыки, живописи. Опера,— говорил Державин, — это «волшебный очаровательный мир, в котором взор объемлется блеском, слух гармониею, ум непонятностию и всю сию чудесность видишь искусством сотворенну, а притом в уменьшительном виде, и человек познает тут все свое величие и владычество над вселенной».

Многие писатели и поэты до Державина обращались к народным былинам, каждый по-своему пытались использовать их для создания национальной поэмы (Н. А. Львов, Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев и др.) или национального романа (В. А. Левшин). Державин также обращается к былинам, но в отли-

чие от своих предшественников использует фольклорный материал для создания героической оперы на национально-историческую тему.

Первым опытом его в этом жанре была волшебно-богатырская опера «Добрыня» (1804). Художественно переработав былины, поэт изобразил здесь победоносную борьбу русских во главе с богатырем Добрыней Никитичем и киевским князем Владимиром против татар. В текст оперы Державин обильно вводит народные песни и изображает свадьбу Добрыни «по древним русским обрядам»: путь молодых усыпается хмелем, их обмахивают соболями, у невесты расплетают косу, кормят молодых караваем и кашей и т. д.

Державин не нашел композитора, который сумел бы воплотить его тщательно разработанный замысел в музыке. «Добрыня», как и остальные оперы Державина, не был поставлен на сцене. Характерность вокальных партий, обилие народных хоров и лирических песен-арий, многообразие музыкально-драматических приемов — все это было осуществлено только через два-три десятилетия в операх А. Н. Верстовского («Аскольдова могила», 1835, и другие) или даже позднее.

Но поэт нашел правильный путь, и сразу по его следам, в прямой зависимости от «Добрыни», В. А. Жуковский работает над оперой «Богатырь Алеша Попович, или Страшные развалины» (1804—1808), а в 1806 г. на оперной сцене с успехом идут «Илья-богатырь» И. А. Крылова (музыка К. А. Кавоса) и другие волшебно-богатырские оперы, развивающие державинские творческие принципы. Точно так же вслед за державинским «героическим представлением с хорами и речитативами» «Пожарский, или Освобожденная Москва» (1806) исполняются оратория Дегтярева «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы», трагедия М. В. Крюковского «Пожарский» (1807) и т. д., а после оперы Державина на национально-историческую тему «Грозный, или Покорение Казани» (1814) ставится «Иван Сусанин» А. А. Шаховского (музыка Кавоса, 1815).

Только одна трагедия Державина «Ирод и Мариамна» была поставлена на сцене петербургского театра. Первое представление ее состоялось 23 ноября

1808 г. В главной роли кровавого царя-тирана Ирода выступил знаменитый трагический актер А. С. Яковлев. По свидетельству современника, «трагедия имела успех замечательный и была повторена многократно».

Не бросает Державин и поэзии, но пишет он теперь главным образом легкие стихотворения и философские оды, особенно охотно обращаясь к «малым» жанрам: басням, эпитафиям, эпиграммам, надписям и т. д. Поэт не мог не сознавать, что он уже стар, что крупные сатирические и программные оды ему сочинять трудно.

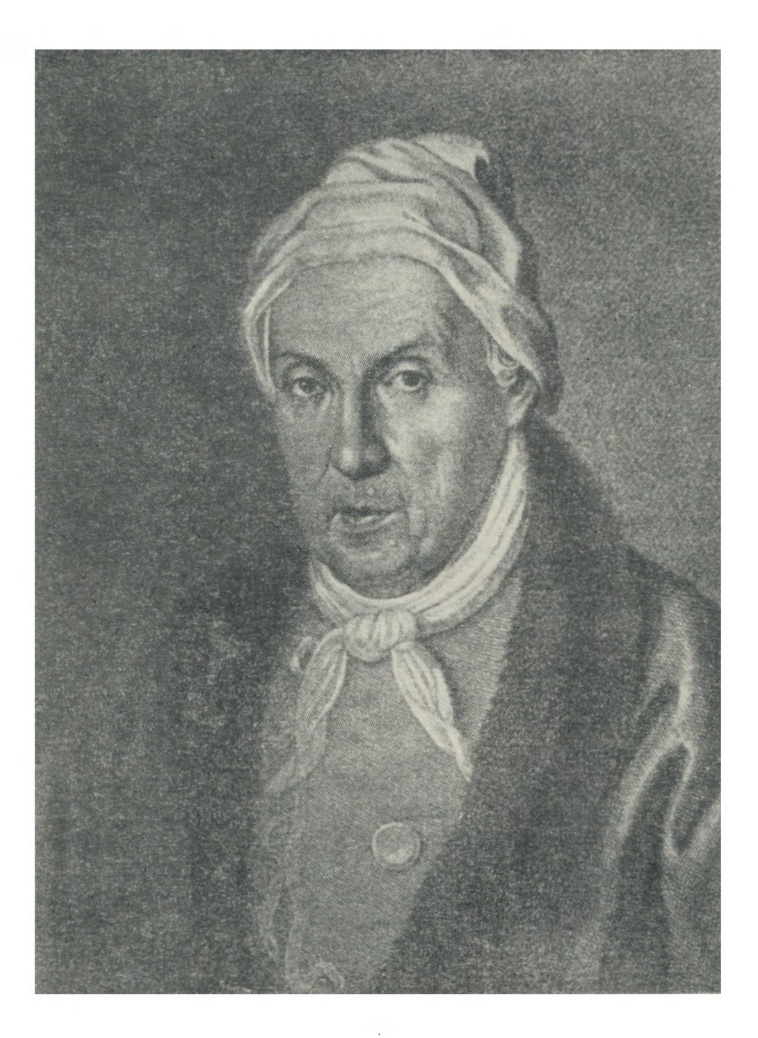
Однажды, показывая молодым поэтам В. А. Жуковскому и П. А. Вяземскому рукописное собрание своих стихотворений, Державин указал им оду «На коварство» и «с приметной грустью» заметил:

— Вот таких стихов я писать был бы уже не в силах!

Действительно, вещей, подобных одам «На смерть князя Мещерского», «Фелица», «Вельможа», «Властителям и судиям», «На коварство», в последний период творчества Державин не написал. Но в других жанрах он создал множество великолепных стихотворений (в первую очередь философского и бытового содержания), которые, не уступая в поэтичности одам 80—90-х гг., также вошли в золотой фонд русской поэзии: «Колесница» (1803—1804), «Лебедь» (1804), «Цыганская пляска» (1805), «Радуга» (1806), «Евгению. Жизнь Званская» (1807), «Признание» (1808), «Задумчивость» (1808), «Аристиппова баня» (1811), «Царь девица» (1812) и другие.

Отличительным свойством Державина является стремление поддержать все мало-мальски талантливое в современной ему поэзии. Это иногда приводило к ошибкам, и он принимал за талантливых писателей совершенно бездарных рифмоплетов, но руководило им бескорыстное желание видеть русскую поэзию сильной, могучей, цветущей.

В поисках поэта, которому он мог бы передать свою «лиру», Державин пристально всматривается в творчество десятков молодых поэтов, ищет преемника в разных поэтических лагерях, поддерживает и своего давнего приятеля Карамзина, и мало знакомого еще ему Жуковского, молодого поэта Батюш-

Г. Р. Державин в старости.

Портрет работы Васильевского.

кова и многих других поэтов. В какой-то момент ему кажется, что достойным преемником будет Жуковский, и Державин адресует молодому поэту четверостишие:

Тебе в наследие, Жуковской,
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж, преклоня чело, стою.

Но вскоре Державину удается разглядеть того, кто в ближайшем будущем станет гордостью русской литературы,— совсем еще юного Пушкина.

Произошло это 8 января 1815 г. в Царском Селе. Державин получил приглашение присутствовать на переводных экзаменах в Лицее. Проводились экзамены публично, в присутствии множества родителей и гостей. В заключение экзамена по русской литературе лицеисты читали свои собственные сочинения. Здесь-то в первый и последний раз встретились Державин и Пушкин, и встреча эта в глазах современников была знаменательной, приобрела символический характер.

«Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду...— рассказывал А. С. Пушкин. — Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...».

Несколько иначе рассказывает об этом событии И. И. Пущин: «На публичном нашем экзамене Державин, державным своим благословением, увенчал юного нашего поэта. Мы все, друзья-товарищи его, гордились этим торжеством... Читал Пушкин с необыкновенным оживлением... Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах бросился целовать его и осенил кудрявую его голову, мы все под каким-то неведомым влиянием благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уже не было: он убежал!..»

После экзамена министр просвещения дал торжественный обед для почетных гостей и приглашенных. За столом министр, похвалив талант юноши, сказал Сергею Львовичу Пушкину:

— Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе.

— Оставьте его поэтом,— с жаром отвечал вместо Сергея Львовича Державин, «вдохновенный духом пророчества».

А. С. Пушкин не без гордости писал много лет спустя:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

А жить старому поэту оставалось уже недолго, всего лишь полтора года.

Лето 1816 г. Державины, как всегда, проводили в Званке. Поэт работал много. Только что вышла из типографии пятая часть его сочинений — стихи, написанные после 1808 г., в печати была шестая — пьесы (книга не увидела света, набор ее был рассыпан после смерти автора). Державин усиленно трудился над седьмой частью, куда собрал надписи, эпиграммы, эпитафии, стихотворные записки за все время поэтической деятельности.

Вечером 8 июля Державин почувствовал себя плохо: сильные спазмы сжимали грудь, участился пульс, поднялась температура. Все же поэт нашел в себе силы продиктовать письма в Петербург — своему родственнику С. В. Капнисту и издателю шестой части сочинений. Во втором письме он велел внести в печатающуюся книгу несколько поправок.

Чтобы сбить температуру, его напоили отваром бузины, но напрасно. Жар усилился, начался бред — и вскоре после полуночи, в ночь на 9 июля 1816 г., Державина не стало.

Похоронен Державин был в церкви Хутынского монастыря, недалеко от Новгорода.

В годы Великой Отечественной войны Хутынский монастырь был разрушен фашистами. В 1959 г. останки Г. Р. Державина и Д. А. Державиной были перевезены в Новгородский Кремль и захоронены в небольшом сквере у западной стены древнего Софийского собора.

Еще в 1795 г. Державин справедливо утверждал, что его поэзия дает ему право на память и уважение потомков.

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух про́йдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

(«Памятник»)

Читая это стихотворение Державина, нельзя не вспомнить стихотворение другого поэта — А. С. Пуш-

кина, его всем известное «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». И дело не столько в похожем размере (шестистопный ямб, но у Пушкина последняя строка в каждой строфе — четырехстопный ямб), равном числе строф и совпадениях отдельных выражений и слов («Я памятник себе воздвиг», «весь я не умру», заключительное обращение «о муза» и др.), сколько в общем ходе мысли обоих поэтов о том, что дает право на бессмертие каждому из них (4-е строфы стихотворений).

Похожие стихотворения есть и у М. В. Ломоносова, В. В. Капниста, А. А. Фета. Но у этих трех поэтов при всей несхожести языка (Ломоносов писал в середине XVIII века, Капнист — в конце XVIII века, Фет — в середине XIX века) абсолютно тождественны все мысли без исключения. И в этом нет ничего удивительного: все трое переводили оду «К Мельпомене» древнеримского поэта Горация. Основная же мысль Горация была такая: «Я считаю себя достойным славы за то, что хорошо писал стихи».

Державин, ко времени написания «Памятника» (1795) уже создавший многие свои поэтические шедевры, мог бы сказать о себе то же самое. Но ему этого было мало.

Вполне сознавая себя именно русским поэтом, понимая, чем было его творчество и в истории русской поэзии вообще, и для современников в частности, Державин пошел по другому пути. Лишь отчасти использовав мысль Горация (к тому же художественно ее переработав и полностью русифицировав), он заговорил об общественном значении своего поэтического творчества. Он считает себя достойным бессмертия прежде всего за то, что его поэзия впервые стала говорить правду.

И именно за Державиным, а не за Горацием пошел Пушкин, когда также сказал о значении своей поэзии в жизни своего времени:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Державин не мог сказать о себе, что он «восславил свободу». Но зато вместе с Пушкиным он смело мог бы заявить: «Чувства добрые я лирой пробуждал» (это же основа всей поэтической морали Державина!) и с не меньшим правом возгласить: «И милость к падшим призывал», ибо, как мы знаем, именно Державин был единственным человеком, осмелившимся в печати потребовать освобождения Радищева (а ведь Пушкин в этой строке подразумевал свой аналогичный поступок: заступничество за декабристов перед Николаем I).

Если расшифровать то, что имеет в виду в 4-й строфе «Памятника» поэт, окажется, что Державин очень точно определяет значение своей поэтической деятельности: реформа литературного языка, введение просторечия, смешение жанров; включение в высокую поэзию сатиры и нравоучения; постановка в центр поэзии человека и реальной жизни; простота и высокая художественность стихов; изображение природы.

К какому литературному направлению принадлежит творчество Державина?

Ответить на этот вопрос одним словом невозможно. Творчество великого русского поэта заключает в себе элементы всех литературных стилей. В своих теоретических воззрениях на поэзию, в ряде философских и похвальных од, в широком использовании риторических приемов классицистической поэтики Державин близко примыкает к классицизму. Но его убеждение в том, что источником поэзии является вдохновение, роднит его с романтизмом, равно как и отношение к народному творчеству и скандинавской мифологии. В различных произведениях Державина, даже написанных в одно время, мы находим то преобладание черт, характерных для реализма, то черт, свойственных романтизму или классицизму. С другой стороны, и в художественном отношении не все у Державина равноценно: рядом с шедеврами в его собрании сочинений немало слабых стихов. Именно эту невыдержанность, неровность, неоднородность творчества Державина имел в виду Пушкин, когда писал: «Кумир Державина $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовый...».

Этот неоднородный сплав, который представляет собой поэзия Державина, дал возможность находить

в ней родственные черты своему творчеству таким совершенно различным художникам, как Батюшков, Жуковский, Рылеев, Пушкин, Гоголь, Тютчев, Некрасов, поэты-символисты и акмеисты начала XX века, Эдуард Багрицкий и многие другие. Однако и они, достигнув новых вершин в поэзии, не смогли полностью исчерпать всех возможностей, заложенных в творчестве Державина. Ораторские интонации его стиха были в новых условиях развиты зачинателем советской поэзии Маяковским, в творчестве которого нашли свое дальнейшее развитие и некоторые другие стороны стиля, языка, ритмики державинской поэзии.

Поэтому Державин — поэт, новатор, гуманист, просветитель, гражданин, патриот — по праву был назван Белинским отцом русских поэтов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Западов Владимир Александрович
ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН
(БИОГРАФИЯ)

Редактор *А. А. Крундышев*
Художественный редактор *В. Б. Михневич*
Технический редактор *Н. И. Аснина*
Корректор *Ц. З. Мунтянова*

Сдано в набор 28/IX 1964 г. Подписано к печати 3/XII 1964 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10,5. (8,82) Уч.-изд. л. 7,43 Тираж 65 000 экз. Цена 19 коп.

Ленинградское отделение издательства „Просвещение" Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, Невский пр., 28.

Заказ № 741.
(тематический план 1965 года № 440)

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

Обложка отпечатана на фабрике офсетной печати №1 Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Ленинград, Кронверкская, 7.

Цена 19 к.

ПРОСВЕЩЕНИЕ • 1965